

COUNCIL OF EUROPE CONSEIL DE L'EUROPE

Право на справедливый суд в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 6)

INTERIGHTS РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЮРИСТОВ | ТЕКУЩЕЕ ИЗДАНИЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА ЯНВАРЬ 2008 Г.

Издание подготовили

		ШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/ АВТОРЫ	Дойна Иоана Страйстеану Дина Ведерникова
ВНЕШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/ АВТОРЫ	Йонко Грозев, Довидас Виткаукас, Шин Льюис- Энтони	ПОМОЩНИК РЕДАКТОРА/ КООРДИНАТОР СЕРИИ	Бет Фернандез (Английская версия) Арпине Аветисян (Русская версия)

Юристы INTERIGHTS

		СТАРШИЕ ЮРИСТЫ	Иан Бёрн Весселина Вандова
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР	Нейл Джеффри	ЮРИСТЫ	Дина Ведерникова Константин Кожокариу Сибонгиле Ндаше Джудит А. Одер Соломон Сакко Дойна Иоана Страйстеану
ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР	Хелен Даффи		
ДИРЕКТОР ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	Андреа Кумбер	ЮРИДИЧЕСКИЕ КООРДИНАТОРЫ	Арпине Аветисян Мони Шреста

Совет директоров INTERIGHTS

Лорд Лестер оф Хёрн Хилл QC, ПОЧЁТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Профессор Джереми Макбрайд, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Присцилла Ашун-Сарпи, КАЗНАЧЕЙ Тим Айк Доктор Чалока Беяни Майкл Гриффин	Доктор Линн Велчман Хелена Кук Джонатан Купер, OBE Анн Лаппинг Доктор Невилл Линтон Александра Маркс Профессор Рейчел Мюррей Профессор Кристин Чинкин
--	--

Международный консультативный совет INTERIGHTS

Профессор Филип Алстон Флоренс Бутегва Сурия Викремасинге Профессор Яш П. Гай Профессор Джерард Квинн Профессор Гарольд Кох Вивиана Крстичевич	Марек А. Новицки Соня Пикадо Доктор Мэри Робинсон Асма Хадер Профессор Мартин Шейнин Роджер Эррера
--	---

РАБОТА С НАСТОЯЩИМ РУКОВОДСТВОМ

Настоящее руководство было составлено в рамках Европейской программы INTERIGHTS для использования в обучающих проектах на территории Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Руководство было задумано в качестве справочника по Европейской конвенции о правах человека для юристов. Формат руководства позволяет проводить его периодическое обновление на веб-странице INTERIGHTS.

В настоящем руководстве содержится информация о судебных решениях, вынесенных Европейским судом по правам человека до января 2008 г. Названия дел указаны в их английском написании для того, чтобы пользователи имели возможность находить эти дела в других источниках и системе HUDOC Европейского суда по правам человека. Ответственность за неточности, неполную информацию и недочеты целиком ложится на авторов.

Руководство также доступно в других форматах при обращении с подобным запросом.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

INTERIGHTS выражает свою благодарность всем лицам, принявшим участие в создании настоящего руководства. Дойна Иоана Страйстеану и Дина Ведерникова, юристы региональной программы INTERIGHTS по Европе, являются внутренними редакторами и соавторами настоящего руководства. Йонко Грозев является внешним редактором, а Довидас Виткаускас и Шин Льюис-Энтони проделали значительный редакторский труд. INTERIGHTS также благодарит всех стажеров и волонтеров, внесших свой вклад в проведение исследований и написание настоящего руководства, в частности, Элеонору Давидян.

INTERIGHTS выражает признательность Институту «Открытое общество» за финансовую и иную поддержку в опубликовании данного руководства на английском языке. Перевод данной публикации на русский язык осуществился при поддержке Совета Европы. INTERIGHTS выражает благодарность обоим учреждениям за сотрудничество.

Опубликовано
Организацией INTERIGHTS
Lancaster House
33 Islington High Street
London N1 9LH
UK

Тел.: +44 (0)20 7278 3230
Факс: +44 (0)20 7278 4334
Эл. почта: ir@interights.org
www.interights.org

© INTERIGHTS 2009 г.

© Council of Europe 2009 г.

Все права защищены. Ни одна часть настоящей публикации не может быть воспроизведена без получения предварительного разрешения издателей. Настоящая публикация является совместной интеллектуальной собственностью INTERIGHTS и Совета Европы. Оригинал данной публикации на английском языке является интеллектуальной собственностью INTERIGHTS. Настоящая публикация может частично или полностью передаваться в любой форме и любым способом – с помощью электронных и механических средств, ксерокопий, записей или любыми другими средствами без предварительного разрешения издателей.

Содержание

1	ВВЕДЕНИЕ	1
	1.1 Особенности и структура статьи 6	1
	1.1.1 Автономный характер	1
	1.1.2 Различия в процессуальной защите	2
	1.1.3 Доктрина четвертой инстанции	2
2	ПРЕДЕЛЫ ЗАЩИТЫ	3
	2.1 Применимость статьи 6	3
	2.2 «Гражданские права и обязанности»	3
	2.2.1 Спор («оспаривание») о «праве»	3
	2.2.2 Определение права	8
	2.2.3 «Гражданское» право	9
	2.3 «Уголовное обвинение»	14
	2.3.1 Характеристика национальных властей	15
	2.3.2 Характер правонарушения	16
	2.3.3 Характер и степень суровости наказания	17
	2.4 Применимость статьи 6 к досудебным расследованиям, апелляциям, процедурам конституционного рассмотрения и смежным процедурам рассмотрения	19
3	МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВА, ГАРАНТИРОВАННЫЕ СТАТЬЕЙ 6(1)	21
	3.1 Право на судебное разбирательство	21
	3.1.1 Доступ к суду	21
	3.1.2 Право на юридическую определенность и эффективность судебных решений	28
	3.2 Установленный законом независимый и беспристрастный суд	30
	3.2.1 Установленный законом суд	30
	3.2.2 Независимость	32
	3.2.3 Беспристрастность	33
	3.3 Справедливость судебного процесса	38
	3.3.1 Состязательный процесс	38
	3.3.2 Принцип равноправия сторон	41
	3.3.3 Право на публичное слушание	44
	3.3.4 Специфика справедливости уголовного процесса	51
	3.3.5 Мотивированное судебное решение	57
	3.4 Судебный процесс в разумные сроки	59
	3.4.1 Случаи, требующие особой осмотрительности	61
	3.4.2 Учитываемый период времени	61
	3.4.3 Сложность дела	62
	3.4.4 Поведение сторон	62
4	ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ – СТАТЬЯ 6(2)	65

5	ОСНОВНЫЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА – СТАТЬЯ 6(3)	69
	5.1 Извещение о предъявлении обвинения – статья 6(3)(а)	69
	5.1.1 Необходимая информация	69
	5.1.2 Право получать информацию «оперативно»	72
	5.1.3 Информация «на понятном языке»	72
	5.2 Соответствующие требованиям время и возможности для подготовки защиты – статья 6(3)(b)	72
	5.2.1 Соответствующее требованиям время	73
	5.2.2 Возможности	74
	5.3 Право на свою защиту и на юридическое представительство – статья 6(3)(с)	75
	5.3.1 Право защищать себя лично и возможность выбрать адвоката	76
	5.3.2 Ограничения доступа адвоката на досудебной стадии	78
	5.3.3 Конфиденциальность и эффективность общения с адвокатом	79
	5.4 Право на допрос свидетелей – статья 6(3)(d)	82
	5.4.1 Право на вызов свидетелей защиты	82
	5.4.2 Право на допрос и вызов для допроса свидетелей обвинения	84
	5.5 Безвозмездная помощь переводчика – статья 6(3)(e)	86
6	УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ	88

1 ВВЕДЕНИЕ

СТАТЬЯ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (КОНВЕНЦИИ) ПРЕДУСМАТРИВАЕТ СЛЕДУЮЩЕЕ:

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.
2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.
3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:
 - а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
 - б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
 - в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;
 - г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;
 - е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

1.1 Особенности и структура статьи 6

Статья 6, занимающая центральное положение в системе Конвенции, гарантирует право на справедливый суд, что имеет фундаментальное значение в демократическом обществе. Цель и предмет статьи закрепляют принцип главенства закона, на основании которого формируется и строится общество, а также частично отражают общее для стран-участниц наследие, в соответствии с преамбулой к Конвенции. Статья 6 – это именно то положение Конвенции, на которое чаще всего ссылаются заявители, обращающиеся в Европейский суд по правам человека (Суд). В этой связи не вызывает особого удивления существование обширного прецедентного права, связанного с применением данного положения. Кроме того, на основании предпосылки о том, что Конвенция является живым документом, судебная практика применения статьи 6 с течением лет претерпевала прогрессивные изменения, что на сегодняшний день позволяет ей охватывать широкий ряд судебных дел.

1.1.1 Автономный характер

Как и другие положения Конвенции, многие условия статьи 6(1) имеют «автономное» значение и требуют толкования, отличного от толкования национального законодательства и национальных властей. Поэтому право на справедливый суд, описанное в статье 6, распространяется не на все

судебные разбирательства на национальном уровне. Используемые в Конвенции понятия «разбирательство обвинения в совершении уголовного преступления» и «определение гражданских прав и обязанностей» являются автономными, то есть их содержание может отличаться от определения, данного национальным законодательством. Иными словами, терминология, которой оперирует национальное законодательство, не является определяющим фактором в данном случае; Суд, в соответствии с собственными установленными критериями, принимает решение относительно того, следует ли признать определенные действия «уголовными» либо имеющими отношение к «гражданским правам и обязанностям» в свете вышеупомянутого положения.

1.1.2 Различия в процессуальной защите

В то время, как в ст. 6(2) и (3) содержатся специальные положения, предусматривающие дополнительные нормы процессуальных процедур, применимых исключительно к лицам, обвиняемым в «уголовных» правонарушениях, действие ст. 6(1) распространяется как на «уголовное», так и на «гражданское» судопроизводство. Важно также отметить, что большинство тяжб, представляемых вниманию Суда как относящиеся к «уголовному» разделу ст. 6, касаются несоблюдения различными государственными чиновниками требования о справедливости процессуальных действий – на стадии расследования, судебного разбирательства или подачи апелляции – в результате чего человеку выносится обвинительный приговор. В то же время, тяжбы, представляемые вниманию Суда как относящиеся к «гражданскому» разделу ст. 6, затрагивают три различных вида проблем: а) недостаток доступа к суду с целью разрешения «гражданского» спора б) справедливость судебного производства в тех случаях, когда доступ к суду не был ограничен, в) право на своевременное приведение в исполнение решения суда в случае положительного исхода «гражданского» спора. Возникновение трех данных видов проблем может быть связано с наличием установленного законом препятствия (например, на подачу судебного иска или апелляции), а также с определенными действиями властей. Как результат в национальном законодательстве могут существовать или отсутствовать различные средства правовой защиты для каждого вида проблемы по отдельности, в результате чего ст. 35(1) Конвенции – об исчерпании внутренних средств правовой защиты и правиле шести месяцев – будет применяться Судом по-разному в зависимости от характера вопроса, в связи с которым заявитель подал заявление о нарушении ст. 6(1), допущенном в связи с «гражданским» спором.

1.1.3 Доктрина четвертой инстанции

При подаче иска со ссылкой на ст. 6 задача Суда заключается в проверке того, являлись ли процессуальные действия, воспринимаемые как единое целое, справедливыми и соответствовали ли они гарантиям настоящего положения (см., в том числе, прецедент **Bernard v France (1998 г.)**). Ни в коем случае не стоит забывать, что, согласно ст. 6, в юрисдикцию Суда не входит возобновление внутреннего судебного разбирательства и замена заключений внутренних судебных инстанций на собственные установленные фактические обстоятельства и заключения по вопросу внутреннего права. Так, например, при подаче иска о несправедливости уголовного процесса, Суд, по сути дела, сосредоточит основное внимание на обстоятельствах, проясняющих, было ли у заявителя достаточно возможностей изложить суть дела на равных правах с обвинением и опровергнуть доказательства, которые он считал ложными. В отличие от внутреннего суда первой инстанции и апелляционного суда, Суд по ст. 6 в принципе не занимается рассмотрением вопроса о том, были ли установленные внутренним судом фактические обстоятельства основаны на адекватной интерпретации свидетельских показаний, являлось ли признание определенных показаний законным с точки зрения внутреннего уголовного права, соответствовало ли заключение внутреннего суда по вопросу права положениям материального уголовного права страны-участницы Конвенции, и был ли приговор адекватным. Суд называет этот принцип доктриной «четвертой инстанции», поскольку в его намерения не входит быть воспринимаемым просто как высшая инстанция в обычной процедуре апелляции.

2 ПРЕДЕЛЫ ЗАЩИТЫ

2.1 Применимость статьи 6

Вопрос применимости ст. 6 следует определить в каждом отдельном случае. Вопрос заключается в том, подпадает ли данное судебное дело под понятие «определение гражданских прав и обязанностей, либо уголовное обвинение». На те случаи, когда судебное дело подпадает под одну из этих двух категорий, и распространяется действие ст. 6(1). Кроме того, на случаи, когда судебное дело подпадает под определение «разбирательство обвинения в совершении уголовного правонарушения», также распространяется действие ст. 6(2) и 6(3).

2.2 «Гражданские права и обязанности»

Во-первых, для вступления в силу «гражданского» аспекта ст. 6 должен иметь место спор («оспаривание» (contestation)) о «праве» или «обязанности». Во-вторых, данное «право» должно основываться на положениях внутреннего законодательства. Кроме того, упомянутый спор должен дать прямое и категоричное определение «праву». Наконец, рассматриваемое право или обязанность должны носить «гражданский» характер. Лишь при соответствии всем описанным выше критериям Суд может приступить к изучению жалобы заявителя о том, что оспариваемое судебное разбирательство проходило в нарушение положений ст. 6 Конвенции.

Не вызывает сомнений, что понятие «гражданских прав и обязанностей» включает в себя обыкновенные гражданские тяжбы, преимущественно носящие характер частного права, как, например, споры между частными лицами в связи с деликтами, контрактами и вопросами семейного права. В то же время, гораздо сложнее определить, распространяется ли действие ст. 6(1) на споры между частными лицами и государством относительно прав, которые, согласно некоторым законодательным системам, подпадают под действие публичного, а не частного права. С самого начала Судом была принята точка зрения, согласно которой ответ на вопрос, касается ли спор «гражданских прав и обязанностей», не может быть дан лишь на основании того, как он рассматривается внутренним правом государства ответчика; у данной концепции есть «автономное» значение в рамках Конвенции. Любой иной подход позволил бы странам-участницам Конвенции обходить гарантии ст. 6(1) на справедливый суд, классифицируя определенные сферы законодательства как «публичные» или «административные», и создал бы риск существенных расхождений в предоставлении защиты права на справедливый суд в различных странах Европы.

С другой стороны, отказ Суда от учета формулировок внутреннего законодательства при определении «гражданского» характера спора затрудняет выяснение того, попадает ли данный вид спора в сферу защиты ст. 6. Суд исходит из различных факторов, таких как экономический характер рассматриваемого права и его определение в рамках внутреннего законодательства, что позволяет постепенно увеличивать число споров, на которые распространяется действие ст. 6 и, в то же время, создает сложности в некоторых случаях, например, в вопросе применимости ст. 6 в спорах о приеме на работу госслужащих. Прецедентное законодательство позволяет сделать один общий вывод о том, что позиция внутреннего законодательства не является здесь определяющей, и учитывать необходимо буквально все: существенный смысл, характер, а также последствия применения рассматриваемого права.

2.2.1 Спор («оспаривание») о «праве»

В национальном законодательстве должна существовать процедура спора или «оспаривания» (данный термин, contestation (оспаривание), был позаимствован из французского варианта ст. 6) на предмет соблюдения прав и обязанностей, признанных национальным законодательством, по

крайней мере, на спорных основаниях. Категория, присваиваемая вопросу, составляющему предмет спора в национальном законодательстве, не связана напрямую с предметом рассмотрения; как станет ясно ниже, определяющую роль здесь играет природа вопроса. Вопросы по поводу споров нередко возникают в связи с приемом в профессиональные организации либо исключением из них, например: в коллегии адвокатов либо Генеральный медицинский совет, членство в которых является ключевым для законного осуществления профессиональной деятельности. Подобные вопросы возникали и в ряде других случаев. Споры, подпадающие под гарантии ст. 6, могут возникать не только между частными лицами, но и между частным лицом и органом государственной власти.

- Дело **Bentham v Netherlands (1985 г.)** о получении и последующем лишении заявителя лицензии на право эксплуатации станции техобслуживания автомобилей. Заявитель жаловался, что на судебных слушаниях, в результате которых было принято постановление об отзыве лицензии, не была соблюдена ст. 6(1). Судом были сформулированы несколько важных принципов истолкования понятия спора («оспаривание» (contestation)) в данном деле. В первую очередь, соответствие духу Конвенции требует избегать чисто технического толкования слова «contestation» (оспаривание) и придавать значение содержанию, а не форме. Во-вторых, спор может быть связанным не только с самим фактом существования права, но и со сферой и методом его применения. В-третьих, спор может рассматривать как «вопросы факта», так и «вопросы права». Кроме того, спор должен быть реальным и иметь существенные причины. Наконец, в то время как само понятие спора охватывает все процессуальные действия, результат которых является решающим для соблюдения гражданских прав и обязанностей человека, отношение конкретного спора к упомянутым правам и обязанностям не должно быть неясным, а последствия не должны иметь удаленную причинно-следственную связь. Таким образом, гражданские права и обязанности должны являться предметом либо одним из предметов спора, а результат процессуальных действий должен иметь решающее значение непосредственно для упомянутого права. На основании представленных фактов по делу **Bentham**, Суд постановил, что спор должен быть признан как спор между заявителем и муниципальными властями Нидерландов по поводу реального существования права на лицензию, явившегося предметом иска. В данной ситуации, поскольку заявитель мог использовать станцию техобслуживания автомобилей на основании выданной лицензии, что не являлось нарушением законодательства, и судебное разбирательство имело силу решения для соблюдения данного права, вступала в силу ст. 6(1).
- В деле **H. v Belgium (1987 г.)** заявитель был исключен из списка коллегии адвокатов и дважды подавал прошение о восстановлении. Согласно внутреннему законодательству, прошение о повторном приеме может подаваться в течение десяти лет и более при наличии «исключительных обстоятельств». Заявителю было отказано в повторном приеме на основании того, что прошение было подано им по истечении десятилетнего срока. Суд признал, что действие ст. 6(1) распространяется только на споры («contestations» (оспаривания)) о гражданских правах и обязанностях, которые могут считаться признанными таковыми внутренним законодательством, по крайней мере, на спорной основе; ст. 6(1) сама по себе не гарантирует конкретную поддержку внутренними законами гражданских прав и обязанностей. Суд отметил, что условие «исключительных обстоятельств» дает возможность различных истолкований, и, таким образом, заявитель может заявить, по крайней мере, на спорной основе, о своем «праве», признанном законодательством Бельгии, подать заявление в коллегии адвокатов повторно. Суд также постановил, что, несмотря на тот факт, что прием в коллегии адвокатов носит характер публичного права, адвокатская практика включает в себя ряд функций, носящих характер частного права, и поэтому ст. 6(1) здесь применима.
- В деле **Chevrol v France (2003 г.)** заявительнице, гражданке Франции, было отказано в приеме в Союз медицинских работников на основании того, что ее медицинский диплом был получен в Алжире. Согласно французскому законодательству, для регистрации в качестве

практикующего врача необходимо выполнить два условия: во-первых, обладать необходимой профессиональной подготовкой и, во-вторых, иметь французское гражданство. Поскольку спора о выполнении заявительницей в принципе условия о необходимой профессиональной подготовке не было, Суд обратил внимание на то, что заявительница может, по крайней мере, на спорных основаниях заявить о своем «праве», согласно французским законам, быть допущенной к работе в качестве врача. По этой причине ст. 6(1) была применима к внутреннему судопроизводству с целью определения данного права.

- В деле **Van Marle and Others v Netherlands (1986 г.)** заявителям было отказано в возобновлении сертификата, позволяющего осуществлять бухгалтерскую практику, по причине вступления в силу нового специального закона. Применяя данный закон, власти задались целью дать оценку знаниям и опыту практикующих бухгалтеров, что давало бы им возможность продолжить занятие профессией сертифицированного бухгалтера. Суд постановил, что данная оценка знаний является разновидностью школьного или университетского экзамена и на настоящий момент не относится к осуществлению стандартных судебных функций, а также что гарантии ст. 6 не распространяются на разногласия, вытекающие из данной оценки.
- В деле **Georgiadis v Greece (1997 г.)** заявитель был помещен под стражу после отказа пройти военную службу по религиозным основаниям. Высший административный суд впоследствии признал, что отказ заявителя имел основания исходя из местного законодательства. В то же время, заявителю не было предоставлено права потребовать компенсацию ущерба. Суд постановил, что исход судебного процесса имел решающее значение для установления права заявителя на компенсацию за необоснованное задержание, которое, в принципе, существует в греческом законодательстве. Таким образом, имел место спор о «праве», предусмотренном ст. 6(1).
- В деле **Mustafa v France (2003 г.)** заявитель жаловался на длительность процедуры смены фамилии, запущенной по его просьбе. Согласно французскому законодательству, частному лицу разрешается подать прошение о смене фамилии в тех случаях, когда продемонстрирована «обоснованная заинтересованность», определение которой проводится по усмотрению исполнительной власти. Суд пришел к заключению, что рассматриваемый спор касается «права», которое, по крайней мере, на спорных основаниях, может считаться признанным местным законодательством. Суд также постановил, что право на получение имени имеет «гражданский» характер для целей ст. 6(1) (см. также главу 2.2.3 далее).

Суд признал, что применимость ст. 6 не ограничивается вопросом существования прав и обязанностей частных лиц в рамках внутреннего законодательства, но также включает в себя вопросы, связанные с областями и способами осуществления права, которым было уделено особое внимание при вынесении решения по делу **Bentham**. В деле **Le Compte, Van Leuven and De Meyere v Belgium (1981 г.)** заявители, врачи по профессии, были исключены из медицинского реестра на короткий период времени за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. В утверждениях Правительства, среди прочего, фигурировало, что исключение не ущемляло «права», а являлось всего лишь временным ограничением его реализации. Суд постановил, что исключение являлось прямым и материальным вмешательством в право на продолжение профессиональной деятельности в качестве врача. Тот факт, что исключение являлось временным, не препятствовал ущемлению данного права. По этой причине ст. 6(1) была применима к внутреннему судопроизводству, касающемуся законности данного исключения.

Для того, чтобы действие ст. 6(1) распространялось на какой-либо спор, он должен быть также «реальным и существенным». В упомянутом выше деле **Bentham v Netherlands (1985 г.)**, когда Суд впервые сформулировал данный принцип, было установлено существование «реального и существенного» спора по поводу реального существования права на лицензию, явившегося предметом

иска. Это подтверждалось теми фактами, что заявитель эксплуатировал станцию техобслуживания автомобилей три года, ожидая исхода оспариваемой судебной процедуры, и что исход судебной процедуры напрямую имел решающее значение для данного права.

- В деле **Sporrong and Lonnroth v Sweden (1982 г.)** собственность заявителей стала предметом принудительного отчуждения и запрета на строительство на несколько лет. Заявители выражали недовольство тем, что их иски по данному вопросу не могли быть заслушаны в судах Швеции. Суд отметил, что заявители считали незаконными административные меры, которые серьезным образом затрагивали их право на собственность, на основании чего они имели право запустить процедуру определения судом законности данных мер, согласно ст. 6(1).

Однако к тем случаям, когда, исходя из внутригосударственного материального права, внутренним законодательством не определена претензия, дающая основания для подачи иска, частное лицо не может требовать применения ст. 6.

- В деле **M.S. v Sweden (1997 г.)** заявительница подала жалобу на то, что была лишена права на обращение в суд в связи с разглашением истории болезни, которая была направлена в страховую компанию в целях рассмотрения поданной заявителем претензии на выплату компенсации в связи с получением травмы. Суд отметил, что, несмотря на то, что шведское законодательство гарантирует конфиденциальность истории болезни, оно также устанавливает обязанность по закону разглашать историю болезни при определенных обстоятельствах, таких, как, например, в случае заявительницы. Соответственно, нельзя было на спорных основаниях утверждать существование «права» предотвратить передачу в страховую компанию медицинских данных заявительницы. Она не могла притязать на то, что имел место спор о каком-либо ее «праве», предусмотренном ст. 6(1).
- В деле **Powell and Rayner v United Kingdom (1990 г.)** заявители жаловались на то, что были лишены законом возможности проведения акции протеста в адрес властей в связи с увеличившимся шумом, создаваемым воздушным сообщением вокруг аэропорта Хитроу. Суд постановил, что в подобных обстоятельствах внутреннее законодательство фактически снимало с властей ответственность. Суд подытожил, что заявители не могут заявить о своем реальном «праве» на удовлетворение иска, согласно английскому законодательству. Соответственно, отсутствует «право», признанное внутренним законодательством, которое позволило бы применить ст. 6(1).
- В аналогичной ситуации, в деле **Skorobogatykh v Russia (2006 г.)**, Суд также постановил, что ст. 6 (1) не может быть применена в связи с отсутствием права, признанного внутренним законодательством. Заявитель предъявил претензию на отказ со стороны внутригосударственной тюремной администрации доставить его в суд для слушания дела, по которому он требовал компенсации ущерба, причиненного тюремной администрацией. Иск заявителя был основан на том факте, что в данной тюрьме некоторое время содержались заключенные, зараженные вирусом СПИД. Суд постановил, что, согласно внутреннему законодательству, возмещения ущерба можно требовать лишь в случае нанесения вреда, подтвержденного доказательствами, а поскольку в ходе внутреннего судебного процесса заявитель не делал конкретных заявлений о нанесении вреда ему лично или о нарушении его индивидуальных прав, национальным судом его иск был отклонен за недостатком оснований.
- В деле **Tinnelly & Sons LTD and Others and McElduff and Others v United Kingdom (1998 г.)** правительственным постановлением («сертификатом») со ссылкой на соображения национальной безопасности заявителям было отказано в подаче в суд претензии об отклонении их тендера на проведение строительства. Суд постановил, что закон, позволяющий властям издавать «сертификат», не сводится к автоматической отмене юрисдикции судов Соединенного королевства, из

чего следует, что не было «существенных» препятствий для предоставления заявителям доступа в суд. Ст. 6(1) была применима, поскольку заявители могли оспорить данное процессуальное препятствие («сертификат»), согласно внутреннему законодательству, на основании, в том числе, недобросовестности.

- В деле **Gutfreund v France (2003 г.)**, в связи с которым ему было отказано в предоставлении юридической поддержки. В ходе изучения вопроса о том, распространяется ли на данный случай гражданский аспект ст. 6(1), Суд выявил, что в случае правонарушения, подобного тому, в котором обвинялся заявитель, внутренним законодательством предусматривается лишь возможность, а не право получения юридической поддержки. По этой причине спор о «праве» отсутствовал, и ст. 6(1) в силу не вступала.

Суд провел разграничение между внутригосударственным материальным правом, предотвращающим правовые притязания, и процессуальными препятствиями, предотвращающими правовые притязания. Суд отметил, что, если бы государство, находясь вне сдерживающей сферы влияния и контроля Суда, могло, например, выводить из-под юрисдикции внутренних судов целый ряд гражданских исков или предоставлять большим группам и категориям лиц неприкосновенность в сфере гражданской ответственности, это противоречило бы принципу главенства закона в демократическом обществе. Согласно логике, подобное правовое препятствие считалось бы процессуальным. Однако основная проблема заключается в определении того, что относится к материально-правовым препятствиям, когда ст. 6(1) не применима, и что относится к процессуальным препятствиям, когда ст. 6(1) может быть применена.

- В деле **Markovic and Others v Italy (2006 г.)** Суд рассмотрел жалобу родственников людей, убитых во время авиационного удара сил НАТО по Radio Televizije Srbije (RTS) в Белграде в апреле 1999 г. Заявители жаловались, что суды Италии отказали им в рассмотрении исков с требованием компенсации ущерба. Суд мотивировал невозможность применения ст. 6 тем, что правовое препятствие в подаче иска согласно итальянскому законодательству являлось не правовой неприкосновенностью, а нормой материального права, исключающего любую возможность возложения ответственности на государство за внешнеполитические действия, включая военные.
- В деле **Roche v United Kingdom (2005 г.)** Большая палата Суда постановила «отправной точкой принятия решения относительно существования «права» и определения материального или процессуального характера оспариваемого внутреннего правового препятствия должны служить положения соответствующего внутреннего законодательства, а также их истолкование во внутригосударственных судах. В тех случаях, когда национальный верховный суд дает доступный и убедительный анализ точному характеру оспариваемого препятствия, Суду, согласно затронутому в данном вопросе прецедентному праву Конвенции и вытекающим из него принципам, потребуются веские основания на то, чтобы не согласиться с выводом вышеупомянутых национальных судов и представить свою, отличную от их, точку зрения относительно истолкования норм внутреннего законодательства, установив, что, вопреки вынесенному ими решению, право, признанное внутренним законодательством, имеет место «на спорных основаниях».

Вопросы:

1. Существует ли спор о «праве или обязанности» на основании внутреннего законодательства?
2. Согласуется ли с внутреннее судопроизводство со смыслом таких понятий Конвенции, как «спор» и «право»?

2.2.2 Определение права

Согласно критериям, принятым на основании дела **Bentham v Netherlands (1985 г.)** (см. главу 2.2.1 выше), для получения «определения» гражданских прав и обязанностей, результат спора должен иметь решающее значение непосредственно для упомянутых прав и обязанностей. Рассматриваемые права должны занимать центральное положение в судебном процессе и не должны быть побочными или иметь неясную и удаленную причинно-следственную связь с результатом рассматриваемого внутреннего судебного процесса. Действие ст. 6 не распространяется на те случаи, когда юридическое действие отстаиваемого права имеет крайне удаленную связь с оспариваемым решением. Суд также постановил, что тип органа власти, к юрисдикции которого относится рассматриваемый вопрос, не имеет решающего значения; им может быть суд, трибунал, муниципалитет, профессиональная организация и т.д. Действие ст. 6 распространяется на все случаи, в которых конкретная инстанция обладает полномочиями определения гражданских прав и обязанностей лица.

- Дело **Ringeisen v Austria (1971 г.)** было первым случаем изучения Судом возможности применения «гражданского» аспекта ст. 6. В данном случае у заявителя была договоренность с супружеской парой о продаже земли, однако административные власти отказались одобрить продажу данной земли. Суд постановил, что для вступления в силу ст. 6(1) применительно к спору не обязательно, чтобы обе участвующие в судебном разбирательстве стороны являлись частными лицами. Формулировка ст. 6(1) гораздо шире; она охватывает все судебные процедуры, исход которых имеет решающее значение для частных прав и обязанностей. По этой причине тип законодательства, ответственного за определение вопроса (гражданское, коммерческое, административное и пр.), а также орган власти, к юрисдикции которого относится данный вопрос (обычный суд, административная инстанция и пр.), не имеют решающего значения. Суд постановил, что при покупке заявителем собственности у супружеской пары у него было право на одобрение заключенного ими договора купли-продажи в том случае, если он выполнил соответствующие предписания закона. Несмотря на то, что при вынесении решения об одобрении либо отклонении факта продажи указанный орган власти применил административное законодательство, принятое решение имело решающее значение для отношений между заявителем и супружеской парой применительно к гражданскому законодательству. На этом основании вступала в силу ст. 6(1).
- В деле **Fayed v United Kingdom (1994 г.)** Суд постановил, что действие ст. 6(1) не распространяется на расследование назначенными Министерством торговли и промышленности инспекторами приобретения заявителями сети универмагов Harrods, несмотря на довод заявителей о том, что под вопрос поставлена их репутация (гражданское право). Суд установил, что целью расследования, публичный отчет о котором затрагивал множество фактов, в том числе, происхождение и материальное благосостояние заявителей, являлось установление и регистрация фактов, которые впоследствии могли послужить основанием для действий со стороны других уполномоченных органов власти – уголовных, регулирующих, дисциплинарных и даже законодательных. Суд был удовлетворен тем фактом, что функции, которыми были наделены инспекторы, по сути, сводились к расследованию, и им не было предоставлено полномочий определения меры уголовной или гражданской ответственности братьев Файед. По этой причине ст. 6(1) не могла быть применена.
- В деле **Balmer-Schafroth and Others v Switzerland (1997 г.)** заявителям было отказано в доступе к суду с целью выражения протеста против действия вблизи их дома атомной электростанции на основании того, что, предположительно, конструкция электростанции имеет серьезные, не поддающиеся ремонту дефекты. Суд отметил, что довод заявителей был основан на их праве на адекватную защиту своей физической неприкосновенности, признанном законодательством Швейцарии. Основным вопросом заключался в том, является ли исход судебного разбирательства решающим непосредственно для отстаиваемого заявителями права. Суд отметил, что заявителям не удалось установить прямую связь между условиями работы электростанции и своим

правом на защиту физической неприкосновенности. Таким образом, возможная опасность не была установлена с той степенью вероятности, которая была необходима для приобретения исходом судебного разбирательства решающего значения в вопросе соблюдения прав, на которые ссылались заявители. По этой причине ст. 6(1) не могла быть применена.

- В деле **S.a.r.l. du Parc d'Activites de Blotzheim and SCI Haselaecker v France (2003 г.)** иск был подан несколькими компаниями, опротестовавшими в Conseil d'Etat¹ опубликованный президентский указ о двустороннем соглашении между Францией и Швейцарией, позволяющем расширить территорию аэропорта Базель-Мюлюз. Суд признал, что данный спор является существенным и затрагивает материальные интересы компаний-заявителей, поскольку возможное расширение аэропорта могло коснуться их имущества, а также осуществляемой в районе аэропорта деятельности. В то же время, Суд отметил, что данный спор не касался конкретного проектного решения либо решения о конфискации имущества, он касался только законности в рамках внутреннего законодательства публикации межгосударственного соглашения, создающего правовую основу для возможности проведения упомянутого расширения. На основании этого Суд постановил, что спор не имел решающего значения непосредственно для «гражданских» прав и обязанностей компаний-заявителей, и в ходе разбирательства в Conseil d'Etat ст. 6(1) не могла быть применена.

Вопросы:

1. До какой степени внутреннее законодательство согласуется с идеей Суда об «определении» гражданских прав и обязанностей?

2.2.3 «Гражданское» право

Обычно вопрос о том, касается ли спор «гражданских» прав и обязанностей является очевидным. «Гражданскими» признаются правовые отношения между частными лицами, например, иск о возмещении ущерба вследствие получения травм либо нанесения урона репутации, обвинения в нарушении обязательств по договору и споры о решении финансовых вопросов вследствие развода. В некоторых случаях «гражданское право» закрепляется законом за лицами, отвечающими определенным критериям (см. дело **Tinnelly & Sons LTD and Others and McElduff and Others v United Kingdom (1998 г.)**). Как было отмечено выше, вопрос применимости ст. 6(1) менее очевиден, когда, например, внутренним законодательством оговаривается, что соответствующие процедуры носят характер публичного права, либо когда одна из сторон разбирательства является государственным органом, с учетом того, что словосочетание «гражданские права и обязанности» согласно ст. 6 не следует толковать, исключительно ссылаясь на внутреннее законодательство страны-ответчика. Внутренняя классификация споров может оказаться полезной, однако она не играет решающей роли при принятии Судом постановления относительно применимости ст. 6. Таким образом, ряд судебных процедур, входящих в сферу рассмотрения обычными гражданскими судами, и гражданских процессов могут не входить в сферу действия ст. 6. И наоборот некоторые судебные процедуры, классифицируемые внутренним законодательством как административные либо дисциплинарные, могут быть отнесены Судом к сфере действия «гражданского» или «уголовного» аспекта ст. 6.

Серьезную сложность представляет собой вопрос применения ст. 6 к спорам, относящимся к сфере публичного права, например, к случаям, когда административный или дисциплинарный орган уполномочен законом на совершение действий, идущих вразрез с правами и интересами частного лица, либо к спорам, касающимся судебного разбирательства, в качестве одной из сторон которого выступает орган государственной власти. После принятия решения по делу **Ringisen**

¹ Государственный совет (фр.)

Суд постепенно принимал все более либеральное толкование концепции «гражданских» прав и обязанностей. Прецедентное право Суда относительно ст. 6 видоизменилось и приняло форму широкого спектра дел, включающих, в том числе, элементы упомянутого публичного права. Судом было принято постановление о том, что ст. 6 (1) применима вне зависимости от статуса сторон и характера законодательства, от которого зависит определение вида спора. Во внимание принимается только характер рассматриваемого права и тот факт, имеет ли исход судебного разбирательства «решающее значение для прав и обязанностей частного лица» (см., например, дело **Baraona v Portugal (1987 г.)**).

Право на компенсацию ущерба в связи с незаконным помещением под стражу является «гражданским» правом, согласно ст. 6(1) (См. цитируемое выше дело **Georgiadis**, а также дело **Goc v Turkey (2002 г.)**), равно как и право на компенсацию ущерба по заявлению о факте применения пыток, даже в тех случаях, когда, согласно утверждению, пытки были применены частными лицами или властями другого государства (см., например, дело **Al-Adsani v United Kingdom (2001 г.)**), или право подачи иска в связи с обстоятельствами помещения под стражу (**Ganci v Italy (2003 г.)**), а также право требовать освобождения из изолятора психиатрической лечебницы (**Aerts v Belgium (1998 г.)**). В социальной сфере ст. 6 считается применимой к решениям органов местного самоуправления, например, относительно перехода ребенка под общественную опеку или права на общение с родителями (**Olsson v Sweden (1988 г.)**), характер всех данных вопросов считается в достаточной степени «гражданским», чтобы подпадать под действие ст. 6(1).

- В деле **König v Germany (1978 г.)** Суд постановил, что судебная процедура, включавшая в себя, в том числе, отзыв полномочий на управление медицинской клиникой и права на осуществление врачебной практики, относится к сфере действия ст. 6(1). Это произошло, несмотря на то, что к функциям органа, принявшего данное решение, относилось соблюдение интересов общественного здравоохранения и выполнение обязанностей представителей медицинских профессией перед обществом в целом. Суд также принял постановление о том, что ст. 6 вступала в действие применимо к спору о праве продолжить медицинское образование, начало которому было положено в другой стране (см., например, дело **Kok v Turkey (2006 г.)**).
- Аналогичным образом, в деле **Pudas v Sweden (1987 г.)**, когда лицензия заявителя на обслуживание определенных маршрутов такси была отозвана в рамках программы рационализации, предусматривавшей замену одного из маршрутов заявителя на автобусное сообщение, Суд отклонил довод правительства Швеции о том, что, ввиду того, что отзыв лицензии по существу зависел от оценки результатов политики, не поддающейся и не подлежащей судебному контролю, данный вопрос не включает в себя определение гражданских прав и обязанностей. Вместо этого Суд принял единогласное постановление о том, что признаки принадлежности данного дела к публичному праву не исключали вопрос из сферы действия ст. 6(1), вступавшей в силу, поскольку отзыв лицензии имел последствия для предпринимательской деятельности заявителя.

Следуя данным принципам, Суд принимал решения о применимости ст. 6 в целом ряде случаев, когда отказывалось в праве на занятие профессией или иной экономической деятельностью, или когда данное право было затронуто иным образом. Суд признавал ст. 6 применимой к спорам, возникшим в ходе или вытекающим из следующих ситуаций: медицинские дисциплинарные разбирательства (см. цитируемое выше дело **König**); решения комиссии по контролю за выдачей разрешений на осуществление бухгалтерской практики (см. цитируемое выше дело **Van Marle**), решение профессиональной коллегии отказать в восстановлении в списке адвокату, однажды исключенному из него (см. цитируемое выше постановление суда по делу **H. v Belgium (1987 г.)**), решения об апелляции в связи с выдачей лицензии на право эксплуатации станции техобслуживания (см. цитируемое выше дело **Benthem**), отзыв лицензии на продажу алкогольных напитков (**Tre Traktörer Aktiebolag v Sweden (1989 г.)**) или разработку гравийного карьера (**Fredin**

v Sweden (1991)). Суд постановил, что гражданский раздел ст. 6 также применим в отношении регистрации властями права на владение имуществом, поскольку это имело решающее значение для эффективной реализации права на собственность (см. **Buj v Croatia (2006 г.)**).

В случаях, когда предметом спора являлись деньги или имущество, Суд, как правило, классифицировал спор как «гражданский», порой несмотря на то, что вытекающие разногласия возникли вследствие постановлений, принятых в сфере публичного права.

- В деле **Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v Greece (1994 г.)** заявители выиграли в арбитражных судах иск о возмещении ущерба, последовавшего в результате прекращения новой государственной властью тендера на строительство электростанции, однако затем государство возбудило в обычных судах новую серию судебных дел с целью отмены выплаты компенсации ущерба. Суд отметил, что арбитражные суды частично удовлетворили претензии заявителей, подтвердив, что данные претензии имеют основания, согласно греческому законодательству. Суд также отметил, что претензия заявителей относительно выплаты компенсации ущерба имела «финансовый» характер и поэтому, в соответствии со ст. 6(1), являлась «гражданской». Исход судебных дел, возбужденных государством в обычных судах с целью отмены решения арбитражного суда о выплате компенсаций, имел решающее значение для упомянутых «гражданских прав». На этом основании вступала в силу ст. 6(1).

В схожих ситуациях Суд принимал решения о применимости ст. 6(1) к различным спорам относительно административных постановлений, касающихся собственности, в том числе: судебное дело об одобрении муниципалитетом продажи земли (см. цитируемое выше дело **Ringeisen**), выдача ордера на помещение под стражу на основании психического состояния (**Winterwerp v Netherlands (1979 г.)**) или уголовного законодательства (см. цитируемое выше дело **Baraona**), что повлияло на возможность заявителей распоряжаться своим имуществом, судебное дело о праве на занятие дома (**Gillow v United Kingdom (1986 г.)**), судебное дело об укрупнении сельскохозяйственной земли (**Erkner and Hofauer v Austria (1987 г.)**), судебное дело об отчуждении земли (см. цитируемое выше дело **Sporrong and Lonroth**) и разрешении на строительство на земле (**Mats Jacobsson v Sweden (1990 г.)**), судебное дело о разрешении сохранить за собой сельскохозяйственную землю, приобретенную на аукционе (**Hakansson and Stureson v Sweden (1990 г.)**) и различные виды исков о компенсации ущерба (см. **Lithgow and Others v United Kingdom (1986 г.)** и **Jasiuniene and Others v Lithuania (2003 г.)**).

Следует, однако, отметить, что судебное дело не становится «гражданским» автоматически только потому, что имеет экономическую подоплеку. Сам иск должен иметь, как минимум, «финансовый» характер и быть основан на заявленном нарушении прав, также являющихся финансовыми (**Procola v Luxembourg (1995 г.)**); а исход судебного дела должен иметь решающее значение непосредственно для рассматриваемых финансовых прав (см. цитируемое выше решение **S.a.r.l. du Parc d'Activites de Blotzheim and SCI Haselaecker**).

В прецедентном праве Суда постепенно претерпевал изменения вопрос о применении ст. 6(1) к спорам, вытекающим из прав на социальное страхование, в том числе, пенсии и льготы.

- В деле **Feldbrugge v Netherlands (1986 г.)** рассматривался иск о льготах в связи с заболеванием. Несмотря на то, что характер законодательства, обязательность страхования от определенных видов рисков и признание государственными органами ответственности за обеспечение социальной защиты являлись атрибутами публичного права, Суд посчитал, что частный и экономический характер заявленного г-й Фельдбрюгге права, связь с трудовым договором и идентичность страхования в рамках обычного законодательства перевешивали перечисленные выше пункты. Суд пришел к выводу о том, что действие ст. 6(1) распространялось на внутреннюю судебную процедуру в связи с определением иска о льготах. В деле **Deumeland**

v Germany (1986 г.) Суд пришел к аналогичному выводу относительно права вдовы на выплату дополнительной пенсии в связи с гибелью мужа в результате несчастного случая на производстве.

- В деле **Salesi v Italy (1993 г.)**, где рассматривался спор о праве на пособие по нетрудоспособности, выплата которого осуществлялась целиком из государственных фондов, и которое не зависело от выплаты взносов, Суд постановил, что ст. 6(1) применима. Это явственно вытекало из двух факторов: во-первых, право на пособие было правом, гарантированным национальным законом, зафиксированным в законодательстве, заявитель мог отстаивать данное право в обычном гражданском суде, и оно не зависело от его реализации на усмотрение государства; во-вторых, тот факт, что отказ в пособии явился вмешательством в получении заявительницей средств к существованию. Второй фактор явился достаточным основанием для признания права «гражданским» с точки зрения Конвенции.

До вынесения решения по делу **Salesi** оставалось неясным, будет ли данное истолкование «гражданского» спора распространено на случаи оказания социальной помощи, не предусматривающей взносы, в том числе, при требовании поддержки дохода, которое не основано на «договоре» между государством и частным лицом и с трудом поддается сравнению со схемами частного страхования. После прецедента **Salesi** Суд постепенно принял точку зрения, согласно которой ст. 6(1) применяется в тех случаях, когда предметом спора является начисление денежных средств независимо от того, основано заявляемое право на частном или же на публичном законодательстве.

Применимость ст. 6 к спорам относительно занятости на государственной службе вызвала у Суда определенные затруднения. До 1999 г. Суд соблюдал традиционную позицию в принятии решений о применимости ст. 6, когда следовало сделать вывод о том, занимает ли финансовый вопрос центральное положение в споре, что попадает в сферу действия ст. 6. Действие ст. 6 на те случаи, когда в споре, связанном с государственной гражданской службой, центральное положение занимала не финансовая претензия, а доступ к или увольнение с государственной гражданской службы, не распространялось. В 1999 г. Суд принял решение ввести новый критерий при рассмотрении дела **Pellegrin v France (1999 г.)**, когда за пределы действия ст. 6(1) были выведены иски, «предъявляемые госслужащими, обязанности которых являются типичным образцом деятельности государственной службы в той степени, в которой последняя выступает в качестве доверенного лица государственной власти, отвечающей за защиту общих интересов государства или иных органов государственной власти». При таком подходе Суд должен был в каждом отдельном случае устанавливать, влечет ли за собой должность заявителя – в свете характера его обязанностей и вытекающей из них ответственности – прямое или косвенное участие в применении власти, предоставляемой публичным правом, и исполнении обязанностей, возложенных на него с целью защиты общих интересов государства.

- В деле **Vilko Eskelinen v Finland (2007 г.)** Суд, все же, признал, что критерий оценки функциональных обязанностей **Pellegrin** мог привести к аномальным результатам и отменил его. Суд принял другой стандарт, согласно которому государство может оспаривать применимость ст. 6 к спору о занятости государственного служащего при соблюдении двух условий. Во-первых, внутренним законодательством данного государства должен быть совершенно четко запрещен доступ к суду лицу, занимающему данную указанную должность, или указанной категории сотрудников. Это было значительным изменением подхода Суда, так как до тех пор наличие доступа в суд согласно внутреннему законодательству не учитывалось при оценке возможности применения ст. 6. Во-вторых, исключение судебного контроля в рамках внутреннего законодательства должно быть обосновано объективными причинами государственного интереса. Для обоснования подобного исключения государство должно доказать не только факт причастности указанного лица к исполнению государственной власти, но и то, что предметом спора является именно исполнение власти, а также «особая, основанная на доверии и преданности связь» между госслужащим, осуществляющим данную власть, и государством. Благодаря новому подходу, не

может иметь под собой оснований исключение из сферы действия ст. 6 таких обычных споров о трудовых отношениях, как споры о заработной плате, пособиях и схожих правах.

- Следуя своей новой позиции, Суд постановил, что действие ст. 6 не распространяется на дело **Sukut v Turkey (2007 г.)**, в котором военнослужащий подал иск относительно невозможности опротестовать решение вооруженных сил об увольнении его из своих рядов по дисциплинарным соображениям. Учитывая невозможность применения ст. 6, Суд постановил, что были удовлетворены оба условия, установленные в ходе рассмотрения дела **Vilko Eskelinen**. Во-первых, внутреннее законодательство совершенно четко исключало судебный контроль, а, во-вторых, военнослужащий был уволен ввиду несоответствия на основании его религиозных убеждений занимаемой в вооруженных силах должности. С точки зрения Суда, это как раз являлось спором о существовании «особой, основанной на доверии и преданности связи» между госслужащим и государством, а принцип отделения церкви от государства явился достаточным основанием для отказа от осуществления судебного контроля.

Отсюда следует, что «гражданский» аспект ст. 6 может применяться даже в контексте судебного разбирательства между государственным должностным лицом с одной стороны и органом государственной власти с другой стороны при условии, что спор носит финансовый характер, а «обязанности» и «права», о нарушении которых заявлено, относятся к сфере частного права. Таким образом, рассматривая дело **Richard-Dubarry v France (dec.)(2003 г.)** Суд постановил, что ст. 6 применима к судебному разбирательству, возбужденному против заявительницы государством по факту злоупотребления государственными средствами в ее бытность мэром. Суд отметил, что между заявительницей и государством действительно имела место тяжба финансового характера, и что она может быть признана виновной в совершении гражданского правонарушения, в результате которого казна понесла убытки, которые заявительница должна возместить.

- В деле **Loiseau v France (dec.)(2003 г.)** Суд вынес вердикт о применимости ст. 6 к административному судебному разбирательству в связи с отказом муниципальных властей предоставить заявителю ряд документов, касающихся обстоятельств привлечения его к работе в государственной средней школе в качестве учителя. Суд указал на то, что вывести из положений Конвенции общее право на доступ к административным сведениям и документам, как правило, сложно, однако связанные с раскрытием информации судебные разбирательства могут быть признаны «гражданскими», если документы и сведения имеют отношение только к личной ситуации заявителя, а раскрытие информации, как в данном случае, может существенным образом сказаться на перспективах карьерного роста.

В то же время, ст. 6(1) не может быть применена к спорам, относящимся исключительно к сфере публичного права, например, к существованию политического права участвовать в работе органа законодательной власти (См., например, дело **Zdanoka v Latvia (dec.)(2003 г.)**) или местной власти (дело **Cherepkov v Russia (dec.)(2000 г.)**), а также к спорам о законности решения иммиграционных властей отказать в предоставлении убежища или осуществить депортацию иностранного гражданина (дело **Maaouia v France (2000 г.)**). Спор о праве на освобождение призывника от военной службы был признан Судом не относящимся к сфере действия ст. 6, поскольку право на освобождение от военной службы однозначно имеет характер публичного права (**Kunkov and Kunkova v Russia (dec.)(2006 г.)**). Ст. 6(1) также не применима к судебным разбирательствам в связи с налоговыми отчислениями (**Lasmane v Latvia (dec.)(2002 г.)**); однако ее «уголовный» аспект может применяться к тем случаям, когда штраф налагается за финансовые нарушения (см. дело **Janosevic v Sweden (2002 г.)** и дело **Jussila v Finland (2006 г.)**).

- В деле **Schreiber and Boetsch v France (dec.)(2003 г.)** Суд принял решение о неприменимости ст. 6 в связи с процессуальным отводом судьи, инициированным заявителями на основании якобы имеющей место предвзятости, в ходе уголовного расследования авиакатастрофы,

в котором заявители были признаны гражданской стороной (Не вызывает сомнений применимость «гражданского» аспекта ст. 6 к уголовным расследованиям, когда заявитель, согласно заявлению, выступает в качестве жертвы преступления, а его гражданские права напрямую затрагиваются исходом уголовного дела). Суд постановил, что право на вынесение судебного постановления о составе суда и замене судьи не является «гражданским». Данное право является, самое большее, процессуальным и не влечет за собой определение гражданских прав заявителя даже в том случае, если возможная замена судьи может повлиять на исход вспомогательных судебных процедур (уголовное расследование), на которое действие ст. 6(1), несомненно, распространяется, и независимо от того факта, что заявителям было предъявлено денежное взыскание за нанесение оскорбления судопроизводству после неудавшейся попытки процессуального отвода. Аналогичным образом Суд постановил, что гражданское право не находилось под вопросом при наложении ареста на активы в целях обеспечения исков пострадавшей стороны в контексте уголовного расследования. Подобное решение было вынесено, так как наложение ареста не включало в себя принятия решений относительно данных исков, урегулирование которых должно было произойти в ходе отдельного судебного процесса (см, например, дело **Dogmoch v Germany (dec.)**(2006 г.)).

Таким образом, заявитель не может претендовать на автономное применение гарантий ст. 6 к судебным процедурам, связанным с отзывом судьи, или иным процедурным решениям, принимаемым в контексте гражданского или уголовного дела. Согласно ст. 6(1), не существует отдельного права «на доступ к суду» для подачи иска в связи с процедурными решениями – существует только право на доступ с целью вынесения судебных решений, которые определяют обстоятельства гражданского или уголовного дела.

Подводя итоги, можно сказать, что аспект «гражданского» права ст. 6 применяется не только к тяжбам частного права, но и к целому ряду публичных тяжб, исход которых напрямую затрагивает частные права личности. Однако применимость ст. 6 имеет свои ограничения. Например, она не может быть применена к некоторым областям публичного права, в которых, как правило, налицо преимущественно публичный характер прав личности (налогообложение, иммиграция, решение процессуальных вопросов и пр.), и отсутствует реальная аналогия с частными правами. Кроме того, даже в таких сферах, как право планирования и лицензирования, к которым традиционно применяется ст. 6(1), существуют некоторые аспекты решений муниципальных властей, на которые действие ст. 6(1) не распространяется, в силу чего они не должны становиться предметом требований «справедливого» суда. Поскольку прецедентное право Суда пребывает в состоянии динамичного развития, точные пределы применения ст. 6 в некоторых сферах по-прежнему остаются открытыми для обсуждения.

Вопросы:

1. Как внутреннее законодательство определяет «гражданские» права и обязанности?
2. Насколько их определение отличается от толкования Судом понятия «гражданских» прав? Считает ли, например, внутреннее законодательство «гражданскими» споры о праве на социальные льготы и споры о найме государственных служащих, исполняющих функции, присущие частному сектору?

2.3 «Уголовное обвинение»

Понятие «обвинения в совершении уголовного правонарушения» в ст. 6, равно как и концепция «гражданских прав и обязанностей», рассматривается Судом как обладающее автономным значением. Нередки случаи, когда поведение, вокруг которого возник спор, характеризуется национальными властями как дисциплинарное, а не уголовное нарушение.

- В деле **Engel and Others v Netherlands (1976 г.)**, связанном с мерами, примененными к служащим вооруженных сил в ответ на такие нарушения, как несоблюдение субординации (характер данного нарушения классифицируется законодательством Нидерландов как дисциплинарный), Суд применил трехступенчатый подход с целью определения, подпадает ли данное нарушение под определение уголовного обвинения, согласно ст. 6. Во-первых, Суд изучает классификацию, созданную национальным законодательством и властями. Во-вторых, Суд исследует характер нарушения и, в-третьих, дает оценку характеру и степени строгости наказания, назначаемого в случае признания указанного лица виновным. Второй и третий критерий дела **Engel** являются альтернативными и не всегда применяются в совокупности. Иными словами, Суд может признать, что нарушение является «уголовным» со ссылкой либо на его характер, либо на имеющиеся виды наказаний (дело **Lutz v Germany (1987 г.)**). Совокупный подход необходим в ситуациях, при которых анализ каждого критерия по отдельности не позволяет прийти к однозначному выводу о наличии обвинения «в совершении уголовного преступления» (дело **Ezeh and Connors v United Kingdom (2003 г.)**).

Подход, разработанный Судом при рассмотрении дела **Engel**, не позволяет странам-участницам прибегать к помощи внутренней классификации в целях отмены гарантий ст. 6 применительно к различным видам судебных разбирательств в связи с административными и дисциплинарными нарушениями. В то время, как страны-участницы имеют право проводить различия между уголовным и дисциплинарным правом, Суд должен быть удовлетворен тем, что данная разграничительная линия проводится не в ущерб предмету и цели ст. 6 (дело **Weber v Switzerland (1990 г.)**).

2.3.1 Характеристика национальных властей

Подход Суда заключается в том, чтобы сначала изучить вопрос принадлежности положений, дающих определение рассматриваемому правонарушению, к уголовному или дисциплинарному праву или же к обеим отраслям права одновременно, согласно законодательству страны-ответчика (**Demicoli v Malta (1991 г.)**, пар. 32). Суд постановил, что это должно быть отправной точкой; в самом деле, в ряде случаев даже внутреннее законодательство не может дать четкой оценки вопросу (См. цитируемое выше дело **Engel**, пар. 82). В то же время, внутренняя классификация играет важную роль, поскольку в случае классификации дела как уголовного в рамках национального законодательства это является достаточной причиной для распространения на него, даже при относительной незначительности, действия ст.6.

- В деле **Demicoli v Malta (1991 г.)** в качестве заявителя выступал журналист, опубликовавший критическую статью, посвященную поведению членов парламента. Он был вызван в Палату представителей для присутствия на судебном разбирательстве в связи с нарушением им привилегии и признан виновным. Заявитель утверждал, что правонарушение носило уголовный характер, в то время как страна-ответчик утверждала, что оно было только дисциплинарным. Суд постановил, что тот факт, что внутреннее законодательство не классифицирует данное правонарушение как уголовное, не был определяющим. Гораздо большее значение имел характер правонарушения (см. главу 2.3.2 ниже), согласно ст. 6 Конвенции.
- Дело **Ravnsborg v Sweden (1994 г.)** рассматривало наложение денежного взыскания за неподобающие заявления, сделанные в суде одной из сторон гражданского судебного процесса. В ходе изучения характеристик, данных делу национальными властями, Суд выявил основания для предложения считать правонарушения уголовными, а также основания для их характеристики как дисциплинарных с точки зрения внутреннего законодательства. По этой причине возникла необходимость рассмотреть характер правонарушения согласно автономному значению ст. 6 (см. главу 2.3.2 ниже).

2.3.2 Характер правонарушения

Характер правонарушения требует изучения рассматриваемого законодательства, его применения, а также наличия аналогий с другими уголовными правонарушениями. Суд разграничил правонарушения, относящиеся к определенной группе лиц, например, депутатам парламента, журналистам и другим профессиональным объединениям, и правонарушения, относящиеся ко всем гражданам страны. При наличии связи правонарушения с определенной группой лиц возрастает вероятность рассмотрения его Судом в качестве дисциплинарного, не подпадающего под действие ст. 6(1).

В упомянутом выше деле **Demicoli** Суд отметил, что рассматриваемое правонарушение потенциально относилось ко всем гражданам страны, поскольку имело силу независимо от того, являлся обвиняемый в правонарушении человек членом парламента или нет, а также от того, где на Мальте была опубликована клеветническая статья, дискредитирующая упомянутых в ней лиц. Суд также отметил тот факт, что правонарушение привело к наложению штрафа, а не предъявлению гражданского иска о возмещении ущерба. Таким образом, данное правонарушение имело аналогии с «уголовным» правонарушением согласно ст. 6.

При вынесении решения по упомянутому выше делу **Ravnsborg** Суд отметил, что рассматриваемое законодательство было применимо исключительно к неподобающим заявлениям, адресованным суду в устной или письменной форме лицом, присутствующим либо участвующим в судебном разбирательстве. Суд посчитал, что меры, примененные к заявителю судами Швеции, были характерны для большинства европейских законодательных систем и имели целью скорее обеспечение справедливого отправления правосудия, чем назначение наказания за совершение «уголовного» правонарушения. На основании этого Суд пришел к выводу о том, что характер рассматриваемых правонарушений не был «уголовным», и ст. 6 в силу не вступала.

- В деле **Weber v Switzerland (1990 г.)**, касавшемся денежного взыскания, наложенного на заявителя за разглашение в прессе неких документов по судебному процессу о клевете в адрес третьего лица, Суд постановил, что подобные санкции обычно применяются в целях обеспечения соблюдения представителями определенной группы особых требований судебного производства. Судьи, адвокаты и все лица, близко связанные с работой судов, в силу профессии подлежат дисциплинарным взысканиям за действия, аналогичные действиям заявителя. В отличие от этого, стороны, просто принимающие участие в процессе в качестве лиц, относящихся к юрисдикции суда, по этой причине не принадлежат к дисциплинарной сфере судебной системы. Суд постановил, что рассматриваемое право, которое потенциально распространялось на заявителя, относилось ко всем гражданам страны; соответственно правонарушение, которое оно определяло и к которому были применены карательные санкции, имело «уголовный» характер.
- В деле **Ziliberg v Moldova (2005 г.)** заявитель был кратковременно помещен под стражу и впоследствии оштрафован согласно Кодексу об административных правонарушениях за участие в несанкционированной демонстрации. Суд постановил, что характер правонарушения, совершенного заявителем, распространялся на всех граждан страны в качестве нарушения общественного порядка, а карательный и устрашающий характер назначенного наказания подтверждал, что судебное разбирательство было «уголовным» согласно ст. 6.
- Из дела **Kyprianou v Cyprus (2005 г.)** следует вывод о том, что характер мер, принимаемых судами к адвокатам, прокурорам и сторонам судебного разбирательства в интересах справедливого отправления правосудия, как то: денежные взыскания, предупреждения и прочие виды дисциплинарных выговоров – не может считаться «уголовным», если данные меры относятся к законодательным нормам, распространяющимся исключительно на данную группу представших перед судом лиц. В то же время, в некоторых случаях подобного рода основанием

для применения ст. 6 может стать суровое наказание (например, тюремное заключение), что предусмотрено Судом в делах о нанесении оскорбления суду, что является типичным для основанных на общем праве правовых систем правонарушением.

Факт связи правонарушения с определенной группой граждан является лишь одним из относительных признаков при вынесении оценки характеру правонарушения (см. цитируемое выше дело **Ezeh and Connors**). В то время как крайняя тяжесть правонарушения, как правило, указывает на его «уголовный» характер, сам по себе факт относительной незначительности правонарушения не всегда означает, что оно является чисто дисциплинарным. В тех же случаях, когда правонарушение может рассматриваться и как дисциплинарное (например, в контексте тюремной дисциплины), и как уголовное, то при вынесении оценки характеру правонарушения это может стать существенным фактором.

2.3.3 Характер и степень суровости наказания

Некоторые правонарушения, в том числе незначительные нарушения правил дорожного движения, могут рассматриваться внутренним законодательством скорее как административные или регулятивные, чем относящиеся к уголовной сфере. Суд, несомненно, оценил преимущества того факта, что государственные власти некоторых стран предприняли шаги по «декриминализации» определенных действий; это служит интересам как индивида, поскольку за ним не будет числиться судимостей, так и правосудия, поскольку судебные органы будут разгружены от ряда дел. В то же время Суд отметил, что при отмене юридического действия ст. 6 государственным властям важно не делать этого безосновательно. В тех случаях, когда наказание должно быть карательным и устрашающим, рассматриваемое судебное дело, скорее всего, будет признано «уголовным». На те случаи, когда наказание является крайне суровым (предусматривает длительный срок тюремного заключения), также распространяется действие «уголовного» аспекта ст. 6.

- В цитируемом выше деле **Engel and Others** Суд постановил, что проводившееся вооруженными силами дисциплинарное разбирательство, в результате которого обвиняемому угрожал перевод в дисциплинарную воинскую часть (включая лишение свободы) на срок от трех до четырех месяцев, относилось к уголовной сфере по третьему критерию. Судебные разбирательства, в ходе которых обвиняемому угрожал легкий арест (без лишения свободы) или строгий арест сроком до двух дней, к уголовной сфере не относятся. В последующем прецедентном праве Суд был готов признать, что действие ст. 6 распространяется на дела, в которых наказанием является лишение свободы, пусть даже на короткий период времени.
- Таким образом, в деле **Zaicevs v Latvia (2007 г.)** приговор в виде трех дней лишения свободы, вынесенный адвокату за нанесение оскорбления суду, был признан достаточным для распространения на судебное дело действия ст. 6 несмотря на то, что внутренним законодательством оно не классифицировалось как уголовное, а характер правонарушения не являлся общим.
- В деле **Campbell and Fell v United Kingdom (1984 г.)** судебное разбирательство в связи с серьезными дисциплинарными нарушениями в тюрьме (бунт и грубое насилие по отношению к должностным лицам), когда обвиняемым угрожала отмена значительного сокращения срока заключения, было признано «уголовным». Суд посчитал характер самих правонарушений недостаточным основанием для отнесения их к уголовной сфере, однако основанием для этого стала суровость наказания. На этом основании вступила в силу ст. 6.
- В деле **Ezeh and Connors v United Kingdom (2003 г.)** аналогичный вывод был сделан Судом в отношении тюремного дисциплинарного разбирательства, когда заключенным был вынесен приговор в виде увеличения срока на несколько дней (40 и 7 дней соответственно). Характер и суровость наказания имели решающее значение для признания Судом правонарушений

«уголовными» согласно ст. 6. Для принятия решения о том, что заявителям было предъявлено «уголовное обвинение», важную роль играло наказание, которое «полагалось назначить» по закону. Суд не зафиксировал минимальный срок, при котором приговор о заключении под стражу будет считаться недостаточным для перевода дисциплинарного взыскания в «уголовную» сферу, с точки зрения ст. 6, с оговоркой по решению в деле **Engel**, когда двухдневное лишение свободы оказалось для этого недостаточным.

- В деле **Janosevic v Sweden (2002 г.)**, когда заявитель должен был выплатить дополнительные налоговые сборы, Суд постановил, что налоговые вопросы, как правило, находятся вне пределов «гражданских прав и обязанностей» ст. 6, вопреки последствиям финансового характера, которые они неизбежно имеют для налогоплательщика. В то же время, Суд отметил, что дополнительные налоговые сборы взимались в Швеции со всех обязанных выплачивать налоги лиц, а не с определенной группы с особым статусом. Дополнительные налоговые сборы не являлись финансовой компенсацией затрат, возникших вследствие каких-либо поступков налогоплательщика. Основной задачей дополнительных налоговых сборов являлось оказание давления на налогоплательщиков в целях соблюдения ими своих правовых обязательств, а также наказание за несоблюдение данных обязательств. В силу того, что данные денежные взыскания носили устрашающий и карательный характер, они должны рассматриваться как «уголовные», что относится к сфере действия ст. 6 (см. также **Jussila v Finland (2006 г.)**).
- В деле **Ozturk v Germany (1984 г.)** власти Германии приняли политическое решение о выводе из уголовной сферы ряда незначительных нарушений правил дорожного движения, наказанием за которые служил штраф. С учетом критериев, определенных в деле **Engel**, Суд постановил, что денежное взыскание, назначенное заявителю, ставшему виновником дорожной аварии, имело устрашающие и карательные цели, чего оказалось достаточно для выявления «уголовного» характера вопроса, согласно Конвенции. Процесс «декриминализации» ряда незначительных правонарушений внутреннего законодательства не повлиял на классификацию данных правонарушений как «уголовных» в соответствии со ст. 6.
- Даже в тех случаях, когда наказанием является не тюремное заключение и не денежный штраф, ст. 6 все равно может применяться на основании комбинации факторов. В деле **Matyjek v Poland (dec.) (2006 г.)** рассматривался случай, подпадавший под действие существующего в Польше закона о люстрации. Суд посчитал, что наказание, выражавшееся в запрете занимать определенные посты в правительстве, было достаточно серьезным, что позволило признать его характер, по крайней мере частично, карательным и устрашающим. Еще одним аргументом применения ст. 6, согласно мнению Суда, явился тот факт, что наказание было назначено за подписание ложной декларации, что позволяло провести аналогию с преступлением лжесвидетельства, а судопроизводство, несмотря на то, что оно не было классифицировано внутренним законодательством как уголовное, обладало некоторыми чертами, сближающими его с уголовным судопроизводством.

Разнообразные судебные разбирательства в целом ряде случаев не были признаны соответствующими понятию «уголовного» обвинения, несмотря на то, что имели место вопросы об инкриминированных или предполагаемых уголовных действиях. Общей чертой всех этих дел было отсутствие штрафного или карательного элемента, которые Суд определил как «типичную отличительную черту уголовных наказаний» (см. цитируемое выше дело **Ozturk**). Например, судебные разбирательства, результатом которых стало постановление о принудительном поселении на определенной территории лиц, признанных представляющими угрозу для общественной безопасности или нравственности, не считаются относящимися к «уголовной» сфере, с точки зрения ст. 6 (**Guzzardi v Italy (1980 г.)**). Аналогичным образом, депортация из соображений безопасности (даже на основании подозрений в криминальной деятельности (**Agee v United Kingdom (dec.) (1976 г.)**)) или нелегального пересечения границы (само по себе правонарушение) (**Zamir v United Kingdom (dec.) (1982 г.)**, **Chahal v United Kingdom (1996 г.)**), были признаны не соответствующими понятию

«уголовного обвинения». Судебные разбирательства согласно Конвенции о передаче осужденных лиц также признаны выходящими за рамки ст. 6 (**Szabo v Sweden (dec.)**(2006 г.)). Аналогичный вывод был сделан относительно наложения ограничений на деятельность страховой компании на основании того, что контролирующее ее лицо не соответствовало своей должности и не выполняло ее надлежащим образом, несмотря на то, что обвинения, выдвинутые против него, по крайней мере на спорной основе, включали в себя обвинения в совершении криминальных действий (**Kaplan v United Kingdom (dec.)**(1978 г.)).

- К схожему выводу о применимости ст. 6 к предупреждению, сделанному полицией ученику школы по факту развратных действий, Суд пришел в деле **R. v United Kingdom** (1987 г.). Полицией было решено не возбуждать против заявителя дело по факту развратных действий, а вынести предупреждение, при этом заявитель должен был подписать реестр и был направлен в группу, организованную для молодых преступников, с целью определения, необходимо ли ему принять участие в программе реабилитации. При вынесении решения о неприменимости ст. 6 Суд сослался на оценку характера данных мер, являвшегося превентивным, а не карательным.

К числу различных дисциплинарных разбирательств, признанных выходящими за пределы «уголовной» сферы, согласно ст. 6, относятся: дисциплинарные разбирательства в вооруженных силах с принудительным переводом служащего в запас (**Saraiva de Carvalho v Portugal (dec.)** (1981 г.)), дисциплинарные разбирательства, в результате которых служащий полиции отправляется в отставку за незаконное присвоение казенного имущества (**X. v United Kingdom (dec.)**(1980 г.)), увольнение госслужащих на основании специального закона, принятого применительно к сфере национальной безопасности (см. решение по делу **Sidabras and Dziautas**), мелкие дисциплинарные разбирательства против адвоката с вынесением предупреждения (**X. v Belgium (dec.)**(1980 г.)), дисциплинарные разбирательства против учителя с назначением штрафа за участие в забастовке (**S. v Germany (dec.)**(1984 г.)), судебное разбирательство против фармацевта с назначением штрафа за неэтичное поведение, включающее нарушение предписаний о назначении цен на лекарства (**M. v Germany (dec.)**(1985 г.)).

Вопросы:

1. Каким образом внутреннее законодательство различает уголовные правонарушения и дисциплинарные или регулятивные правонарушения?
2. Какими критериями пользуются государственные власти при определении, является ли правонарушение предметом уголовного или дисциплинарного (административного) разбирательства?
3. Распространяются ли гарантии справедливого суда на лиц, отбывающих тюремное заключение и привлекаемых к судебной ответственности за серьезное дисциплинарное правонарушение, совершенное в тюрьме?

2.4 Применимость статьи 6 к досудебным расследованиям, апелляциям, процедурам конституционного рассмотрения и смежным процедурам рассмотрения

В делах по обвинению в совершении «уголовного правонарушения» согласно ст. 6 гарантии данного положения статьи начинают действовать с момента предъявления человеку обвинения в совершении уголовного преступления. Стоит отметить, что это не всегда совпадает с моментом первого предъявления официального обвинения подозреваемому в совершении преступления. Кроме того, поскольку задачей ст. 6 является защита человека в ходе уголовных процедур, а официальные обвинения могут предъявляться на более поздней стадии расследования, необходимо найти критерий, позволяющий определить начало уголовного судопроизводства, не зависящий от фактического

развития судебного разбирательства по данному конкретному делу. В этой связи, согласно ст. 6(1), Судом было сформулировано следующее определение «обвинения»: «официальное уведомление индивида компетентными органами власти о предъявлении ему обвинения в совершении уголовного правонарушения» (**Eckle v Germany (1982 г.)**). Однако «в некоторых ситуациях это может приобрести иные формы, при этом действия будут также направлены на предъявление данного обвинения и существенным образом влиять на положение подозреваемого» (**Foti and Others v Italy (1982 г.)**).

Ст.6(1) распространяется на всю процедуру рассматриваемого судебного разбирательства, включая процедуру апелляции и вынесения приговора.

- В деле **Delcourt v Belgium (1970 г.)** ст. 6(1) была признана применимой к судебному разбирательству в Кассационном суде Бельгии. Правительство сослалось на тот факт, что Кассационный суд не занимается конкретными обстоятельствами возбуждаемых дел, однако Суд выявил, что, несмотря на то, что приговор Кассационного суда может лишь подтвердить или аннулировать постановление, но не отменить или заменить его, он все же «разбирает» обвинение в совершении уголовного преступления.
- В деле **T. and V. v United Kingdom (1999 г.)** Суд изучил вопрос применимости ст. 6(1) к процедуре вынесения приговора. Заявители в возрасте 11 лет были приговорены за совершенное годом ранее убийство маленького ребенка. Как и в случае с вынесением приговора за совершение убийства другим несовершеннолетним в Англии и Уэльсе, они были приговорены к содержанию в заключении на неопределенный срок. Такой приговор является неопределенным: срок заключения, «тариф», служит для соблюдения требований возмездия и устрашения, после чего дальнейшее содержание преступника под стражей законно лишь в том случае, если это представляется необходимым в целях защиты от него общества. На момент вынесения приговора заявителям тариф определялся министром внутренних дел. Суд постановил, что процедура определения тарифа приравнена к вынесению приговора, и в данном случае имело место нарушение ст. 6(1), поскольку министр внутренних дел не является «независимым и объективным судом».

В то же время, в случае с некоторыми процессуальными действиями, предшествовавшими уголовному судопроизводству или дополнявшими его, было признано, что разбирательство обвинения «в совершении уголовного правонарушения» не проводилось. По этой причине процессуальные действия, имевшие место после признания человека виновным и вынесения приговора, не относятся к сфере действия ст. 6 (**Delcourt v Belgium (1970 г.)**). Данное положение не может применяться к процессуальным действиям, связанным с подачей заключенным прошения об условном освобождении или условно-досрочном освобождении под честное слово (**X. v Austria (dec.)(1961 г.)**), о возбуждении нового судебного процесса (**Franz Fischer v Austria (dec.)(2003 г.)**), о пересмотре приговора после того, как решение стало *res judicata* (**X. v Austria (dec.)(1962 г.)**). Ст. 6(1) также не распространяется на процессуальные действия, следующие за принятием решения о неспособности заявителя быть обвиняемым по уголовному делу (**Antoine v United Kingdom (dec.)(2003 г.)**), на различные решения о приведении в исполнение наказаний, включая вопросы о типе учреждения, в котором будет отбываться приговор (**X. v Austria (dec.)(1977 г.)**), на категорию охраны заключенного (**X. v United Kingdom (dec.)(1979 г.)**), на вторичное препровождение в исправительное учреждение заключенного, освобожденного условно (**Ganusauskas v Lithuania (dec.)(1999 г.)**) и на продление срока заключения рецидивиста по распоряжению правительства (**Koendjibiharie v Netherlands (1990 г.)**).

В то время, т. к. ст. 6 сама по себе не гарантирует право на подачу апелляции, в прецедентном праве установлено, что если такое право предоставляется человеку внутренним законодательством в уголовных и гражданских судебных разбирательствах, ст. 6 применима как в первой инстанции, так и при последующих апелляциях. Способ применения ст. 6 зависит от конкретных факторов

рассматриваемого судебного дела. При оценке того, была ли соблюдена ст. 6 на определенной стадии, необходимо принять во внимание все судебное разбирательство, проводящееся согласно внутреннему правопорядку. На этом основании юридический пробел на одной стадии может быть восполнен на другой стадии (**Fejde v Sweden (1991 г.)**). Таким образом, в случае с административными и дисциплинарными разбирательствами, а также разбирательствами в связи с мелкими правонарушениями возможны случаи их несоответствия ст. 6 в органе первой инстанции, однако возможность проведения вслед за ними судебных слушаний существенно это компенсирует. Аналогичным образом, суду второй инстанции не всегда необходимо проводить подробное слушание дела при условии, что в первой инстанции одно слушание уже состоялось (**Ekbatani v Sweden (1988 г.)**).

Ст. 6 не применима к разбирательствам, проходящим в конституционных судах, которые не могут принимать постановления по существу данного дела, и деятельность которых направлена на соблюдение конституционных прав и контроль соответствия конкретного внутреннего законодательства конституции страны (**Valasinas v Lithuania (dec.) (2000 г.)**). В то же время, ст. 6 применяется к конституционным судебным разбирательствам, когда постановление конституционного суда может иметь последствия для исхода спора, на который распространяется действие ст. 6 (**Deumeland v Germany (1986 г.)**).

Кроме того, действие ст. 6 не распространяется на случаи неудачных попыток возобновления дела, в том числе, запросы о проведении внеочередной либо специальной процедуры пересмотра дела, доступ к которой для самого индивида закрыт, а осуществление предоставлено на усмотрение некоего органа государственной власти (**Tumilovich v Russia (dec.) (1999 г.)**). В то же время, при возобновлении дела или получении разрешения на внеочередной пересмотр, гарантии ст. 6 будут распространяться на последующий судебный процесс (**Vanyan v Russia (2005 г.)**). Аналогичным образом действие ст. 6 не распространяется на случаи отказа властей возобновить дело внутри страны после того, как Суд вынес постановление о нарушении Конвенции в ходе оспариваемого внутреннего судебного разбирательства (см. цитируемое выше постановление по делу **Franz Fischer v Austria**).

3 МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВА, ГАРАНТИРОВАННЫЕ СТАТЬЕЙ 6(1)

3.1 Право на судебное разбирательство

Данное право принадлежит к числу тех прав, которые не следуют непосредственно из текста ст. 6(1), и были специально доработаны Судом. Оно означает, что индивид должен иметь право на представление своего дела в суде с целью его рассмотрения, не встречая на своем пути неправомерных юридических и практических препятствий. Как станет ясно ниже, данное право не является безоговорочным и принимает различные формы в гражданской и уголовной сферах. Право на судебное разбирательство также включает в себя право на окончательный характер судебного процесса и право на требование своевременного исполнения судебного решения по гражданскому делу.

3.1.1 Доступ к суду

В толковании Суда право на суд является неотъемлемой частью ст. 6(1), при этом право на доступ составляет один из его аспектов. Любой человек, подающий жалобу на то, что не имел возможности подать иск в суд с целью изучения органами правосудия всех относящихся к спору вопросов факта и права перед принятием обязательного постановления, может ссылаться на отсутствие доступа к суду (см. цитируемое выше дело **Le Compte and Others**). Данное право распространяется как на лиц, требующих определения «гражданских» прав, так и на лиц, обвиняемых в «совершении уголовного правонарушения» (**Deweert v Belgium (1980 г.)**).

Суд впервые признал данное право в деле **Golder v United Kingdom (1975 г.)**, когда был сделан вывод о том, что подробные гарантии справедливого суда по ст.6 не имеют смысла при отсутствии возможности возбудить само судебное разбирательство. Заявитель содержался в английской тюрьме, где возникли серьезные беспорядки. Заявитель был обвинен служащим тюрьмы в совершении нападения и хотел возбудить судебное дело о клевете, дабы не получить лишнюю судимость, однако встретил на своем пути препятствие в виде тюремных правил. С учетом оговорок, Суд вынес постановление о том, что ст. 6(1) включает в себя неотъемлемое право на доступ к суду наряду с существованием принципа международного права, запрещающего отказ в правосудии.

- В цитируемом выше деле **Chevol** Суд признал, что участие органов исполнительной власти в формировании мнения, имеющего силу решения, по делу заявителя, в результате чего Conseil d'Etat отклонил прошение заявителя о приеме в Союз медицинских работников без изучения доводов, явилось нарушением прав заявителя, гарантированных ст. 6(1), поскольку ему не было обеспечено изучение судом вопросов фактического и юридического характера, которые имели отношение к определению спора.

Ст. 6(1) предписывает трибуналу, к юрисдикции которого относится рассматриваемый вопрос, обладать судебными функциями и способностью выносить окончательные решения (см. цитируемое выше дело **Bentham**). Таким образом, право на доступ в суд включает в себя право на вынесение судом решения (см. цитируемое выше дело **Ganci**). Суд признал нарушением права на доступ случаи, когда внутренние суды, судя по всему, теряли материалы дела и не могли вынести по нему вердикт (**Dubinskaya v Russia (2006 г.)**). Следовательно, орган, уполномоченный давать рекомендации, не может рассматриваться как «трибунал», согласно ст. 6(1). С другой стороны, очевидно, что все решения, затрагивающие интересы индивида, не могут приниматься судами; в таком случае отправление правосудия было бы серьезно затруднено. По этой причине во многих законодательных системах решения, затрагивающие гражданские права и обязанности, принимаются административными органами. Суд постановил, что в ситуациях, когда административная власть не может гарантировать соблюдение ст. 6(1), должно быть обеспечено право на обращение в судебный орган, обладающий данной функцией (**Albert and Le Compte v Belgium (1983 г.)**).

Несмотря на то, что сама ст. 6(1) не гарантирует права на апелляцию, следует помнить, что действие ст. 6 распространяется на судебное разбирательство как в первой, так и в последующих инстанциях – в гражданских и уголовных вопросах – там, где это право даровано человеку внутренним законодательством. Таким образом, отказ принять к рассмотрению гражданское дело или исследовать кассационную жалобу по уголовному делу означает ограничение «права заявителя на доступ к суду», в соответствии со ст. 6(1). Суд признавал ограничение доступа к апелляции нарушением ст. 6 в тех случаях, когда ограничение было основано на том факте, что в апелляции не были четко изложены факты, на которых суд низшей инстанции основал свой вердикт (**Liakopoulou v Greece (2006 г.)**), когда законом было сокращен срок подачи апелляции, а новый срок подачи распространялся на дело заявителя (**Melnyk v Ukraine (2006 г.)**), когда апелляция, основанная непосредственно на ст. 6 (1), была признана неприемлемой согласно внутреннему законодательству (**Perlala v Greece (2007 г.)**), а также когда заявителю не было позволено подать подробную записку по делу для поддержки своей апелляции (**Dunayev v Russia (2007 г.)**).

Большинство дел, попадавших в поле зрения Суда под данной рубрикой, касалось отсутствия возможности для предполагаемого заявителя подать гражданский иск о возмещении ущерба в силу правового препятствия либо особенностей внутреннего судопроизводства.

- В деле **Ashingdane v United Kingdom (1985 г.)**, Суд четко заявил, что право на доступ в суд не является абсолютным: страны-участницы могут вводить для тяжущихся сторон ограничения до тех пор, пока данные ограничения имеют обоснованные цели, а сфера их распространения не настолько обширна, чтобы отменять саму суть права. В рассматриваемом случае введение

ограничения на доступ в суд психически нездоровых лиц в целях защиты от несправедливых судебных преследований лиц, несущих за них ответственность, было признано обоснованным. Таким образом, ограничение ответственности властей, несущих ответственность за пациентов, за случаи небрежного или недобросовестного обращения, а также введение одновременно с этим требования о предъявлении суду существенных оснований для утверждений о небрежном или недобросовестном обращении перед возбуждением дела, было признано соответствующим ст. 6 (1).

При рассмотрении гражданских дел Суду впоследствии пришлось изучить целый ряд случаев, касавшихся соразмерности правовых препятствий, не позволявших определенной группе заявителей, например, заключенным, дать ход судебному разбирательству. Так, Суд признал нарушением ст. 6(1) отказ в предоставлении заключенному возможности возбудить судебное дело о клевете (см. цитируемое выше дело **Golder**), а также существенную задержку в предоставлении заключенным доступа к консультациям юриста по вопросу возбуждения дела об оскорблении личности (см. цитируемое выше дело **Campbell and Fell**). В деле **Lupas** Суд признал нарушением предписание внутреннего законодательства, препятствующее части лиц, коллективно владеющих землей, в подаче иска о возврате собственности без согласия на то остальных коллективных собственников. Признавая, что данное предписание имело обоснованную цель, а именно: защиту прав всех лиц, коллективно владевших землей, Суд постановил, что оно должно было получить более универсальное толкование, поскольку являлось препятствием для рассмотрения исков о возврате земли в пользу заявителей, возлагая на них несоразмерное бремя и лишая всякой возможности рассмотрения дела в суде (**Lupas and Others v Romania (2006 г.)**). В деле **Arma v France (2007 г.)**, Суд признал нарушением ст. 6 решение внутреннего суда запретить управляющему директору и единственному акционеру компании опротестовать распоряжение о ее ликвидации.

Суд также принял постановление о том, что ограничение доступа в суд психически нездоровым лицам в целях защиты от несправедливых судебных преследований лиц, несущих за них ответственность, является обоснованным (см. цитируемое выше дело **Ashingdane**). При психических расстройствах, не позволяющих человеку подать иск лично, не существует неограниченного права назначения опекуна либо иного представителя в целях подачи данного иска, а отказ в назначении такого человека по причине отсутствия у иска серьезных перспектив на успех является обоснованным (**X. and Y. v Netherlands (1985 г.)**).

Ограничения доступа, предпринимаемые для предотвращения злоупотреблений в области судопроизводства, также имеют обоснованную цель (**Monnell and Morris v United Kingdom (1987 г.)**). Так, распоряжение, запретившее недобросовестному заявителю возбудить судебное дело без позволения судьи, было признано обоснованным (**H. v United Kingdom (dec.) (1985 г.)**). Необходимость предотвратить многочисленные иски в связи с компенсацией ущерба, причиненного в ходе национализации, была признана достаточным основанием для создания системы, которая лишала частных акционеров прямого доступа в компенсационный суд, а иски должны были подаваться через представителя, действующего от имени коллектива акционеров (см. цитируемое выше дело **Lithgow**). В противовес этому, система, согласно которой полномочия подачи иска о возмещении заработной платы инженеру имелись только у профессионального союза, была признана нарушающей личное материальное право инженера на доступ в суд (**Philis v Greece (1991 г.)**).

В ходе изучения ограничений, предпринятых из соображений национальной безопасности и распространявшихся на права заявителей на рассмотрение в суде их гражданских исков в связи с незаконной дискриминацией в их адрес, Суд признал, что защита национальной безопасности является оправданной целью, которая может привести к наложению ограничений на право доступа в суд, в том числе, для обеспечения конфиденциальности данных проверок на благонадежность. Гарантированное заявителю ст. 6 Конвенции право представить спор в суде или трибунале для рас-

смотрения вопросов факта и права не может быть заменено *ipse dixit* руководства (см. цитируемое выше дело **Tinnelly**).

Принятая во французском законодательстве норма уголовного права, согласно которой осужденный имеет право на подачу кассационной жалобы только в случае препровождения в тюрьму, была признана Судом несоразмерным ограничением доступа в суд при рассмотрении дела **Papon v France (2002 г.)**. Суд также признал факт нарушения данного права в деле **Marpa Zeeland B.V. and Metal Welding B.V. v Netherlands (2004 г.)**, когда компанию заявителя убедили отозвать апелляцию в связи с вынесенным приговором после заверения генерального адвоката о том, что наказание будет в любом случае облегчено. К тому моменту, когда компания выяснила, что данное заверение не будет выполнено, отзыв апелляции не мог быть отменен.

Не вызывает сомнений оправданность разумного ограничения сроков и установление процессуальных условий для подачи исков, как, например, необходимость подавать иск в соответствующий суд (см. **MPP Golub v Ukraine (dec.)(2005 г.)**), имеющих место в гражданской и уголовной сферах в интересах надлежащего отправления правосудия. Вследствие этого пропущенный заявителем срок подачи судебного иска или апелляции в принципе не является нарушением ст. 6(1) (см. **Stubbings and Others v United Kingdom (1996 г.)**), за исключением ситуаций, когда власти оставляют без внимания объективные причины, оправдывающие факт несоблюдения заявителем сроков. Таковыми были признаны причины, объясняющие невозможность подачи заявителем полностью обоснованной апелляции, поскольку, несмотря на настойчивые попытки выяснить причины принятия решения, которое он собирался опротестовать, ему не была своевременно предоставлена полная печатная версия постановления суда первой инстанции (см. **Hadjianastassiou v Greece (1992 г.)**). С другой стороны, нельзя утверждать, что ст. 6 четко предписывает обеспечение сторон гражданского или уголовного процесса или их адвокатов печатной версией рассматриваемого решения. В каждом отдельном случае вопрос заключается в том, было ли соблюдено право на доступ к суду вообще с учетом специфических особенностей внутреннего уголовного процесса, и насколько осмотрительными были действия заявителя по соблюдению процессуальных требований, дабы его иск был рассмотрен в суде (**Jodko v Lithuania (dec.)(1999 г.)**).

Что касается финансовых препятствий для доступа, Суд признал факт нарушения ст. 6(1) по делу **Airey v Ireland (1979 г.)**, когда заявительница хотела возбудить бракоразводный процесс. Она фактически не могла осуществить данное действие самостоятельно и не имела средств для оплаты услуг адвоката. Суд постановил, что в данных обстоятельствах заявительнице не был предоставлен фактический доступ к суду. В то же время, Суд отметил, что это не означало необходимость предоставления юридической помощи в каждом споре. Фактический доступ может обеспечиваться другими путями, в том числе, за счет упрощения процедуры разбирательства. Государство, которое использует систему юридической помощи как способ предоставления доступа, соответственно, может ввести механизм отбора дел, по которым следует предоставлять юридическую помощь. Отказ в предоставлении юридической помощи на основании отсутствия серьезных перспектив положительного исхода или в силу несерьезного или сутяжнического характера иска является принципиально обоснованным (**Webb v United Kingdom (dec.)(1997 г.)**). Для государства также допустимо определять те виды дел, для которых следует предоставлять юридическую помощь, и те, для которых не следует (**Granger v United Kingdom (1990 г.)**). В деле **Staroszczyk v Poland (2007 г.)** и в деле **Sialkowska v Poland (2007 г.)**, Суд, однако, признал, что доступ заявителей к подаче апелляции в связи с постановлением суда низшей инстанции был ограничен в нарушение ст. 6. Заявителям была предоставлена юридическая помощь, однако их адвокаты отказались подавать апелляцию в Верховный суд в виду бесперспективности, в то время как представительство интересов в данном суде является обязательным. Отметив, что такая система в принципе не противоречит ст. 6, Суд выявил факт нарушения, поскольку нормы внутреннего законодательства не предписывают адвокату, обеспечивающему юридическую помощь, подавать письменное экспертное заключение о перспективах апелляции, в силу чего была невозможна объективная оценка того, являлся ли

отказ адвокатов произвольным. Кроме того, в одном из дел мнение адвоката было высказано за три дня до истечения срока подачи апелляции, что лишало заявителя реальной возможности подачи апелляции в кассационный суд.

- В деле **Steel and Morris v United Kingdom (2005 г.)**, Суд постановил, что вопрос о необходимости предоставления юридической помощи для соблюдения объективности разбирательства должен быть прояснен на основании конкретных фактов и обстоятельств отдельно взятого дела и зависит, среди прочего, от того, что в данном разбирательстве поставлено на карту для заявителя, от того, насколько сложны применимое законодательство и сама судебная процедура, а также от того, способен ли заявитель эффективно представлять свои интересы сам. В данном деле Суд признал нарушение на основании того, что финансовые последствия внутреннего судебного разбирательства могли быть потенциально серьезными; разбирательство было фактически и юридически сложным (судебный процесс в первой инстанции занял 313 судебно-присутственных дней, ему предшествовали 28 промежуточных ходатайств; слушание дела по апелляции заняло 23 дня. Фактическая версия дела, которую должны были доказать заявители, была исключительно сложной и состояла из 40 000 страниц документальных и 130 устных свидетельств. Прежде чем судья, рассматривавший дело, смог вынести постановление по основному вопросу, необходимо было решить множество юридических и процедурных вопросов). Суд признал, что в судебном процессе такой степени сложности ни та помощь, которую адвокаты периодически предоставляли добровольно, ни помощь суда, которые были предоставлены заявителям, представлявшим себя самостоятельно, не могли заменить непрерывное представительство осведомленного, опытного адвоката, знакомого с делом и законом о клевете.

В ряде случаев обязанность государства гарантировать эффективный доступ к суду, согласно ст. 6(1), не исчерпывается формальным принятием решения о предоставлении безвозмездной юридической помощи. В подобных случаях важно оказать юридическую поддержку на самом деле.

- Так, в деле **Bertuzzi v France (2003 г.)**, заявителю была предоставлена юридическая помощь в контексте гражданского судебного разбирательства, заключавшаяся в услугах адвоката в качестве защитника. Однако данное решение так и осталось на бумаге, поскольку три адвоката, назначенные в качестве защитников по делу заявителя, подали прошение об отводе на основании личных контактов с юристом, которого заявитель собирался преследовать по суду. Несмотря на попытки заявителя добиться у президента бюро юридической помощи назначения по делу нового адвоката, он не был назначен, и заявитель не смог инициировать судебное разбирательство. Суд пришел к заключению, что для соблюдения предписания о доступе в суд, компетентные власти, президент коллегии адвокатов или его/ее представитель были обязаны обеспечить замену адвоката, который предоставил бы заявителю действительную юридическую помощь.

Обязательные денежные взносы, например, гербовый сбор, выплачиваемые гражданским судам в связи с исками, представленными на их рассмотрение, также соответствует ст. 6(1), за исключением тех случаев, когда это нарушает суть права на доступ в суд. В деле **Kreuz v Poland (2001 г.)**, Суд признал нарушением ст. 6(1) чрезмерность судебного сбора, ложившегося несоразмерным бременем на заявителя и не позволившего ему подать гражданский иск о противозаконности государственного акта. Суд также признал нарушением права на доступ в суд случаи отказа внутренних судов освободить двух малоимущих заявителей от уплаты судебных сборов при разбирательстве двух дел в Турции. Внутренние суды отказались освободить заявителей от уплаты на том основании, что иск был необоснован, а также что заявители не могут заявлять о неспособности заплатить судебный сбор, поскольку после отказа в предоставлении юридической помощи их интересы представлял адвокат. Однако представительство интересов заявителей адвокатом было организовано по принципу оплаты по результату (**Bakan v Turkey (2007 г.)** и **Mehmet and Suna Yepet v Turkey (2007 г.)**).

В деле **Weissman and Others v Romania (2006 г.)**, Суд признал гербовый сбор на сумму более 320 000 Евро по иску об утрате доходов с имущества чрезмерным и не обоснованным конкретными обстоятельствами дела. В случае же с жалобой заключенного на негуманное обращение гербовый сбор даже на сумму 3 Евро является нарушением ст. 6, поскольку заключенный не может его оплатить (**Ciorap v Moldova (2007 г.)**).

Даже в тех случаях, когда заявителю предписывается выплатить чрезмерные судебные сборы в конце, а не в начале судебного разбирательства, это может стать нарушением права на доступ к суду. В деле **Stankov v Bulgaria (2007 г.)**, заявитель подал в суд на прокуратуру за ущерб, нанесенный в ходе незаконного взятия под стражу. Внутренний суд частично признал иск, обязав заявителя выплатить судебный сбор за ту часть иска, которая была отклонена. Судебный сбор, который должен был выплатить заявитель, практически равнялся сумме присужденной ему компенсации.

Стоит отметить, что в тех случаях, когда ответчиком является частное лицо, для признания заявления заявителя внутренним судопроизводством могут предусматриваться крупные суммы судебных сборов, в особенности, если речь идет об иске о возмещении материального ущерба. Таким образом, в случае, когда при попытке подать иск о клевете заявитель встретил на своем пути препятствие, поскольку не смог выплатить судебный сбор в размере 5% от суммы заявленного материального ущерба, Суд признал данное ограничение совместимым с правом на доступ к суду, согласно ст. 6(1), отметив в частности, что от заявителя не требовалась оплата значительного денежного сбора применительно ко второй части иска о клевете, касавшейся заявленной суммы нематериального ущерба (**Jankauskas v Lithuania (dec.)(2003 г.)**).

Следует признать, что Суд столкнулся с серьезными трудностями при подборе четких критериев в вопросах применимости ст. 6 (см. также главу 2.2.1 ниже) и нарушения права на доступ к суду, когда определенная категория обвиняемых – в основном, органы государственной власти – освобождалась от обязанности отвечать по искам о возмещении ущерба благодаря внутрисударственной неприкосновенности на основании прецедентного или статутного права. Так, в деле **Osman v United Kingdom (1998 г.)**, Суд признал нарушением ст. 6 невозможность подачи против полицейских иска о халатности по факту непредоставления защиты ребенку, в конечном итоге раненному учителем, страдавшим маниакальной зависимостью, в то время как в схожем деле, **Z. and Others v United Kingdom (2001 г.)**, Суд не обнаружил нарушения права на доступ к суду, приняв во внимание неприкосновенность муниципальной власти по поводу иска о халатности в связи с непринятием действенных мер по удалению ряда детей из-под опеки жестоко с ними обращавшихся родителей. В цитируемых выше делах **Markovic** и **Roche** Суд пошел дальше и признал ст. 6 неприменимой. В деле **Roche** данный вывод был основан на неприкосновенности государства в связи с ответственностью за нанесение ущерба, заявленного бывшими добровольцами проводившихся в 1950-х годах медицинских исследований по факту появления побочных эффектов. В то же время, Суд четко заявил, что именно власти страны, а не Суд, в первую очередь, обладают полномочиями дать ответ на вопрос о том, существует ли оспариваемое «право» во внутреннем законодательстве (см. также главу 2.2.1 выше), и что перед подачей иска по факту непредоставления доступа в суд, заявитель должен ясно продемонстрировать, что требует доступа к суду в связи со спором о подобном «праве».

По состоянию дел на сегодняшний момент, даже в тех случаях, когда применимость ст. 6 не вызывает сомнений, то есть в случаях установленного спора о признанном внутренним законодательством «праве», Суд не может предоставить подробное руководство, объясняющее, в каких случаях неприкосновенность обвиняемого – распространяющаяся (в зависимости от характера нанесенного ущерба) только на определенные иски или неприкосновенность, распространяющаяся на юридическую ответственность вообще (которой обладают, например, иностранные дипломаты) – соответствует праву на доступ к суду, согласно ст. 6. Говоря в общем, кажется, что приемлемая, с точки зрения ст. 6, неприкосновенность, распространяющаяся на гражданские иски, должна

быть скорее функциональной, чем структурной, не должна создавать «карт бланш» в связи с ответственностью для какой-либо группы лиц или органов власти и применяться с учетом причинно-следственной связи между действиями, явившимися, по утверждению пострадавших, нарушением внутреннего законодательства, с одной стороны, и необходимостью обеспечить защиту определенной группе обвиняемых, с другой стороны. Таким образом, Суд признал, что неприкосновенность, связанная с заявлениями, сделанными в законодательной палате в ходе парламентских дебатов, и предназначенная для защиты интересов парламента в целом в противовес интересам отдельных парламентариев, соответствует Конвенции (**A. v United Kingdom (2002 г.)**). Аналогичным образом, Суд не обнаружил нарушения права на доступ при рассмотрении неприкосновенности от судебного преследования членов Совета по вопросам законодательства Италии, распространяющуюся на факты произнесения дискредитирующих заявлений в ходе обсуждений в Совете (**Esposito v Italy (2007 г.)**). В то же время, Суд признал нарушением права на доступ общую неприкосновенность от судебного преследования для парламентария при отсутствии существенной связи между его заявлениями и парламентской деятельностью (**Cordova v Italy (2003 г.)**).

Тот же функциональный подход представляется применимым к искам против дипломатических представителей и даже иностранных организаций. Так, в деле **Fogarty v United Kingdom (2001 г.)**, Суд не обнаружил нарушения ст. 6(1) применительно к неприкосновенности иностранного посольства в связи с якобы дискриминационными методами комплектации персонала, при этом Суд отметил, что неприкосновенности государства могло быть недостаточно для лишения заявительницы доступа к суду при условии, что ее иск касался установленных договором отношений между ней и посольством. В деле **Al-Adsani v United Kingdom (2001 г.)** Суд не обнаружил нарушения ст. 6(1) применительно к отказу судов Соединенного королевства рассматривать иск против властей Кувейта о возмещении ущерба по факту пыток, применявшихся к заявителю на территории Кувейта. Для обоснования неприкосновенности иностранного государства против подобного иска в Соединенном королевстве, с точки зрения ст. 6(1), Суд даже принял во внимание ряд практических соображений, в том числе отсутствие возможности добиться исполнения судебного решения и выплаты возмещения ущерба.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право на доступ к суду, согласно ст. 6(1) Конвенции, не гарантирует автоматически право на подачу против органов власти гражданского иска о возмещении ущерба в связи с якобы ненадлежащим выполнением ими своих обязанностей. Например, не существует отдельного права на доступ к суду для опротестования вынесенного судьей решения – есть только одно право: на доступ к суду в целях рассмотрения фактических обстоятельств гражданского или уголовного дела. Подводя итог, можно сказать, что чем отдаленней связь между действиями или проявлением пассивности со стороны представителей власти, которые якобы явились нарушением внутреннего законодательства, с одной стороны, и прописанными в частном праве правами и обязанностями заявителя, с другой стороны, тем меньше вероятность того, что Суд признает факт нарушения права на доступ к суду, если вообще подтвердит применимость ст. 6(1) (см. цитируемое выше решение по делу **Schreiber and Boetch**, а также гл. 2.2.3 выше).

В силу того, что действие ст. 6 распространяется лишь на разбирательство обвинения в совершении уголовного преступления «против» человека, данное право не включает в себя доступ к суду в целях инициации в частном порядке уголовного процесса против другого человека. Принцип доступа к суду, согласно ст. 6(1), также не может быть истолкован как предоставление неограниченного права инициировать уголовные или дисциплинарные разбирательства против третьих лиц и государственных чиновников. В то же время, в актуальном прецедентном праве Суда наметилась отчетливая тенденция: в тех случаях, когда нарушения ст. 6(1) по факту правовых препятствий для подачи в суд на органы государственной власти или государственных чиновников не обнаружены, рассматривать отдельно соблюдение государством своих «позитивных обязательств», согласно другим положениям Конвенции, предписывающим действовать либо предоставлять – хотя не всегда в суде – средства правовой защиты применительно к различным, затрагивающим индивидуальные

права личности, ситуациям, например, по факту нарушения ст. 2 (проведение не отвечающего требованиям расследования обстоятельств смерти родственников (**Paul and Audrey Edwards v United Kingdom (2002 г.)**)), ст. 3 (утверждение о неэффективности расследования тюремных дисциплинарных наказаний (**Valasinas v Lithuania (2001 г.)**)), ст. 8 (невыполнение предусмотренных законом схем переселения жителей с экологически опасных территорий (**Fadeyeva v Russia (2005 г.)**)) или ст. 13 (недостаточный масштаб судебного контроля за предусмотренными законом схемами по развитию воздушного сообщения (**Hatton and Others v United Kingdom (2003 г.)**)).

3.1.2 Право на юридическую определенность и эффективность судебных решений

Право на суд, согласно ст. 6(1), предусматривает, что при вынесении окончательного и юридически обязательного решения по гражданскому делу или оправдательного вердикта по уголовному делу, риск их отмены отсутствует. В процессуальных кодексах многих стран сохранено право, позволяющее государственному чиновнику, в том числе прокурору, в любое время подать внеочередную апелляцию относительно любого фактического либо правового аспекта окончательного решения суда. В деле **Brumarescu v Romania (1999 г.)**, когда окончательное судебное решение по гражданскому делу в пользу заявителя было впоследствии аннулировано вмешательством генерального прокурора, Суд признал факт нарушения ст. 6(1) Конвенции, а также ст. 1 Протокола 1, который гарантирует право на уважение собственности. Тот же принцип распространяется и на уголовные судебные разбирательства. В деле **Bujnita v Moldova (2007 г.)**, Суд признал нарушением права на справедливый суд ситуацию, когда оправдательный приговор, который стал окончательным после обжалования, был впоследствии аннулирован по требованию прокурора без представления дополнительных улик.

- В деле **Ryabykh v Russia (2003 г.)** Суд также признал нарушение ст. 6(1) в схожей ситуации, сделав заявление: «одним из фундаментальных принципов главенства закона является принцип правовой определенности, который, среди прочего, определяет, что после принятия судом окончательного решения по делу данное решение не должно подвергаться сомнению ... Правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata* ..., то есть принципа окончательности судебных вердиктов. Данный принцип утверждает, что ни одна из сторон не имеет права требовать пересмотра окончательного и юридически обязательного судебного постановления в целях повторного слушания и принятия нового постановления по делу. Полномочия судов высшей инстанции на пересмотр дела должны использоваться в целях исправления судебных ошибок, а не для проведения нового рассмотрения. Пересмотр дела не следует воспринимать как скрытую апелляцию, а возможность наличия двух взглядов на предмет не может служить основанием для повторного рассмотрения дела. Отход от этого принципа может быть оправдан лишь обстоятельствами существенного и непреодолимого характера.»

С данными принципами связан еще один основополагающий аспект главенства закона: о приведении в исполнение окончательного судебного решения.

- В деле **Burdov v Russia (2002 г.)** заявителю была присуждена компенсация ущерба со стороны службы социального страхования. Через шесть лет после принятия решения о выплате компенсации заявитель подал иск против службы социального страхования, который был принят судом. Затем заявителю было сообщено, что несмотря на наличие исполнительного листа, служба социального страхования не сможет выплатить ему компенсацию в связи с недофинансированием. По данному делу Суд постановил, что право на доступ к суду является прозрачным, если внутренняя законодательная система страны-участницы Конвенции допускает невыполнение окончательного и юридически обязательного судебного решения в ущерб одной из сторон. Кроме того, Суд постановил, что государство не может ссылаться на недостаток

финансирования как на оправдание невыплаты долга по решению суда. Задержка выплаты может допускаться на некоторый срок, однако не в нарушение сути прав, гарантированных согласно ст. 6(1).

- В деле **Kyrtatos v Greece (2003 г.)**, заявители успешно опротестовали в суде решение о планировке местности, затрагивавшее их собственность. Суд признал, что государственные власти воздерживались от каких-либо действий по приведению в исполнение окончательного и осуществимого решения суда в течение более 7 лет, тем самым лишая положение ст. 6(1) Конвенции практического эффекта.

Суд еще не разработал систему столь детальной оценки соответствия каких-либо задержек при приведении в исполнение судебных решений требованиям ст. 6(1), как в случае с критерием «разумных сроков», который применяется не к процедуре приведения приговора в исполнение, а лишь к изучению судом гражданского или уголовного дела вплоть до вынесения окончательного решения (см. главу 3.5 ниже). Суд рассматривает жалобы о неприведении в исполнение или задержке исполнения судебного решения отдельно, под рубрикой «право на суд» и вне контекста исков о «справедливости» (в том числе о длительности) судебного разбирательства (см. главу 1.1 выше). Несмотря на данную специфику, такие критерии, как сложность дела и поведение сторон (см. главу 3.5 ниже), также являются существенными при определении того, явилась ли задержка приведения судебного решения в исполнение нарушением сути «права на суд».

- Так, в решении по упоминавшемуся выше делу **Jasiuniene and Others v Lithuania** Суд признал нарушением ст. 6(1) тот факт, что органами исполнительной власти не было приведено в исполнение постановление внутреннего суда, обязывавшего их, согласно национальному закону о реституции прав на собственность, возместить заявителю ущерб путем выделения земли, в течение более 8 лет после принятия рассматриваемого постановления.
- В то же время, в деле **Uzkureliene and Others v Lithuania (2005 г.)** Суд посчитал срок чуть более 4 лет, понадобившийся органам исполнительной власти для исполнения окончательного решения суда, принятого в рамках того же внутреннего закона, недостаточным для признания нарушения ст. 6(1). В данной связи Суд учел тот факт, что для приведения в исполнение судебных постановлений по вопросам реституции собственности недостаточно единичного действия, как, например, производство денежной выплаты (как в деле **Burdov** выше), а также что это требует проведения анализа различных исторических, юридических и технических документов, а также личного присутствия заявителей для проведения всех формальностей с регистрацией земли на их имя. Ввиду отсутствия активности со стороны заявителей, а также отсутствия свидетельств грубой халатности со стороны органов исполнительной власти, Суд посчитал четыре года, потребовавшиеся для приведения в исполнение постановления суда, сроком, соответствующим требованиям ст. 6(1).

В делах, связанных с имущественными вопросами, неисполнение судебных постановлений может также привести к нарушению ст. 1 Протокола 1 (см., например, дела **Burdov** и **Timofeyev v Russia (2003 г.)**).

Суд признавал нарушения ст. 6(1) не только в виду неисполнения судебных решений, которые присуждают денежную выплату заявителю. Так, в деле **Okyay and Others v Turkey (2005 г.)**, нарушением был признан отказ властей привести в исполнение решение суда об остановке тепловых электростанций.

Принцип приведения в исполнения распространяется и на уголовные дела. Большая палата признала нарушением ст. 6 по делу **Assanidze v Georgia (2004 г.)**, тот факт, что обвиняемый, бывший мэр города, был признан виновным по целому ряду уголовных преступлений, однако впоследствии

был оправдан по всем пунктам обвинения. Суд признал нарушением ст. 6(1) тот факт, что он не был отпущен на свободу сразу после вынесения оправдательного решения.

В то же время, ст. 6(1) не допускает подачу заявителем жалобы на невыполнение его личными должниками постановления суда, принятого в его пользу. Право на своевременное приведение в исполнение судебного постановления не распространяется так далеко, чтобы требовать от государства заменить частное лицо ответчика в случае его неплатежеспособности (**Shestakov v Russia (dec.)(2002 г.)**). Гарантии «права на суд», согласно ст. 6(1), считаются соблюденными в тех случаях, когда заявителю позволяется обратиться к судебным приставам для приведения приговора в исполнение, а перманентная невозможность привести приговор в исполнение не является следствием халатности или бездействия органов государственной власти.

Вопросы:

1. Гарантируют ли доступ в суд внутреннее законодательство и юридическая практика?
2. Какие виды правовых препятствий (материальных и процессуальных, экономических и финансовых) были применены при представлении конкретного дела на рассмотрение суда?
3. Имели ли данные ограничения законную цель, и существовала ли пропорциональная связь между примененным в конкретном деле правовым препятствием и целями, на достижение которых было нацелено ограничение доступа в суд?
4. Какие внутренние средства правовой защиты существуют для своевременного приведения в исполнение судебного решения?

3.2 Установленный законом независимый и беспристрастный суд

Несмотря на то, что независимость и беспристрастность далеко не одно и то же, во многих случаях Суд стремится рассматривать данные атрибуты вместе. Однако в данном руководстве они будут по мере возможности рассматриваться по отдельности в целях выяснения различий между ними. Следует отметить, что в тех случаях, когда профессиональный, дисциплинарный или исполнительный орган не отвечает требованиям понятия «назначенный законом независимый и беспристрастный суд», ст. 6, все же, не будет нарушена, если заявителю будет впоследствии предоставлен доступ к полному судебному пересмотру оспариваемого решения, принятого данным органом (**Buzescu v Romania (2005 г.)**).

3.2.1 Установленный законом суд

Подразумеваемый данным выражением орган обладает функцией рассмотрения вопросов в пределах своей компетенции по принципу главенства закона, вслед за процессуальными действиями, осуществленными согласно установленным правилам (**Belilos v Switzerland (1988 г.)**). Орган должен обладать полномочиями принимать юридически обязательные решения (**Sramek v Austria (1984 г.)**). По этой причине орган, который способен лишь давать рекомендации, не является «судом» даже в случае существования практики соблюдения данных рекомендаций (см. цитируемое выше дело **Bentham**). Орган не должен быть частью обычного судебного аппарата страны, однако должен обладать такими основополагающими характеристиками, как независимость от исполнительной власти и сторон процесса, соответствующее соблюдение срока полномочий членов суда и судопроизводство предоставляющие гарантии, применимые к данному конкретному случаю (**De Wilde, Ooms and Versyp (“Vagrancy”) v Belgium (1971 г.)**). Тот факт, что данный орган обладает дополнительными функциями помимо судебной, не обязательно означает, что он не является «судом» (см. цитируемое выше дело **H. v Belgium**).

Таким образом, «судами», согласно ст. 6(1), было признано множество различных административных и специализированных органов, в том числе профессиональные дисциплинарные органы (**H. v Belgium**), военные и тюремные дисциплинарные суды (см. цитируемое выше дело **Engel**), органы, занимающиеся одобрением договоров о купле-продаже земли (см. цитируемое выше дело **Ringeisen**), органы, занимающиеся вопросами земельной реформы (**Ettl and Others v Austria (1987 г.)**), а также арбитражные органы, занимающиеся компенсацией ущерба в связи с национализацией и принудительным приобретением акций (см. цитируемое выше дело **Lithgow**). С другой стороны, министр или само правительство не могут рассматриваться как суд даже в тех ситуациях, когда они обладают полномочиями выносить юридически обязательные решения по спорным вопросам (см. цитируемое выше дело **Bentham**).

- В деле **Van de Hurk v Netherlands (1994 г.)**, заявитель подал жалобу о неспособности суда по трудовым вопросам вынести юридически обязательные решения; законом допускалось подчинение решений суда постановлениям верховной власти или премьер-министра о том, что они не могут быть применены, либо о том, что приведение их в исполнение должно быть отсрочено. Суд постановил, что полномочия принимать юридически обязательные решения, в которые неюридические органы власти не могут вносить изменения в ущерб частному лицу, составляют суть самого понятия «суд». Суд также отметил, что данные полномочия могут рассматриваться как составляющая понятия «независимости», согласно предписаниям ст. 6(1) (см. также гл. 3.3.2. ниже). Даже в тех случаях, когда можно продемонстрировать, что органы государственной власти не пользовались данными полномочиями, сам факт их существования лишает суд тех свойств, наличие которых предписывается ст. 6(1). Подобный недостаток можно исправить лишь при наличии возможности подать апелляцию в тот суд, который отвечает предписаниям, предъявляемым законом к «суду» (см. также гл. 3.2.1 выше, в контексте права на доступ в суд).

Суть требования о «назначенном законом» суде заключается в том, что судебный орган должен регулироваться законодательством, а не по усмотрению исполнительной власти (**Lavents v Latvia (2002 г.)**). Сфера юрисдикции суда должна быть определена законом. В то же время, нет необходимости в том, чтобы судебный орган до мельчайших деталей регулировался первичным законодательством. Например, предписаниям ст. 6(1) соответствует управление австрийской судебной системой, когда первичное законодательство обеспечивает создание судов по трудовым вопросам и определяет предмет их юрисдикции, в то время как премьер-министр, опираясь на делегированное законодательство, указывает, где данные суды должны открыться, и какова их территориальная юрисдикция (**Zand v Austria (dec.) (1977 г.)**).

- В деле **Posokhov v Russia (2003 г.)**, Суд постановил, что понятие «назначенный законом» распространяется не только на суд, но и на состав судей в каждом отдельном случае. В данном случае заявитель подал жалобу на то, что при рассмотрении гражданского дела двое непрофессиональных судей не были избраны путем жребия, как того требовал закон, и что они исполняли свои функции с превышением положенного законом максимального срока. Подводя итог делу, можно сказать, что государственные власти не имели законных оснований для назначения двух указанных непрофессиональных судей для участия в заседаниях по делу заявителя. Суд, в состав которого входили данные судьи, не мог считаться «назначенным законом».

Некий орган может обладать несколькими функциями, что, однако, не всегда означает, что он утрачивает характер «назначенного законом» суда, согласно ст. 6(1). Соответственно, члены суда не обязательно должны обладать профессиональной подготовкой (см. цитируемое выше дело **Ettl v Austria**). В вышеупомянутом деле **H. v Belgium** заявитель подал жалобу на то, что Совет коллегии адвокатов не является «назначенным законом судом», поскольку выполняет множество функций, в том числе, административную, регулятивную, судебную, консультативную и дисциплинарную. Суд постановил, что подобное множество функций само по себе не лишает орган статуса «назначенного законом суда». Суд вынес решение о том, что Совет коллегии адвокатов действительно выполнял

судебную функцию, принимая решение о восстановлении членства заявителя в коллегии адвокатов, а также о том, что не было фактических причин оспаривать независимость и беспристрастность данного суда.

- Не так давно, при рассмотрении дела **Zlinsat Spol. S.R.O. v Bulgaria (2006 г.)**, Суд разбирал вопрос о том, может ли прокурор, которому внутреннее законодательство гарантирует такую же независимость, что и судье, считаться независимым судом, с точки зрения ст. 6. В данном случае выступавшая в качестве заявителя чешская компания приобрела гостиницу, приватизированную муниципалитетом. Прокуратура приняла постановление о приостановке договора приватизации, а затем и лишения заявителя имущества по суду на основании положения внутреннего законодательства, позволяющего опротестовать договор, наносящий ущерб интересам государства. Внутреннее законодательство не предусматривало осуществление судебного контроля за подобными постановлениями прокуратуры. Признав факт нарушения ст. 6, Суд постановил, что полная независимость от исполнительной власти не являлась диспозитивной, поскольку независимый и беспристрастный суд, согласно ст. 6(1), демонстрирует иные определяющие свойства. Тот факт, что прокуратура могла действовать по собственному ходатайству, обладала значительной свободой при выборе образа действия, не была ограничена ясными процессуальными нормами и нормами доказательного права, а также факт отсутствия гарантий участия сторон не соответствовали идеям главенства закона и юридической определенности, которые присущи судебным процедурам.

3.2.2 Независимость

«Независимый» суд не зависит от сторон и от исполнительной власти. В то же время, факт назначения судей обычного суда исполнительной властью, например, лордом-канцлером в Соединенном королевстве или министром юстиции в большинстве европейских стран, сам по себе не означает, что судьи не будут независимы и беспристрастны в ходе внутренних судебных процессов определенного рода, когда ответчиком выступает государственный чиновник (**Clarke v United Kingdom (dec.) (2005 г.)**). При определении того, может ли орган считаться «независимым», следует среди прочего остановить внимание на способе назначения участников данного органа, сроке исполнения ими своих обязанностей, наличии защиты против давления со стороны, а также на вопросе проявления независимости. Суд признал приемлемым назначение членов дисциплинарного тюремного органа министром, ведающим тюремными вопросами, при условии, что они не подчиняются указаниям министра при исполнении своих судебных функций (см. цитируемое выше дело **Campbell and Fell**). Назначение двух членов суда, рассматривавшего дело о компенсации ущерба в связи с национализацией, министром, который в то же время являлся стороной судебного процесса, было также признано соответствующим ст. 6(1) с учетом того обстоятельства, что министр был обязан проконсультироваться с представителями других сторон перед назначением, и возражения по поводу назначения отсутствовали (см. цитируемое выше дело **Lithgow**).

Назначение государственных служащих для участия в заседаниях специализированных судов, занимающихся рассмотрением вопросов сельскохозяйственных земель, не было признано нарушением ст. 6(1), поскольку законодательство предписывало им соблюдать независимость (см. цитируемое выше дело **Ringeisen**). Суд, состоящий из одного судьи и двух государственных служащих, одного представителя работодателя и одного представителя работника, при этом срок полномочий каждого из них был фиксированным, был также признан соответствующим ст. 6 (**Stojakovic v Austria (2006 г.)**). С другой стороны, в случае, когда государственный служащий являлся подчиненным чиновника, являвшегося стороной процесса, суд был признан проявляющим обязательную независимость в недостаточной мере (см. цитируемое выше дело **Belilos**). Схожий вывод был сделан в ситуации, когда два непрофессиональных судьи, участвовавших в заседаниях при рассмотрении иска о пересмотре условий аренды, были назначены сообществами, заинтересованными в сохранении существовавших условий аренды (**Langborger v Sweden (1989 г.)**).

Гарантии против отстранения от должности

Гарантии против отстранения от должности членов суда исполнительной властью в период действия их полномочий являются обязательным атрибутом их независимости. Невозможность отстранения их от должности не нуждается в официальном признании со стороны закона при условии фактического признания. Судом не определен конкретный срок полномочий в качестве обязательного минимума. Сроки полномочий, которые были признаны Судом соответствующими ст. 6(1), значительно варьировались: чем дольше был срок, тем больше вероятность того, что суд отвечает предписаниям ст. 6(1). В то же время, назначение членов дисциплинарного тюремного органа на трехлетний срок, было признано Судом «относительно краткосрочным», но приемлемым ввиду того, насколько сложно найти членов, готовых участвовать в работе данного органа более длительный срок (см. цитируемое выше дело **Campbell and Fell**).

Военные трибуналы

Суды, полномочия которых распространяются на гражданских лиц и которые состоят при этом из военных судей, как правило, не соответствуют данным нормам; причиной для этого служит тот факт, что военные судьи являются служащими вооруженных сил, получающих указания от исполнительной власти (**Incal v Turkey (1998 г.)**). В то же время, военные трибуналы, учрежденные в целях рассмотрения дел военнослужащих, соответствуют ст. 6 при условии наличия достаточных гарантий их независимости и беспристрастности. В деле **Cooper v United Kingdom (2003 г.)**, заявитель подал жалобу на недостаточную независимость военного трибунала, состоявшего из бессменного президента, двух офицеров и гражданского судьи. Суд признал наличие гарантий независимости данного военного трибунала, в том числе, условия назначения его членов, право обвиняемого возразить против кандидатуры любого из них, конфиденциальность судебного процесса, а также тот факт, что самый младший член данного органа должен был первым голосовать по вердикту и приговору. Таким образом, нарушения ст. 6(1) не было.

Проявление независимости

В упомянутом выше деле **Belilos** заявительница жаловалась, что ее допрос в полицейском управлении осуществлял один полицейский. Несмотря на значительное число процессуальных гарантий, обеспечивающих определенную степень независимости управления, состоящего из одного человека, Суд отметил, что внешние проявления также играют важную роль при определении «независимости» суда. Суд также отметил, что для рядового гражданина офицер полицейского управления является представителем полицейских сил, который находится в подчинении начальству и лоялен по отношению к коллегам. По этой причине имело место нарушение ст. 6(1).

3.2.3 Беспристрастность

Требование «беспристрастности» суда до определенной степени перекликается с требованием его независимости, в первую очередь от сторон разбирательства, но также и от других органов власти. Это распространяется как на гражданские, так и на уголовные дела. Суд принял двойной подход к вопросу, определяя следующее: а) обладает ли суд субъективной беспристрастностью в том смысле, что на его членов не оказывается личное давление, а также б) имеет ли место достаточное проявление беспристрастности, с объективной точки зрения, и позволяют ли предоставленные в данной ситуации гарантии беспристрастности исключить обоснованные сомнения по данному вопросу.

Субъективный тест

Субъективный тест на предвзятость нацелен на выяснение личных убеждений конкретного судьи по данному делу. Личная беспристрастность должна подразумеваться по умолчанию при отсутствии

подтверждений обратному. В самом деле, найти подтверждения личной беспристрастности судьи для человека очень сложно. Несмотря на это, в вышеупомянутом деле **Lavents** заявления судьи, сделанные для общественности в ходе уголовного разбирательства с целью представления оценки качеству и характеру защиты, серьезно скомпрометировали ее беспристрастность с точки зрения субъективности. В данном заявлении судья также дала оценку возможному исходу дела, выразила удивление настойчивым заявлениям заявителя о своей невиновности и предположениям, что это должно послужить доказательством его невиновности. Суд постановил, что данные заявления приравнивались к занятию определенной позиции в связи с исходом дела и четким выражением предпочтения виновности заявителя. Суд пришел к заключению, что у заявителя были очень серьезные причины опасаться, что данная судья недостаточно беспристрастна. В другом цитируемом выше деле, **Kyprianou v Cyprus**, судьи, привлеченные к ответственности заявителя за нанесение оскорбления суду, заявили среди прочего, что «были глубоко уязвлены лично» поведением заявителя в суде, что было приравнено к оскорблению суда. Формулировка заявления судей, осуждающая поведение заявителя, а также темп осуществления судебного разбирательства продемонстрировали недостаточную беспристрастность в свете теста на субъективность.

Не так давно Суд признал факт нарушения права на беспристрастный суд по ряду дел. В деле **Belukha v Ukraine (2006 г.)** Суд постановил, что председатель внутреннего суда мог считаться обоснованно заинтересованным в исходе дела, одной из сторон которого выступала строительная компания, осуществившая безвозмездный ремонт здания суда ранее. Суд также признал обоснованными опасения представителей школы насчет заинтересованности судьи, рассматривавшего их дело, в его исходе, поскольку сын этого судьи был исключен из этой школы, и судья угрожал школе расправой (**Tocono and Profesorii Prometeisti v Moldova (2007 г.)**). Назначение судьи на ключевой пост в правительстве, о чем судье было известно до принятия решения по делу, одной из сторон которого являлось правительство, было также признано вызывающим оправданные опасения предвзятости судьи (**Sacilor-Lormines v France (2006 г.)**). В деле **Farhi v France (2007 г.)**, Суд признал, что заявителю было отказано в беспристрастном суде в нарушение ст. 6, поскольку прокурор имел неформальные контакты с одним из присяжных заседателей, а судья отказался расследовать этот случай и выявить присяжного заседателя, равно как и зарегистрировать данный случай письменно.

Объективный тест

Суду нередко приходилось иметь дело с объективным тестом на беспристрастность. Отношение Суда к данной теме по большей части основано на заключении о том, что «правосудие должно не только осуществляться, но его осуществление должно быть очевидным». В деле **Piersack v Belgium (1982 г.)** Суд постановил, что внутренние суды должны вызывать доверие у общественности и, в особенности, у обвиняемых в ходе уголовного процесса, а также что судья, в отношении которого есть обоснованные опасения недостаточной беспристрастности, должен немедленно взять отвод. Применяя данные принципы, Суд установил факт недостаточно объективной беспристрастности в случае, когда судья, участвовавший в рассмотрении уголовного дела, возглавлял тот отдел прокуратуры, который отвечал за судебное преследование обвиняемого.

Таким образом, любое обоснованное сомнение заявителя в беспристрастности самого суда является достаточным основанием для установления нарушения данного положения. Соблюдая данный принцип, Суд столкнулся с целым рядом других случаев, связанных с судьями, прежде занимавшими должности прокуроров или государственных следователей. Суд подчеркнул, что во многих странах-участницах Конвенции исполнение судьями функции прокурора прежде является совершенно нормальным. Данный факт сам по себе не может поставить под сомнение беспристрастность конкретного судьи. В то же время, если, исполняя должность прокурора, человек имел возможность вмешиваться в дело, которое впоследствии рассматривал в качестве судьи, его объективная беспристрастность могла быть скомпрометирована. Так, в деле **De Cubber v Belgium**

(1984 г.), Суд признал нарушением ст. 6(1) тот факт, что судья, участвовавший в слушаниях по уголовному делу, до того являлся судьей, ведущим следствие по данному делу.

В деле **Hauschildt v Denmark (1989 г.)**, Суд признал нарушением ст. Article 6(1) тот факт, что судья прежде принимал решение о возвращении под стражу обвиняемого, а при сложившихся обстоятельствах ему пришлось признать существование «конкретно обоснованного подозрения» в совершении обвиняемым уголовного преступления. Суд подчеркнул, что сам по себе факт принятия судьей досудебных постановлений по делу, включая постановление о возвращении под стражу, не мог служить основанием для опасений в связи с беспристрастностью судьи. В то же время, если учесть высокую степень подозрений, которая была необходима в данном деле для оправдания возвращения под стражу, то различия между делом, рассматривавшимся судьей в досудебный период, и делом на судебном процессе были столь незначительны, что беспристрастность судьи могла показаться вызывающей сомнения. Следуя данным принципам, Суд, как правило, отказывается признать нарушение 6 (1) на основании одного лишь факта, что судья, участвующий в рассмотрении дела, принимал постановление о задержании до суда, аргументируя это тем, что определение того, было ли обоснованным подозрение, ставшее основанием для задержания до суда, само по себе не ставит под вопрос беспристрастность судьи (**Jasinski v Poland (2005 г.)**). В то же время, Суд и в дальнейшем будет рассматривать конкретные факты по каждому делу, а также степень, до которой постановления судьи в ходе предварительных процедур могли повлечь за собой признание вины обвиняемого. Так, в случае, когда судья принимал участие не только в принятии решения о предварительном возвращении под стражу, но и в расследовании посредством принятия предварительного постановления об уголовном преследовании, включая подтверждение серьезности доказательств вины обвиняемого, факт последующего участия судьи в судебном заседании по данному делу будет нарушением ст. 6(1) (**Perote Pellon v Spain (2002 г.)**).

В то же время, ситуации, когда один и тот же судья вмешивается в судебное разбирательство на различных стадиях – что может вызвать вопрос о беспристрастности, с точки зрения ст. 6(1) – должны быть отделены от ситуаций, когда один и тот же судья два раза и более рассматривает дело в первой инстанции ввиду того, что оно было возвращено в тот же самый суд в связи с аннуляцией решения первой инстанции – последняя ситуация как таковая не является демонстрацией недостаточной беспристрастности, согласно ст. 6(1) (**Stow and Gai v Portugal (dec.)(2005 г.)**). Рассмотрение фактических обстоятельств апелляции и допустимости кассационной жалобы одним и тем же судьей апелляционного суда, после чего заявитель может подать апелляцию в Верховный суд напрямую, также не является нарушением ст. 6 (**Warsicka v Poland (2007 г.)**).

Судом было также отмечено смешение прокурорских и судебных функций при признании заинтересованности в исходе дела судей, рассматривавших дело заявителя в связи с попыткой нанести оскорбление суду, при этом те же самые судьи являлись и жертвами правонарушения (см. цитируемое выше дело **Kyprianou**). Недостаточная беспристрастность суда может объективно подвергаться сомнению при вмешательстве в какое-либо дело других судей – не назначенных официально для участия в заседаниях – которое должно быть рассмотрено по существу их коллегами. В деле **Daktaras v Lithuania (2000 г.)** начальник отдела по уголовным делам Верховного суда подал «прошение» судьям того же отдела об отмене решения апелляционного суда после того, как судья первой инстанции, не удовлетворенный решением по апелляции, подал соответствующий запрос. Начальник отдела предложил отменить решение апелляционного суда и возобновить действие решения первой инстанции. Затем тот же председатель отдела назначил судью-докладчика и создал судебную коллегия для рассмотрения дела. Петиция председателя отдела была одобрена прокуратурой в ходе слушания и в конечном итоге поддержана Верховным судом. Подобное комбинированное вмешательство в дело различных судебных чиновников было признано достаточным основанием для сомнений заявителя в беспристрастности судебной коллегии Верховного суда. Данные сомнения, имеющие объективные основания, были достаточными для признания факта нарушения ст. 6(1).

Схожим образом был признан факт нарушения ст. 6(1) в деле **Salov v Ukraine (2005 г.)** ввиду недостаточной независимости и беспристрастности судьи районного суда, участвовавшего в слушаниях по делу, с учетом недостаточности гарантий неоказания на суд давления со стороны региональных судов.

В тех случаях, когда члены суда, выносящие решения на основании закона, используя совещательные полномочия, принимали предварительные постановления на основании того же закона, их объективная беспристрастность может быть скомпрометирована. В вышеупомянутом деле **Procola v Luxembourg** комиссия Conseil d'Etat приняла постановление по делу заявителя в связи с законодательной нормой, включающей некоторые положения ЕС во внутреннее законодательство. Четыре из пяти членов комиссии до того заседали в совещательной комиссии Conseil d'Etat и высказывали мнение о проекте данной законодательной нормы и создали законопроект, позволяющий данному закону иметь обратную силу. Суд постановил, что сам факт успешного исполнения одним лицом двух различных функций по делу бросает тень сомнения на структурную независимость и беспристрастность суда. Соответственно, заявитель имел законные основания опасаться того, что члены судебной комиссии будут связаны теми мнениями, которые были ими высказаны в качестве консультантов. По этой причине имело место нарушение ст. 6(1).

Впоследствии Суд, однако, пояснил, что случаи, когда суд, как, например, Conseil d'Etat, обладает консультативными и судебными функциями, его беспристрастность не будет подвергаться сомнению, если рекомендации и последующие судебные процедуры не могут рассматриваться в рамках «одного дела» и «одного решения». Так, в деле **Kleyn and Others v Netherlands (2003 г.)**, пленум Conseil d'Etat дал свои рекомендации по законопроекту о транспорте и инфраструктуре, в результате чего перед вступлением закона в силу в него был внесен ряд изменений. Заявители подали жалобу, оспаривающую решение о направлении маршрута железнодорожной ветки, которое было принято на основании нового закона. Заявители жаловались, что Conseil d'Etat, отклонивший их иск, был недостаточно объективен. Суд, однако, постановил, что в рекомендации по законопроекту о транспорте и инфраструктуре не содержалось ничего, что можно было бы корректно истолковать как выражение взглядов на или приравнять к предварительному определению каких-либо вопросов, впоследствии решенных при прокладке маршрута, оспариваемого заявителями. Несмотря на то, что рекомендации содержали указания на предположительную отправную и конечную точку железнодорожного полотна, они не давали никаких подробных советов по данному маршруту. Соответственно, опасения заявителей относительно беспристрастности Conseil d'Etat в связи с вынесением предварительного рекомендательного заключения не были объективно обоснованы.

Участие в медицинском дисциплинарном суде практикующих врачей, являющихся членами профессиональной организации, против вступления в которую возражали ответчики, было признано не нарушающим предписания о соблюдении беспристрастности (см. цитируемое выше дело **Le Compte and Others**).

В то время как (что было продемонстрировано выше) судья будет признан недостаточно «беспристрастным», согласно 6(1), при выполнении различных функций (обвинительной и судебной или консультативной и судебной) или участии в судебном процессе на различных стадиях (как судья первой инстанции, а затем как судья апелляционного суда) по одному и тому же делу, Суд не обнаружил нарушения принципа беспристрастности на основании самого факта последовательного рассмотрения одним и тем же судом схожих или связанных между собой дел (см. цитируемое выше дело **Gillow**).

Объективная беспристрастность может также подвергаться сомнению в том случае, если судья состоит в родственных, денежных или иных отношениях с противоположной стороной судебного разбирательства. Так, нарушением принципа беспристрастности был признан случай, когда судья на уровне апелляции в Конституционный Суд ранее являлся юридическим

консультантом оппонента заявителей на низшей стадии того же разбирательства (**Meznaric v Croatia (2005 г.)**). В то же время, для поднятия вопроса в рамках ст. 6(1), указанные отношения между судьей и другой стороной должны быть достаточно прочными. Например, в деле **Petur Thor Sigurdsson v Iceland (2003 г.)** жалоба заявителя на Национальный банк Исландии рассматривалась в Верховном суде. Одна из судей Верховного суда и ее муж состояли в финансовых отношениях с данным банком, а муж судьи на тот момент испытывал серьезные денежные затруднения. Суд пришел к заключению, что участие судьи в урегулировании задолженности мужа, услуги, оказанные ее мужу, характер и масштаб контактов мужа с банком, а также близость данных контактов по времени к рассмотрению дела Верховным судом давали заявителю законные основания для опасений в том, что Верховный суд будет недостаточно беспристрастным. По этой причине имело место нарушение ст. 6(1).

- В деле **Holm v Sweden (1993 г.)** пять из девяти присяжных заседателей, участвовавших в судебном процессе по частному обвинению в клевете, были членами политической партии, являвшейся основной целью якобы клеветнического документа. Процедура отбора присяжных проходила в соответствии со шведским законодательством; попытки заявителя дать отвод присяжным-членам политической партии потерпели неудачу. Суд посчитал, что связь между обвиняемыми и пятью присяжными могла вызвать опасения в связи с их объективной независимостью и беспристрастностью; это в свою очередь подвергало сомнению независимость и беспристрастность указанного суда, то есть имело место нарушение ст. 6(1).
- Для сравнения, при рассмотрении дела **Salaman v United Kingdom (dec.)(2000 г.)** Суд должен был дать оценку членству судьи в масонской ложе. Заявитель подал иск для опротестования завещания, сделанного членом масонской ложи, которое отменяло предыдущее завещание в пользу заявителя и передавало имущество человеку, который, по утверждению заявителя, также являлся масоном. В Суде заявитель сослался на широко распространенные подозрения масонства в скрытном, всепроникающем и порочном характере. Несмотря на это, Суд не согласился с тем, что членство судьи в масонской ложе Соединенного королевства могло само по себе вызвать сомнения в его беспристрастности в случае, если свидетель или одна из сторон процесса также являются масонами; в частности, не было основания для опасений, что судья не будет соблюдать клятву об исполнении своих судебных обязанностей, имеющую преимущественную силу перед иными социальными обязанностями и обязательствами. Сомнения заявителя в недостаточной беспристрастности судьи не были объективно обоснованы.

То же самое распространяется на случаи, когда член суда знаком с одной из сторон разбирательства либо свидетелем.

- В деле **Pullar v United Kingdom (1996 г.)**, один из присяжных заседателей, избранных для участия в рассмотрении дела о коррупции, по чистому совпадению был ранее сотрудником основного свидетеля обвинения. Суд не признал, что это могло вызвать затруднения, согласно ст. 6(1), поскольку детальное изучение характера взаимоотношений присяжного заседателя и свидетеля – некогда уволившего присяжного – показало, что присяжный вряд ли был предрасположен верить показаниям свидетеля.

Таким образом, далеко идущие претензии, например, иски против судов присяжных, состав которых не соответствует этническому происхождению обвиняемого, имеют мало шансов на успех, за исключением случаев, когда конкретные факты по делу демонстрируют объективную оправданность опасений обвиняемого, вызванных расистскими настроениями суда.

- В деле **Sander v United Kingdom (2000 г.)** ответчик был азиатом. В ходе разбирательства дела Судом короны процесс был прерван, поскольку член коллегии присяжных отправил судье записку, где утверждал, что двое его коллег-присяжных позволяют себе замечания и шутки неприкрыто расистского характера, и высказал опасения, что обвиняемый будет признан

виновным не на основании представленных доказательств, а по той причине, что является азиатом. На следующее утро судья получил два письма от присяжных заседателей. Первое, подписанное всеми присяжными, включая автора жалобы, опровергало голословные утверждения о расистских настроениях. Второе письмо было написано одним из присяжных заседателей, который объяснял, что, вероятно, ответственным за шутки расистского толка следует считать его. Он приносил свои извинения за нанесенные оскорбления и заявлял, что на самом деле ни в малейшей степени не имеет расистских наклонностей. Судья принял решение не распустить коллегию присяжных, а вместо этого повторно произвел допрос присяжных об осознании ими важности своей судебной задачи, после чего судебное разбирательство было возобновлено и завершилось признанием вины заявителя. Признав нарушение ст. 6(1), Суд постановил, что, при объективном рассмотрении, коллективного письма коллегии присяжных было недостаточно для рассеивания опасений заявителя, так как присяжные не стали бы открыто признавать свои расистские взгляды. Опасения также не могли быть ослаблены повторным допросом судьи, каким бы резким он ни был, так как расистские взгляды не могут быть изменены за одну ночь.

Вопросы:

1. Существуют ли эффективные и достаточные гарантии независимости и беспристрастности судов?

3.3 Справедливость судебного процесса

Право на «справедливость» судебного слушания является основополагающим компонентом ст. 6. Требование соблюдения «справедливости» распространяется на судебное разбирательство в целом, а не только на устные слушания либо разбирательство в первой инстанции (см. цитируемое выше дело **Monnell and Morris**). Таким образом, вопрос о том, было ли рассмотрение судебного дела конкретного человека «справедливым», рассматривается применительно ко всему судебному процессу, хотя некоторые его элементы могут иметь при этом решающее значение. Недочеты, допущенные на одной стадии судебного процесса, могут быть исправлены или компенсированы на последующих стадиях.

Вопрос о том, был ли судебный процесс «справедливым», несомненно, стоит отдельно от вопроса, является ли решение суда «правильным» или «ошибочным». Как нередко отмечалось Судом в так называемых делах «четвертой инстанции», он не уполномочен определять, были ли допущены внутренним судом ошибки в праве или в фактах – функцией Суда является определение справедливости судебного процесса (см. также гл. 1 выше).

3.3.1 Состязательный процесс

Понятие «справедливого судебного слушания» предполагает наличие состязательного процесса, в ходе которого стороны гражданского процесса имеют доступ к информации и могут комментировать приобщенные к делу замечания и представленные другой стороной доказательства. В уголовных судебных процессах требование состязательного процесса предполагает, что обвинение и защита должны получать доступ к информации и иметь возможность комментировать приобщенные к делу замечания и представленные другой стороной доказательства (**Brandstetter v Austria (1991 г.)**). Для национального законодательства первоочередной задачей является установление норм по допустимости доказательств, а для национальных судов – оценка данных доказательств (**Schenk v Switzerland (1988 г.)**). В то же время, при оценке справедливости судебного разбирательства в целом имеют значение характер допущенных доказательств и способ, которым они были получены. В уголовном судебном процессе в особенности уважение права на защиту требует представления всех доказательств в присутствии обвиняемого, на публичном слушании, где данные доказательства могут оспариваться в ходе состязательной процедуры (**Barbera, Messegue and Jabardo v Spain (1988 г.)**).

Это также включает в себя возможность опросить свидетелей и прокомментировать их показания, являющиеся аргументами в деле (**Bricmont v Belgium (1989 г.)**).

Для достижения эффективности состязательного процесса важно, чтобы в гражданских и уголовных делах доступ к актуальным материалам предоставлялся обеим сторонам.

- В деле **Ruiz-Mateos v Spain (1993 г.)** в контексте конституционного судебного разбирательства, на которое распространялось действие «гражданского» аспекта ст. 6, запрос заявителя о представлении документов в Конституционном Суде был отклонен. Суд постановил, что право на состязательный процесс предполагает, что стороны имеют доступ к информации и могут комментировать приобщенные к делу замечания и представленные другой стороной доказательства. Суд признал, что стороне судебного разбирательства должен быть, как правило, гарантирован свободный доступ к замечаниям других участников данного разбирательства, а также реальная возможность комментировать данные замечания.
- В деле **McMichael v United Kingdom (1995 г.)** заявители не имели доступа к ряду отчетов социального характера, имеющих значение в контексте судебного процесса об уходе за ребенком. Суд постановил, что неразглашение столь существенных документов имело значение для участвующих в процессе родителей не только в плане возможности повлиять на исход слушания, но и возможности оценить перспективы подачи апелляции в связи с предполагаемым решением. При подаче апелляции суду были представлены те же самые документы, однако они не были получены заявителями. Вследствие этого апелляция не исправила недостатков судебного разбирательства в первой инстанции, что стало нарушением ст. 6(1).

В контексте уголовных судебных разбирательств Суд дал пояснения того же рода, а именно, что право на состязательный процесс означает, что обвинение и защита должны получать доступ к информации и иметь возможность комментировать приобщенные к делу замечания и представленные другой стороной доказательства, а также что органы прокуратуры должны предъявлять защите все имеющиеся у них вещественные доказательства, в пользу обвиняемого или против него (**Rowe and Davis v United Kingdom (2000 г.)**).

В то же время, право на предъявление всех доказательств не абсолютно. В деле **Edwards v United Kingdom (1992 г.)** Суд постановил, что в некоторых случаях непредъявление доказательств может быть оправдано неприкосновенностью в общественных интересах (например, нераскрытие имени агента или деликатных методов ведения следствия), которая может быть предоставлена, среди прочего в интересах национальной безопасности. В деле **Chahal v United Kingdom (1996 г.)** Суд также постановил, что использование конфиденциальных материалов может быть неизбежным в ситуациях, когда под вопросом находится национальная безопасность, однако при заявлении национальных властей о причастности к делу национальных интересов и угрозы терроризма, власти должны быть подчинены действенному контролю со стороны внутренних судов. По этой причине, каждый раз принимая решение не предоставлять обвиняемому отчет об имеющихся доказательствах, при условии, что обвинение протестует против предоставления данных материалов из соображений национальной безопасности, суд первой инстанции должен сопоставить заинтересованность государства в непредоставлении данных материалов и их важность для защиты. В то же время, лишь «остро необходимые» меры по ограничению прав на защиту допустимы с точки зрения ст. 6(1) (см. цитируемое выше дело **Rowe and Davis**). В деле **Botmeh and Alami v United Kingdom (2007 г.)** Суд постановил, что ст. 6 не была нарушена в ситуации, когда полицейская сводка была скрыта от заявителей в ходе судебного процесса. Дело заявителей рассматривалось в связи с терактами в Лондоне. Запрос на предоставление всех документов был рассмотрен апелляционным судом, который дал разрешение лишь на частичное раскрытие, поскольку данные документы были защищены из соображений национальной безопасности.

В соответствии с доктриной «четвертой инстанции», Суд не занимается рассмотрением вопроса законности постановления, разрешающего не предоставлять сведения в данном конкретном случае и при принятой внутренним законодательством судебной процедуре. Вместо этого Суд занимается исследованием качества самой судебной процедуры, дабы удостовериться в ее максимальном соответствии автономным требованиям состязательного процесса. В вышеупомянутом деле **Rowe and Davis**, например, Суд обнаружил недостаток внутренней судебной процедуры в том, что судьи апелляционного суда не имели возможности исследовать сокрытые доказательства и принять решение о его предоставлении. Вместо этого понимание судьями возможного значения сокрытых материалов зависело от мнения суда первой инстанции, записей слушания дела в первой инстанции и отчета по делу, предоставленного обвинением. Таким образом, в результате данного недочета в процедуре апелляции имело место нарушение ст. 6(1).

- В деле **Dowsett v United Kingdom (2003 г.)**, заявитель также подал жалобу о непредоставлении полицией определенных доказательств до судебного процесса. Суд подчеркнул, что в данном случае материалы, имеющие отношение к делу, включая секретные доказательства, должны быть предоставлены судье, рассматривающему дело, для вынесения им/ею постановления о раскрытии данных материалов. Суд таким образом прояснил, что любое решение о сокрытии информации должно быть представлено суду; обвинение не может в одностороннем порядке решать вопрос о сокрытии сведений. Кроме того, оценка важности подобных материалов должна даваться судьей, рассматривающим дело; недостаток не может быть исправлен в том случае, когда подобную оценку может дать лишь суд в следующей инстанции (например, апелляционный суд). Данные случаи демонстрируют, что реальная оценка секретных доказательств должна даваться как в первой инстанции, так на стадии апелляции.
- В деле **Edwards and Lewis v United Kingdom (2004 г.)** именно судья, занимающийся рассмотрением дела, разбирал все доказательства, которые обвинение не желало раскрывать. Однако в данных обстоятельствах это привело к возникновению проблемы недостаточной состязательности процесса и недостаточного равноправия сторон. Каждый заявитель подал прошение о снятии обвинения против него, на основании злоупотребления судебной процедурой, поскольку они были введены в заблуждение секретными сотрудниками полиции и вынуждены пойти на правонарушение (см. также гл. 3.3.5 ниже). Судья, занимавшийся рассмотрением дела, сначала определил как вопрос факта, учитывая такие детали, как криминальное прошлое обвиняемого и какие-либо доказательства относительно его взаимоотношений с полицией, основываясь ли на балансе возможностей тот факт, что обвиняемый был неподобающим образом спровоцирован полицией на совершение правонарушения. Проблема в связи со ст. 6 возникла, поскольку тот же судья, занимающийся данным делом, уже проводил – без участия представителей защиты – изучение сокрытых доказательств обвинения, которые следовало раскрыть, только если они могли оказаться полезными защите. В силу секретности данной процедуры защита не имела возможности узнать, могли ли непредоставленные доказательства фактически повредить утверждениям обвиняемого о провоцировании его на совершение уголовного преступления, и, если да, то являлись ли доказательства точными и могли ли быть опровергнуты. Например, в случае с одним из заявителей впоследствии выяснилось, что сокрытое доказательство намекало на то, что за некоторое время до проведения полицейской операции он участвовал в контрабанде наркотиков: данное утверждение послужило вещественным доказательством для судьи при принятии решения о провоцировании на совершение уголовного преступления, и именно его обвиняемый решительно отрицал. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).
- В деле **Georgios Papageorgiou v Greece (2003 г.)** заявитель, банковский служащий, был осужден за обналичивание поддельных чеков. Жалоба заявителя, согласно ст. 6, касалась не утаивания доказательств, а отказа внутреннего суда распорядиться о получении оригиналов документов, использовавшихся как основное доказательство против заявителя. В частности, ни на одной из стадий судебного разбирательства судьи, занимавшиеся рассмотрением дела,

не имели возможности изучить указанные чеки и проверить соответствие предоставленных в их распоряжение копий «оригиналам». Более того, суд в первой инстанции распорядился уничтожить предполагаемые фальшивые чеки, являвшиеся ключевым доказательством в деле заявителя. Иными словами, признание заявителя виновным в подделке было по большей части основано на ксерокопиях рассматриваемых чеков. При данных обстоятельствах Суд посчитал, что получение «оригиналов» чеков было существенным для защиты заявителя. Учитывая тот факт, что, вопреки неоднократным запросам заявителя, доказательство не было адекватным образом представлено и изучено в ходе разбирательства, Суд пришел к выводу о том, что рассматриваемое судебное разбирательство не отвечало требованиям справедливого суда.

С принципом состязательного процесса тесно связаны право на присутствие на судебном заседании и принцип равноправия сторон, которые будут рассмотрены в нижеследующих главах.

3.3.2 Принцип равноправия сторон

Принцип равноправия сторон, подразумевающий справедливый баланс между сторонами процесса, является основной характеристикой права на справедливый суд и неотъемлемым аспектом права на состязательный процесс. Суть этого принципа сводится к требованию предоставления каждой стороне соответствующих возможностей изложения своих доводов – включая доказательства – на условиях, которые не представляют сторону в более невыгодном свете, чем оппонента. Иными словами, принцип равноправия сторон по сути означает равенство сторон в ходе судебного разбирательства (**Neumeister v Austria (1968 г.)**).

Данный принцип распространяется на гражданские и уголовные дела. Незначительное неравенство, не оказывающее влияния на справедливость судебного процесса в целом, не является нарушением ст. 6(1). Данный принцип не предполагает исчерпывающего определения процессуальных правил. Точные требования в некоторой степени зависят от характера дела, включая характер и важность предмета разбирательства между сторонами. Обязательно должны присутствовать адекватные процессуальные гарантии, учитывающие характер дела. Они включают в себя, в случае необходимости, адекватную возможность представления доказательств, оспаривания доказательств противной стороны и представления аргументов по рассматриваемому вопросу (см. цитируемое выше дело **H. v Belgium**).

В контексте гражданских дел при участии частных лиц «равноправие сторон» не должно быть абсолютным. На государство не возлагается, например, обязанность предоставлять юридическую помощь малоимущим тяжущимся таким образом, чтобы достичь для него/нее полного равенства с материально обеспеченным оппонентом (см. упомянутое выше дело **Steel and Morris v United Kingdom**).

Действительно важно здесь предоставление сторонам соответствующей возможности изложить свои доводы в суде — включая доказательства — на условиях, которые не представляют сторону в более невыгодном свете, чем другую сторону. Принцип равноправия сторон также означает, что противная сторона не должна иметь дополнительных возможностей для представления своей точки зрения в отсутствие обвиняемого или тяжущегося. Так, если в уголовном судебном процессе обвинению предоставляется существенное процессуальное преимущество – например, право высокопоставленных чиновников подавать документы в кассационный суд в отсутствие представителей защиты – надлежащее равноправие сторон будет отсутствовать (**Borgers v Belgium (1991 г.)**).

В то же время необходимо отметить, что сам по себе факт, что государственный обвинитель высшего ранга, например, заместитель генерального прокурора, представляет доводы обвинения по делу, не означает, что равноправие сторон нарушено или что суд подвергается чрезмерному давлению (**Daktaras v Lithuania (dec.) (2000 г.)**).

- В деле **Wynen and Centre Hospitalier Interrégional Edith-Cavell v Belgium (2002 г.)**, кассационный суд не позволил заявителям дополнительное выступление, поскольку они исчерпали свое время. Суд, однако, отметил, что другая сторона судебного разбирательства не была каким-либо образом ограничена по времени для изложения своих доводов. Таким образом, в нарушение ст. 6(1), заявители были явно поставлены в более невыгодные условия, чем другая сторона.

Принцип равноправия сторон может нарушаться в ситуации, когда тяжущийся имеет в качестве оппонентов лиц, обладающих преимуществами в свете доступа к существенной информации.

- В деле **Yvon v France (2003 г.)** в контексте, связанном с суммой компенсации, предоставляемой в связи с экспроприацией земли, заявитель получил отказ у противоположной стороны, правительственного учреждения, предоставить копии документов, на которые учреждение ссылалось в представленных суду письменных заявлениях. Суд постановил, что государственное учреждение имело значительные преимущества в свете доступа к информации, существенной для рассмотрения дела, включая реестр земельных участков. Кроме того, по данному делу правительственное учреждение выступало в качестве и эксперта, и участника и таким образом занимало доминирующую позицию в ходе судебного разбирательства, имея существенное влияние на сведения, получаемые судьей. Суд пришел к заключению, что все перечисленные факторы в совокупности привели к образованию неравенства сторон, что не соответствовало принципу равноправия сторон. Тем самым была нарушена ст. 6(1).

Принцип равноправия сторон предписывает одинаковое обращение со свидетелями защиты и свидетелями обвинения в ходе уголовного разбирательства.

- В деле **Bönisch v Austria (1985 г.)** полицией было заказано экспертное заключение о функционировании бизнеса заявителя. На основании данного заключения против заявителя было возбуждено уголовное дело, в результате чего он был признан виновным. Тот же самый полицейский эксперт был назначен судом первой инстанции в качестве судебного, и его показания имели больший вес, чем показания эксперта, привлеченного защитой. В отличие от судебного эксперта, эксперт защиты не получил права присутствовать на слушании от начала до конца и должен был ожидать вызова для дачи показаний. Будучи приглашенным в зал заседаний, эксперт был опрошен и судьей, и судебным экспертом. Затем ему было позволено остаться, но сидеть в галерее для публики. Существенная роль, которая была отведена судебному эксперту – явно не проявлявшему признаков нейтралитета – была охарактеризована Судом как нарушение ст. 6(1). Следует, однако, отметить, что Конвенция не предписывает экспертам, как таковым, всегда соблюдать нейтралитет – в соответствии со ст. 6, нейтралитет необходим лишь в случаях, когда эксперт играет в судебном процессе более важную роль, чем рядовой свидетель, как это было в деле **Bönisch** (см. также гл. 5.4. ниже).
- В вышеупомянутом деле **Brandsetter v Austria** после проведения инспекции винодельческого предприятия заявителя эксперт института сельского хозяйства составил отчет, на основании которого против заявителя было возбуждено уголовное дело в связи с подделкой вина. Суд первой инстанции назначил официального судебного эксперта, сотрудника того же института. Суд постановил, что, хотя назначение судебного эксперта могло вызвать сомнения в независимости, эти сомнения должны иметь объективные основания. Суд пришел к заключению, что основания отсутствовали. Сам по себе факт работы судебного эксперта в том же институте не мог оправдать опасения, что он не сможет проявить достаточный нейтралитет. Суд пришел к заключению, что принцип равноправия сторон не был нарушен отказом суда назначить другого официального эксперта. Кроме того, Суд постановил, что право на справедливый суд не предписывает национальному суду назначать другого эксперта только потому, что мнение назначенного судом эксперта поддерживает версию обвинения. Таким образом, ст. 6 нарушена не была.

- В то же время, в деле **Sara Lind Eggertsdottir v Iceland (2007 г.)** Суд постановил, что принцип равноправия сторон был нарушен, поскольку назначенные эксперты являлись сотрудниками ответчика. Заявительница по данному делу подала в суд на больницу в связи с врачебной халатностью, однако на основании мнения экспертов, предоставленного врачами указанной больницы, национальный суд отклонил ее иск о возмещении ущерба. Национальный суд отказался дать отвод экспертам, поскольку ни один врач не был членом больничного руководства, и все они являлись членами государственной Судебно-медицинской палаты. Суд решил, что даже если врачи не имели никакого отношения к данному делу ранее, их начальство занимало однозначно негативную позицию относительно данного иска, и заявительница могла справедливо опасаться, что в ходе разбирательства эксперты не будут соблюдать достаточный нейтралитет.
- В деле **Augusto v France (2007 г.)**, заявительнице было отказано в признании невозможности работать и в назначении пенсии по возрасту. Ее иск против данного решения был рассмотрен и одобрен компетентным национальным судом, который частично основал свои выводы на наблюдениях, сделанным аккредитованным врачом, мнение которого, однако, не было доведено до сведения заявительницы. Признав факт нарушения ст. 6, Суд постановил, что мнение аккредитованного врача являлось ключевым фактором при принятии национальным судом своего решения, а сообщение данного мнения было еще более важно, поскольку врач не мог считаться беспристрастным, будучи избранным на основании списка, составленного другой стороной в ходе данного судебного разбирательства.

Принцип равноправия сторон также может быть нарушен в том случае, если лицо, обладающее существенной информацией, предотвращает доступ заявителей к имеющимся у него документам, которые могли быть использованы заявителями в ходе судебного разбирательства, либо обманным образом отрицает существование данных документов (**McGinley and Egan v United Kingdom (1998 г.)**). В то же время, лицо, заявляющее о сокрытии другой стороной подобной информации, должно иметь возможность обосновать утверждения о том, что данное доказательство существовало и находилось в руках другой стороны на тот момент. Ст. 6 также нарушается, когда заявитель может ознакомиться с документами, в данном случае с досье, заведенным на него бывшими секретными службами, однако не может получить копии данных документов, сделать их конспект или использовать в ходе судебного разбирательства (**Matyjek v Poland (dec.) (2006 г.)**).

Равноправие сторон может нарушаться в случае серьезных практических препятствий для защиты интересов подсудимого в суде. Так, Суд признал факт нарушения ст. 6(1) в уголовном деле, когда адвокат защиты должен был ждать около 15 часов прежде, чем ранним утром получил возможность выступить по своему делу в суде (**Makhfi v France (2004 г.)**). Суд также постановил, что равноправие сторон было нарушено в ситуации, когда прокуратурой, инициировавшей процесс, было отказано в возмещении расходов выигравшей дело стороне (**Stankiewicz v Poland (2006 г.)**).

Данный принцип также может быть нарушен при принятии закона, позволяющего оказать воздействие на исход проходящего на данный момент правового спора. В упомянутом выше деле **Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis** в момент проведения судебного разбирательства в связи с юридической действительностью тендера, подписанного между заявителями и предыдущим военным режимом, парламент Греции принял новый закон, объявлявший все контракты военного режима аннулированными и недействительными, а все иски, поданные в связи с завершением данных контрактов, не имеющими исковой силы за истечением срока давности. Суд отметил, что данный закон имел решающее значение для заявителя – он явился поворотным моментом в судебном процессе, который до тех пор развивался не в пользу государства. Суд также учел срок и способ принятия закона. Незадолго до того, как закон был принят, государство попросило приостановить судебный процесс на том основании, что законопроект, касающийся данного дела, был представлен парламенту. Таким образом, было подтверждено, что соответствующее положение закона было

нацелено на компанию заявителя. Суд постановил, что принцип главенства закона и понятие справедливого суда, находящиеся под защитой ст. 6, не допускают вмешательства законодательной власти в исполнение правосудия в целях воздействия на судебное рассмотрение спора. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).

- В делах **Arnolin and Others and 24 Others v France (2007 г.)** и **Aubert and Others and 8 Others v France (2007 г.)** Суд сходным образом признал факт нарушения ст. 6 (1) на основании принятого французским парламентом закона, который ретроспективно регулировал находившиеся в национальных судах споры о пособиях, которые частные организации должны были выплачивать своим сотрудникам в секторе здравоохранения и социального обеспечения. Суд вновь подтвердил общий принцип, гласящий, что, хотя законодательная власть полностью не ограждена от принятия ретроспективных постановлений для регулирования прав, вытекающих из существующего законодательства по гражданским вопросам, подобное вмешательство может соответствовать ст. 6 только при наличии убедительных оснований в виде общественного интереса. Признав, что в данных случаях убедительных оснований в виде общественного интереса не было, Суд постановил, что, в принципе, финансовые причины сами по себе не могли послужить оправданием ретроспективной законодательной деятельности, и, поскольку для системы здравоохранения и социальной защиты в целом никакой угрозы не было, а государство было заинтересовано в исходе данного финансового спора, ретроспективная законодательная деятельность в данном случае обоснованной не была.

Наконец, следует отметить, что в то время, как положение о равноправии сторон распространяется и на гражданские, и на уголовные дела, применительно к заявителям, подвергающимся уголовному преследованию, нормы ст. 6 более строги, чем к заявителям, участвующим в гражданском процессе или гражданской стороне, участвующей в уголовном разбирательстве. Так, Суд признал факт нарушения принципа равноправия сторон при рассмотрении уголовного дела, когда на предварительной стадии обвиняемому было отказано в доступе к материалам дела на том основании, что он решил представлять свои интересы самостоятельно (согласно французской судебной системе, только его адвокат мог получить такой доступ) (**Foucher v France (1997 г.)**). В то же время, Суд не обнаружил нарушения ст. 6 в ситуации, когда гражданской стороне уголовного процесса было отказано в доступе к материалам дела на тех же основаниях (**Menet v France (2005 г.)**).

Вопросы:

1. Как внутреннее законодательство защищает принципы состязательного процесса и равноправия сторон?
2. Какими средствами сторона может оспорить сокрытие определенных доказательств?
3. Гарантируют ли ограничения сроков подачи письменных ходатайств и апелляций равноправие сторон в ходе процесса?
4. Каковы положение и процедура назначения судебного эксперта? Имеет ли такой эксперт те же права в ходе процесса, что и остальные свидетели по делу?
5. Если вышестоящий судебный либо государственный чиновник могут вмешиваться в процесс в пользу одной из сторон, как закон обеспечивает соблюдение принципа равенства сторон?

3.3.3 Право на публичное слушание

Первым элементом данного права является право сторон предстать перед судом. Вторым элементом является право сторон эффективно участвовать в слушании. Третьим аспектом является публичный характер судебных слушаний, то есть право стороны потребовать присутствия на открытом судебном заседании публики, в том числе, средств массовой информации. Четвертым элементом является обязанность суда сделать свой вердикт достоянием общественности.

Что касается первого элемента, данное право означает, что заявитель должен присутствовать в слушаниях по делу лично. Следует подчеркнуть, прецедентное право Суда по ст. 6(1) не придает большого значения различиям между случаями, когда заявитель не присутствовал в суде лично, но был представлен адвокатом, и случаями, когда внутренний суд осуществил процедуру разбирательства в письменном виде, не заслушивая представителей сторон. В контексте права на публичное слушание Суд различил случаи, когда заявитель мог присутствовать в суде лично, и случаями, когда он не мог этого сделать. В то время, как присутствие в суде адвоката может иметь значение в контексте нарушения некоторых других прав, гарантированных ст. 6, (прав, гарантированных пунктом b) и c) параграфа 3), основное внимание ст. 6(1) отводится личному присутствию заявителя в суде.

В данном отношении именно характер судебного разбирательства определяет, является ли невозможность допуска обвиняемого лица или гражданского тяжущегося к личному участию в судебном заседании нарушением ст. 6(1). Суд признал, что ст. 6(1) предусматривает право на прения сторон в суде первой и единственной инстанции (см. упомянутое выше дело **Goc**). Так, в деле **Allan Jacobsson v Sweden (No. 2) (1998 г.)**, нарушением ст. 6(1) был признан тот факт, что лицо не было приглашено на судебное заседание по рассмотрению законности решения исполнительной власти о выдаче разрешения на строительство. Суд постановил, что в разбирательствах, схожих с данным и проходящих в суде первой и единственной инстанции, «право на публичное слушание» предполагает право на прения сторон, за исключением тех случаев, когда особые обстоятельства оправдывают отказ от такого слушания. Таким образом, согласно общему правилу, для того, чтобы оспариваемая процедура внутреннего судебного разбирательства соответствовала ст. 6(1), заявитель должен сам присутствовать, по крайней мере, в суде одного уровня.

- В деле **Jussila v Finland (2006 г.)** Суд, однако, установил четкие ограничения для права на участие в прениях, отказавшись признать факт нарушения ст. 6 в том, что при разбирательстве дела о штрафах за неуплату налогов не состоялось прений сторон. Суд отнес разбирательство дела о штрафах за неуплату налогов к уголовному разделу ст. 6, добавив, что даже в уголовных делах право на прения сторон не является абсолютным, и могут иметь место процедуры, где прения сторон не требуются: например, когда требующие прений вопросы о достоверности либо об оспариваемых фактах не поднимаются, и суд может принять справедливое и обоснованное решение по делу на основании представленных сторонами ходатайств и прочих письменных материалов (см. дело **Salomonsson v Sweden (2002 г.)**, на тему ограничения прав на прения сторон в гражданских делах). Судом рассматриваются еще два аргумента, доказывающие отсутствие нарушения ст. 6 в конкретном деле. Во-первых, если, несмотря на применение уголовного аспекта ст. 6, дело имеет несущественный характер, и заявителю грозит наказание в виде штрафа. Суд пояснил, что прения сторон в уголовном деле воспринимаются им как важная гарантия справедливости судебного разбирательства. Во-вторых, Суд особо подчеркивает тот факт, что отказ в организации прений сторон не происходит автоматически, и заявитель может и должен требовать проведения прений сторон, а национальный суд обязан предоставить подробные пояснения отказа их организовать. В то же время, случаи, когда внутреннее законодательство не предоставляет обвиняемому возможности потребовать проведения публичного слушания, будут нарушением ст. 6 (**Martinie v France (2006 г.)**).

В то время как ст. 6, как таковая, не гарантирует права на апелляцию², данное ее положение распространяется на процедуру подачи апелляции, когда право на апелляцию существует во внутреннем законодательстве. Конкретный способ применения ст. 6 к апелляционным слушаниям зависит от особенностей задействованной судебной процедуры. Так, решение вопроса о праве тяжущегося гражданского лица быть заслушанным при рассмотрении апелляции или о праве лица, признанного виновным в совершении уголовного преступления, на рассмотрение дела на уровне апелляции

2 См. ниже. Право на апелляцию в связи с уголовным процессом также представлено в ст. 2 протокола 7 Конвенции.

зависит от оценки судебного процесса в целом, согласно внутреннему правопорядку, а также от той роли, которую играет в нем апелляционный суд (см. вышеупомянутое дело **Ekbatani**).

- В вышеупомянутом деле **Ekbatani** заявитель был признан виновным по результатам рассмотрения дела судом первой инстанции. Рассмотрение апелляции заявителя проходило без слушаний. Суд должен был ознакомиться с характером шведской апелляционной системы, границами полномочий апелляционного суда и способом фактического представления и защиты интересов заявителя в апелляционном суде. В данном случае апелляционный суд был обязан изучить вопросы факта и вопросы права, его основной задачей являлась оценка вины заявителя. Суд признал, что в подобных условиях вопрос вины или невиновности заявителя – в рамках справедливого суда – не мог быть должным образом решен без прямой оценки доказательств, лично представленных заявителем. Таким образом, процедура апелляции должна была заключаться в полном повторном заслушивании доводов заявителя и обвинения. Поскольку этого не произошло, имело место нарушение ст. 6(1).
- В деле **Kremzow v Austria (1993 г.)** заявитель был представлен адвокатом на рассмотрении апелляции в связи с вынесенным приговором, однако его лично из тюрьмы на слушания не доставили. Признав нарушение ст. 6(1) в данной связи, Суд пояснил, что, согласно общему правилу, обвиняемый должен всегда присутствовать на рассмотрении дела в суде первой инстанции. Кроме того, Суд постановил, что заявитель должен был получить возможность присутствовать на рассмотрении апелляции против вынесенного приговора, поскольку увеличение срока с двадцати лет до пожизненного заключения является важным вопросом, при рассмотрении которого заявитель должен был иметь возможность присутствовать лично. Суд подчеркнул, что ст. 6(1) предусматривает личное присутствие обвиняемого вместе с адвокатом на рассмотрении апелляции, чтобы иметь возможность оценить его характер, душевное состояние на момент совершения преступления, а также его мотив в тех случаях, когда оценки такого рода играют важную роль и их результат может нанести обвиняемому значительный ущерб. Таким образом, в противовес сказанному, в случае отсутствия г-на Кремоцова на рассмотрении апелляции об аннулировании приговора, с учетом того, что он имел представителя, а характер слушаний не требовал его личного присутствия, вопроса о нарушении ст. 6 (1) не возникло.
- В деле **Axen v Germany (1983 г.)** заявитель подал иск на компанию в связи с нанесением ущерба. Состоялись слушания дела в суде первой инстанции и при подаче апелляции, в которых заявитель принял участие. Затем он подал апелляцию по поводу вопросов права в Федеральный суд (FCJ), который рассмотрел дело в отсутствие сторон и одобрил решение первой инстанции. Не обнаружив нарушения ст. 6(1), Суд отметил, что имели место публичные слушания в первой инстанции и на стадии подачи апелляции. Суд также отметил, что при принятии FCJ решения об отмене постановления первой инстанции по закону необходимо было бы провести слушания дела.

Таким образом, там, где разбирательство дела в первой инстанции проходило без участия заявителя, ситуация может быть исправлена на стадии апелляции в том случае, если апелляционный суд обладает полномочиями вынесения постановлений и по вопросам права, и по вопросам факта. В тех же ситуациях, когда заявитель изложил свои доводы в суде первой инстанции, а апелляционный или кассационный суд созывается лишь для рассмотрения вопросов права, данный кассационный или апелляционный суд может отказаться от заслушивания заявителя лично, за исключением тех случаев, когда данный суд высшей инстанции предполагает отменить или внести существенные дополнения в приговор в ущерб интересам заявителя. Те же принципы распространяются на процедуру апелляции или кассационной жалобы в гражданских делах. Так, например, указанному лицу должно быть позволено присутствовать на рассмотрении дела, если оценка его/ее характера или состояния здоровья имеет прямое отношение к формированию

мнения суда, как это было в случае с родителем, добивающимся общения с ребенком (**X. v Sweden (1959 г.)**), или с заявителем, требующим выплаты пособия по нетрудоспособности (**Salomonsson v Sweden (2002 г.)**), и если высшая инстанция своим решением отменяет постановление суда низшей инстанции.

- В деле **Diennet v France (1995 г.)** заявитель не принимал участия в судебных заседаниях первой инстанции, в результате которых был лишен права заниматься медицинской практикой. Заявитель подал апелляцию по поводу вопросов права в Conseil d'Etat, который провел слушания по поводу вопросов права, к участию в которых заявитель был приглашен. Суд, однако, признал факт нарушения ст. 6(1), поскольку Conseil d'Etat не обладал полномочиями давать оценку соразмерности наказания и правонарушения. Таким образом, сам факт проведения публичных слушаний в Conseil d'Etat не мог исправить недочетов, допущенных в ходе дисциплинарного судебного процесса.

Данный случай позволяет сделать вывод, что там, где единственным путем подачи апелляции является кассационный процесс, право на публичные слушания предписывает заявителю присутствовать в суде первой инстанции. Это происходит в силу того, что к юрисдикции кассационных судов не всегда относится рассмотрение как вопросов права, так и вопросов факта, и по этой причине они не всегда могут заменить постановление суда первой инстанции на свой вердикт (в данном контексте см. также цитируемое выше дело **Goc v Turkey**).

Суд постановил, что человек может отказаться от права присутствовать на судебных слушаниях по уголовному или гражданскому делу. В то же время, отказ должен быть выражен недвусмысленно и сделан с минимальными, соразмерными его важности, мерами предосторожности (**Poitrimol v France (1993 г.)**).

- В деле **Zana v Turkey (1997 г.)** страна-ответчик утверждала, что заявитель неявным образом отказался от права присутствовать в Суде национальной безопасности, который рассмотрел его дело и вынес обвинительный приговор. Страна-ответчик основала свое утверждение на том факте, что изначально заявитель хотел защищать себя на турецком языке; его предупредили, что если он будет настаивать на использовании курдского языка, то будет считаться, что он отказался от права на защиту. Заявитель не отступил и по этой причине не получил разрешения защищать себя. Рассмотрение правонарушений, в которых обвинялся заявитель, проходило в местном отделении Суда национальной безопасности в отсутствие заявителя; в суде присутствовали адвокаты заявителя, однако от него самого даже не потребовали присутствия. Суд отклонил довод правительства-ответчика; поведение заявителя не означало отказ от права присутствовать на судебных слушаниях своего дела. В любом случае Суд повторно сформулировал принцип, согласно которому отказ воспользоваться правом, гарантированным Конвенцией, должен быть недвусмысленно выражен.

В ограниченном ряде случаев внутренние уголовные суды могут проводить разбирательство дела обвиняемого заочно. Разрешение на проведение подобного судебного разбирательства дается, однако, лишь в тех случаях, когда органы власти могут продемонстрировать, что были приложены должные усилия для определения местонахождения обвиняемого и уведомления его об обвинении в совершении уголовного преступления и деталях судебного процесса. Кроме того, Суд постановил, что заочные судебные процессы могут считаться соответствующими Конвенции лишь в тех случаях, когда обвиняемому может впоследствии быть обеспечено в суде, рассматривавшем его дело, новое рассмотрение конкретных обстоятельств дела. Внутренние суды могут отказать в удовлетворении запроса о повторном рассмотрении дела, который поступил от человека, приговоренного заочно, лишь в том случае, когда могут продемонстрировать, что данный человек был проинформирован об уголовном процессе против него/нее до его начала (**Colozza v Italy (1985 г.)**; **Krombach v France (2001 г.)**; **Sejdovic v Italy (2006 г.)**).

Право заявителя присутствовать в суде, однако, не предписывает органам власти доставлять его в суд в том случае, если он сам не проявляет достаточно усилий для того, чтобы принять участие в слушаниях. Так, в случае, когда заявитель, являвшийся обвиняемым в гражданском деле, переехал и не мог быть обнаружен по адресу, предоставленному заявителями, Суд не признал нарушением тот факт, что национальный суд вынес решение по делу в отсутствие заявителя, в особенности учитывая, что местные органы власти сделали все от них зависящее для его обнаружения: сделали запрос в полицию и подали объявление в газету о начале судебного процесса (**Nunes Diaz v Portugal (dec.) (2003 г.)**).

Вторым элементом права на публичные слушания является право эффективно участвовать в слушании. Таким образом, одного присутствия в суде обвиняемого в уголовном преступлении или стороны гражданского иска недостаточно. Он или она должны также иметь право эффективно участвовать в слушаниях дела. В деле **Stanford v United Kingdom (1994 г.)** заявитель страдал частичным поражением слуха и частично не мог слышать доказательства, представляемые суду. Суд, однако, не обнаружил нарушения ст. 6(1) ввиду того факта, что адвокат заявителя, который мог слышать все, что говорилось, и непрерывно получать инструкции у своего клиента, из тактических соображений предпочел не обращаться с просьбой пересадить обвиняемого ближе к свидетелям.

- В вышеупомянутом деле **T. and V. v United Kingdom** заявителям было по 11 лет во время судебного процесса по обвинению их в убийстве маленького ребенка. Судебный процесс получил большую огласку, и суду было представлено медицинское свидетельство того, что оба заявителя испытывают посттравматический стресс. Суд признал факт нарушения ст. 6(1), отметив, что заявители вряд ли могли чувствовать себя достаточно раскованно в напряженной обстановке зала судебных заседаний и под пристальным вниманием публики, чтобы консультироваться с адвокатами в ходе судебного процесса.
- В деле **S.C. v United Kingdom (2004 г.)** где рассматривалось дело 11-летнего мальчика, имевшего на своем счету множество правонарушений, который обвинялся в совершении кражи, Суд установил факт нарушения ст. 6(1) на том основании, что установленный уровень интеллектуального развития заявителя соответствовал возрасту от шести до восьми лет, и он очевидно слабо представлял себе характер судебной процедуры, а также то, чем она ему грозит. Суд постановил, что при принятии решения в ходе уголовного судебного разбирательства, а не иной формы рассмотрения дела, нацеленной на максимальное соблюдение интересов ребенка и общества, и при существовании опасности, что ребенок не сможет эффективно участвовать в судебном разбирательстве в силу возраста и ограниченности интеллектуальных способностей, крайне важно, чтобы подобное дело рассматривал специализированный суд, способный полностью учесть и сделать соответствующую скидку на все затруднения, при которых придется работать, а также соответственным образом адаптировать судебную процедуру.

Третьим элементом права на публичные слушания является право заявителя потребовать присутствия в суде публики, в том числе, представителей средств массовой информации. Ст. 6(1) предписывает публичное проведение судебных слушаний, несмотря на то, что из данного общего правила есть исключения. Таким образом, презумпция всегда будет на стороне публичных слушаний. Публичный характер слушаний предоставляет тяжущимся сторонам защиту на случай тайного, не подконтрольного общественной проверке отправления правосудия. Кроме того, это является способом поддержания в общественности уверенности в справедливости отправления правосудия и самих судов. Прозрачность правосудия является важной составляющей справедливости судебного процесса, гарантированного ст. 6 и играющего основополагающую роль в демократическом обществе (см. цитируемое выше дело **Axen**). Публичные слушания также позволяют прессе выполнять важную функцию общественного стража порядка, которая защищена гл. 10 Конвенции. Таким образом, Суд настаивает на том, что право на публичные слушания может быть ограничено лишь в условиях строгой необходимости, с применением понятия соразмерности при решении

исключить участие публики (см. цитируемое выше дело **Campbell and Fell**). Невозможность проведения публичного слушания дела в первой инстанции обычно не может быть восполнена на стадии апелляции, за исключением тех случаев, когда это входит в юрисдикцию апелляционной инстанции.

- В цитируемом выше деле **Diennet** Суд постановил, что необходимость сохранения профессиональной конфиденциальности и защиты частной жизни пациентов являются законным основанием для проведения закрытого дисциплинарного слушания. В то же время Суд отметил, что закрытое слушание может проводиться исключительно в тех случаях, когда этого жестко требуют обстоятельства дела. В данном случае единственным моментом, который было необходимо учесть национальному суду, являлось получение заявителем консультаций в форме переписки с врачом. Ничто иное не указывало на то, что сведения о конкретных пациентах или иная конфиденциальная информация могут быть преданы огласке в ходе судебного разбирательства. Суд постановил далее, что при возникновении угрозы нарушения врачебной тайны в ходе разбирательства суд мог исключить присутствие публики на данной стадии слушаний. В данном случае судебное разбирательство проходило за закрытыми дверями по умолчанию. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).

В упомянутом выше деле **Axen** имело место публичное слушание дела по гражданскому иску заявителя в первой инстанции, однако рассмотрение апелляции проходило за закрытыми дверями согласно схеме, призванной разгрузить суды. Это не являлось нарушением ст. 6(1), поскольку судебное разбирательство в целом можно было рассматривать как «публичное». Роль апелляционного суда сводилась к отклонению апелляции по юридическим вопросам, что делало вердикт суда первой инстанции окончательным.

- В деле **B. and P. v United Kingdom (2001 г.)** суд провел закрытые слушания об определении места проживания детей. Суд постановил, что судебные слушания, связанные с местом проживания детей, являются ярким примером случая, когда закрытость от прессы и публики может быть оправдана в целях защиты неприкосновенности частной жизни ребенка и сторон, а также во избежание нанесения вреда интересам правосудия. Для того, чтобы судья, выносящий решения, мог получить максимально полную и точную картину преимуществ и недостатков проживания ребенка в различных местах, а также способа осуществления им контактов с родителями важно, чтобы родители и свидетели по делу могли откровенно высказываться на глубоко личные темы, не боясь вызвать любопытство или комментарии со стороны публики. Таким образом, нарушения ст. 6(1) в данном случае не было.

Кроме того, слушания дел, проходящие в стенах тюрьмы, как правило, исключают присутствие публики. Суд провел разграничение между дисциплинарными слушаниями и уголовными судебными разбирательствами в пределах тюрьмы. Что касается дисциплинарных слушаний, Суд согласился с тем, что причина проведения их в закрытом режиме обоснована соображениями безопасности; Суд также постановил, что невозможно ожидать от государства проведения подобных слушаний за пределами тюрем, поскольку это легло бы несоразмерным грузом на государство (см. цитируемое выше дело **Campbell and Fell**). В то же время, Суд проявляет больше настойчивости в вопросе проведения уголовных судебных процессов. Суд настаивает на том, что при проведении судебного процесса внутри тюрьмы национальные власти должны принимать особые меры для информирования общественности о процессе, его перипетиях, а также о том факте, что публика имеет право на нем присутствовать.

- Рассмотрение дела заявителя (**Riepan v Austria (2000 г.)**) по обвинению в правонарушениях, совершенных в тюрьме, проходило в специальной тюремной комнате для допросов. Доступ для общественности закрыт не был, однако не было предпринято никаких действий для информирования ее о том, что слушания состоятся. Суд постановил, что лишь в редких случаях

соображения безопасности могут оправдать исключение участия публики. Суд отметил, что судебный процесс соответствует требованиям, предъявляемым к публичности, лишь тогда, когда публика может получить сведения о дате и месте проведения процесса, а место проведения процесса находится в пределах доступности. Чаще всего данные условия соблюдаются, когда процесс проходит в зале судебных заседаний нормальных размеров, позволяющих разместиться зрителям. Проведение судебного процесса вне обычного зала заседаний, в особенности в таком месте, как тюрьма, куда у обычной публики нет доступа, создает серьезные препятствия для обеспечения публичности, в то время как в обязанности государства входит принятие компенсирующих мер, гарантирующих публике и средствам массовой информации обеспечение информации и эффективным доступом к процессу. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).

Четвертым элементом права на публичные слушания является обязанность суда сделать свой вердикт достоянием общественности.

- В деле **Pretto and Others v Italy (1983 г.)** Суд принял решение о том, что не было реальной необходимости зачитывать вердикт в открытом суде, и государство могло по своему усмотрению избрать способ доведения судебного постановления до сведения общественности. В данном случае заявитель подал жалобу на то, что постановление кассационного суда не было зачитано в ходе публичного слушания. Суд по правам человека подчеркнул необходимость принимать во внимание судебный процесс в целом. Форма оглашения судебного решения для публики должна оцениваться с учетом специфики конкретного судебного разбирательства и со ссылкой на предмет и предназначение ст. 6(1). Кроме того, несмотря на то, что постановление кассационного суда не было оглашено в открытом суде, любой человек мог навести по нему справку или получить его копию. Таким образом, нарушения ст. 6(1) не было. Соответственно, требование публичности судебного решения, которое содержит данное положение, может быть выполнено путем помещения информации о решении в судебный реестр или публикации его печатной версии.

Требование ст. 6(1) публично оглашать судебные решения может подвергаться ограничениям лишь в исключительных случаях. В упомянутом выше деле **B. and P. v United Kingdom** Суд согласился с правительством в том, что открытие доступа для публики к судебному постановлению противоречило бы цели проведения слушаний дела о месте проживания ребенка в закрытом режиме: защитить неприкосновенность частной жизни ребенка и его родителей и способствовать осуществлению правосудия. Суд постановил, что требования ст. 6(1) в деле о месте проживания ребенка были соблюдены, поскольку любой человек, проявляющий обоснованный интерес к делу, мог, с разрешения суда, навести справки либо получить копию полной версии распоряжений и/или решения суда первой инстанции, и поскольку решения апелляционного суда и судов первой инстанции по схожим делам обычно публикуются, тем самым давая публике возможность изучить подход, принятый судами при разбирательстве подобных дел, а также принципы, согласно которым по ним выносятся постановления.

Вопросы:

1. В каких случаях национальный суд ограничивает доступ стороны к одной из стадий судебного процесса?
2. Гарантирует ли национальное законодательство соответствие проходящих в тюрьме уголовных процессов требованиям публичного слушания?
3. В каких ситуациях национальное законодательство предусматривает исключения из принципа публичности судебного процесса и судебного решения?

3.3.4 Специфика справедливости уголовного процесса

Несправедливости, допущенной полицией при расследовании дела по подозрению обвиняемого, может быть достаточно для нарушения ст. 6(1) еще до предъявления ему/ей обвинения.

- В деле **Teixeira de Castro v Portugal (1998 г.)** секретными сотрудниками полиции заявителю была предложена некая сумма в обмен на героин. Несмотря на отсутствие криминального прошлого, заявитель знал людей, которые могли достать наркотики, и, поддавшись на искушение, он выполнил просьбу сотрудников полиции. Впоследствии ему было предъявлено обвинение в торговле наркотиками и вынесен обвинительный приговор. Не было никаких доказательств несправедливости самого судебного разбирательства, однако Суд постановил, что, поскольку сотрудники полиции явно занимались подстрекательством правонарушения, которое в противном случае не было бы совершено, заявитель с самого начала был лишен права на справедливый суд в нарушение ст. 6(1). Суд противопоставил действия сотрудников полиции поведению «истинных» секретных агентов, которые скрывают свою сущность для получения информации и доказательств преступления, а не подстрекают к его совершению; второй тип ситуации вряд ли дал бы повод для нарушения ст. 6.

Схожим образом, в упомянутом выше деле **Vanyan v Russia** Суд установил факт нарушения ст. 6(1) при «контрольной покупке» наркотиков как провокации преступления в целях изобличения – будучи исполнено не самими органами власти, а третьим лицом, выступавшим в качестве секретного сотрудника – данное дело было полностью организовано и контролировалось милицией. Случаи, когда инициатива совершения преступления и разработка преступной схемы исходят от самого обвиняемого, не признаются Судом нарушением ст. 6(1) (см. цитируемое выше дело **Butkevicius (dec.)(2000 г.)**). С другой стороны, в случаях, когда внутреннее законодательство не допускает провокации преступления в целях изобличения, при определении соответствия ст. 6(1) оспариваемого внутреннего судебного разбирательства Суд концентрирует внимание на том, были ли обеспечены обвиняемому процессуальные гарантии, в том числе: состязательный процесс и равноправие сторон, а не на изучении фактических обстоятельств, связанных с утверждениями заявителя о провокации преступления в целях изобличения (см. цитируемое выше дело **Edwards and Lewis**).

Лишь в редких и исключительных случаях, как, например, цитируемые выше дела **Teixeira** и **Vanyan**, Суд считает незаконные действия полиции либо следователей достаточным основанием для признания судебного процесса нарушающим ст. 6 – как правило, Суд не занимается пересмотром фактических и правовых заключений внутренних судов с точки зрения ст. 6. Гарантируя право на справедливое слушание, данное положение не дает каких-либо предписаний о допустимости доказательств как таковых, что является, таким образом, предметом регулирования национального законодательства. Даже если приговор частично основан на незаконно (с точки зрения внутреннего судопроизводства) добытых доказательствах, это не обязательно означает нарушение принципа справедливости, согласно ст. 6 (см. цитируемое выше дело **Schenk**). В ряде случаев Суд также отказался признать нарушение права на справедливый суд при использовании доказательства, полученного в ходе электронного наблюдения, признанного Судом нарушением ст. 8 (**Heglas v Czech Republic (2007 г.)**). Таким образом, если внутренний суд принял решение принять доказательство обвинения, подтверждающее соответствие судебного процесса материально-правовым и процессуальным нормативам внутреннего судопроизводства, Суд, как правило, соглашается с данным решением, за исключением тех случаев, когда нарушение нормативов внутреннего судопроизводства было фундаментальным или каким-либо образом представило доказательства против обвиняемого как совершенно ненадежные, что имело место в делах о нарушении права не отвечать на вопросы.

В ряде недавних дел Суд принял решение о том, что при фундаментальных нарушениях уголовного процесса на ранних стадиях, например при получении доказательств в нарушение ст. 3 Конвенции, использование подобных доказательств в суде является нарушением права на справедливый суд, согласно ст. 6. В деле **Harutyunyan v Armenia (2007 г.)** и в деле **Gocmen v Turkey (2006 г.)** заявителям был вынесен обвинительный приговор на основании признаний, сделанных под пытками. В деле **Harutyunyan** заявителя признали виновным в убийстве армейского сослуживца на основании его признания и свидетельских показаний двух других военнослужащих. В ходе внутреннего судебного разбирательства было установлено, что заявителя вынудили сделать признание, а двоих свидетелей – дать показания. Несмотря на то, что двое свидетелей затем подтвердили свои показания в суде, и внутренний суд принял их, Суд отказался принять такие свидетельские показания, объяснив это тем, что комбинация изначального принуждения и опасения последующих репрессий, поскольку военнослужащие продолжали службу в армии, представляет подобное доказательство как ненадежное.

- В деле **Jalloh v Germany (2006 г.)** Суд постановил, что имело место нарушение ст. 6 в силу того факта, что заявитель был признан виновным в торговле наркотиками на основании доказательств, полученных в нарушение запрета на бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение. Заявителя принудили принять лекарство, под воздействием которого его вырвало пластиковым пакетом, в котором находились наркотики, и который впоследствии был использован в качестве доказательства его вины. Помимо признания того, что использование данного доказательства представляет суд несправедливым, Суд также постановил, что имело место нарушение права заявителя не оговаривать себя.

В то время, как право не отвечать на вопросы и право не оговаривать себя рассматриваются как неотъемлемая часть права на справедливый суд, согласно ст. 6(1), в ряде случаев их также рассматривают в контексте презумпции невиновности, гарантированной ст. 6(2). Обоснованием этого является тот факт, что данные права служат для защиты обвиняемого от произвола властей; в свою очередь, это содействует предотвращению судебных ошибок и выполнению общих задач ст. 6. Право не отвечать на вопросы, таким образом, предписывает обвинению доказывать свою версию против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным методами принуждения и притеснения, против воли обвиняемого.

В то же время, некоторые гражданские обязанности информирования властей являются приемлемыми с точки зрения ст. 6, поскольку являются распространенным явлением для правопорядка стран-участниц, например, обязанность идентифицировать свою личность для полиции (**Vasileva v Denmark (2003 г.)**) или требование декларировать налогооблагаемое имущество и доходы для налоговых органов (**Allen v United Kingdom (dec.)(2002 г.)**).

Суд признал, что правовая и фактическая презумпции действуют в любой правовой системе, и что Конвенция в принципе не запрещает подобные презумпции. В то же время, Конвенция предписывает странам – участницам ограничивать подобные презумпции в разумных пределах, учитывающих цену вопроса и соблюдающих право на защиту (**Salabiaku v France (1988 г.)**; **Vos v France (dec.)(2006 г.)**). Автоматическое применение правовой презумпции без тщательной оценки всех доказательств, скорее всего, станет нарушением презумпции невиновности (**Pham Hoang v France (1992 г.)**).

В большинстве случаев положения ст. 6 возлагают бремя доказывания на органы прокуратуры. Согласно предписаниям ст. 6, суд первой инстанции не должен начинаться с предвзятого мнения о том, что обвиняемый совершил приписываемое ему правонарушение, а любое сомнение в этом дает обвиняемому преимущество (см. цитируемое выше дело **Barbera, Messegue and Jabardo v Spain**). Как станет ясно из приведенного ниже анализа, бремя доказывания может быть перенесено на обвиняемого в двух особых случаях, во-первых, когда обвиняемый стремится выстроить

специальную защиту и, во-вторых, когда внутренним правом допускается некая правовая или фактическая презумпция. В данном контексте стоит отметить столь важный факт, как невозможность принятия Судом постановлений об абстрактном соответствии правовой презумпции или переноса бремени доказательства; прецедентное право Суда ограничено конкретными обстоятельствами данного дела.

- В деле **Funke v France (1993 г.)** помещения заявителя подверглись обыску сотрудников таможи. Его попросили предоставить ряд финансовых отчетов за последние три года, на что он ответил отказом. На основании отказа таможенные органы организовали вызов заявителя в полицейский участок, где ему выписали штраф и приказали предоставить требуемые документы. Заявитель утверждал, что это явилось нарушением его права на справедливый суд и на презумпцию невиновности, согласно ст. 6(1) и (2). Суд постановил, что особенности таможенного права не оправдывают подобное нарушение права любого «обвиняемого в уголовном правонарушении лица» не отвечать на вопросы и не способствовать самооговору. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1). Суд постановил, что необходимость рассмотрения этого дела с позиции ст. 6(2) отсутствует.
- В деле **Saunders v United Kingdom (1996 г.)** заявитель стал целью расследования, проводимого назначенными правительством инспекторами в связи с поглощением предприятия. В соответствии с действующими положениями внутреннего законодательства, заявитель был обязан сотрудничать с инспекторами. Отказ сотрудничать означал бы неуважение к судебному производству и грозил тюремным заключением сроком до 2 лет; аргумент, гласящий, что сотрудничество могло привести к выводам изобличающего характера, не мог быть использован. Заявитель был допрошен девять раз. Впоследствии национальные власти решили возбудить уголовное дело, в том числе, против заявителя; заявления, сделанные им под давлением, были доведены до сведения прокуратуры и затем зачитаны в открытом суде в ходе процесса. Суд постановил, что важнейшую роль в данном контексте играла не точная формулировка заявлений, а та цель, для которой добытое под давлением доказательство было использовано на суде. Суд отметил, что данные заявления в значительной степени использовались обвинением в ходе процесса. Суд отметил, что это, несомненно, наводит на мысль о том, что обвинение считало, что зачитывание протоколов подкрепляет его доводы о нечестности заявителя. Иными словами, заявления использовались в ходе судебных заседаний с целью инкриминирования заявителю преступления. Суд также постановил, что общественный интерес не следует привлекать для оправдания использования показаний, полученных под давлением в ходе несудебного расследования, в целях инкриминирования обвиняемому преступления в ходе судебного разбирательства. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).
- В деле **J.B. v Switzerland (2001 г.)** налоговыми органами был возбужден против заявителя иск о неуплате налогов – от заявителя потребовали предъявить все имеющиеся у него документы, имеющие отношение к вложению средств в ряд предприятий. Он признал, что осуществлял вложение средств, и неправильно заполнял декларацию о доходах, однако отказался предоставить запрашиваемые документы. В результате того, что он продолжал настаивать на своем отказе, на него было наложено три дисциплинарных штрафа на общую сумму 3 000 швейцарских франков. Суд постановил, что, учитывая сумму выписанных штрафов и их карательный характер, данные процессуальные действия могут быть охарактеризованы как «уголовные», с точки зрения ст. 6(1). Ситуация выглядела так, как будто власти хотели вынудить заявителя предоставить им документы, что дало бы им информацию о его доходах, то есть, об обязанности платить налог; кроме того, нельзя было исключить также, что данные документы могли стать доказательством, которое можно было бы использовать против заявителя в судебном преследовании в связи с уклонением от налогов. Штрафы, назначенные за непредоставление документов, возможно, обличающих заявителя, были нарушением права не отвечать на вопросы, а также права, препятствующего самооговору, являющихся частью права на справедливый суд, согласно ст. 6(1).

- В деле **Khan v United Kingdom (2000 г.)** полиция установила в гостинице секретное прослушивающее устройство и получила запись переговоров заявителя по поводу продажи наркотиков. На момент проведения расследования и суда в Соединенном королевстве отсутствовал закон, контролирующий использование таких устройств полицией, в результате чего Суд признал факт нарушения ст. 8 Конвенции. Суд, однако, отклонил предложение заявителя также признать нарушение ст. 6(1) на основании использования в ходе расследования незаконных методов. Вместо этого Суд изучил справедливость процесса в целом и не обнаружил нарушений ст. 6(1), сославшись на тот факт, что заявителю была предоставлена возможность оспорить подлинность записи и допуска ее к использованию в качестве доказательства. Суд пришел к схожему выводу по делу **Schenk**, когда получение полицией аудиозаписи являлось незаконным не только согласно Конвенции, но и согласно внутреннему законодательству.
- В деле **Allan v United Kingdom (2002 г.)** заявитель подозревался в том, что выстрелил в менеджера супермаркета во время ограбления. Во время проводимых полицией допросов он предпочел не отвечать на вопросы. Полиция начала вести секретную запись переговоров находившегося в тюрьме заявителя с его девушкой и другими обвиняемыми, а затем поместила заявителя в одну камеру с опытным осведомителем. Через четыре месяца совместного пребывания в заключении осведомитель составил отчет на 60 страницах о своих беседах с заявителем, который был использован в процессе против последнего, возбужденного в связи с убийством. Следуя своему решению, вынесенному по делу **Khan**, Суд постановил, что использование на суде секретных записей разговоров заявителя само по себе не является нарушением ст. 6(1). В то же время, признания, сделанные заявителем своему сокамернику-осведомителю и явившиеся основным и решающим доказательством против него, не были спонтанными и самопроизвольными – они были вызваны настойчивыми расспросами. Суд постановил приравнять это к своего рода допросу, проводившемуся осведомителем без всяких гарантий, которые были бы соблюдены в ходе официального полицейского допроса, в том числе, присутствие адвоката. Суд пришел к заключению, что сведения, полученные осведомителем против воли заявителя, и их использование на суде явилось посягательством на его право не отвечать на вопросы, в нарушение ст.6(1).

Право не отвечать на вопросы не является абсолютным во внутренних судах некоторых стран. Так, в Англии и Уэльсе право не отвечать на вопросы ограничено таким образом, что, если подозреваемый не отвечает на вопросы на допросе, но затем опирается на те факты, которые не упомянул на допросе, в собственную защиту, судья может порекомендовать присяжным сделать из такого молчания выводы не в пользу подозреваемого; подозреваемый должен быть проинформирован об ограничении его права не отвечать на вопросы, ему также должны быть разъяснены возможные последствия использования данного права. Суд согласился с тем, что учет внутренним судом молчания обвиняемого при оценке убедительности доказательств, представленных обвинением, соответствует праву не отвечать на вопросы. Так, например, факт предоставления судьей возможности для присяжных сделать из молчания обвиняемого на полицейских допросах либо на суде выводы не в его пользу не может сам по себе рассматриваться как несоответствующий требованиям справедливого суда.

В то же время, учитывая важность права не отвечать на вопросы и права не совершать самооговор, составляющих суть справедливого судебного процесса, внутреннему суду следует соблюдать особую осторожность, прежде чем применять молчание обвиняемого против него (**Beckles v United Kingdom (2002 г.)**).

- В деле **Condron v United Kingdom (2000 г.)**, Суд подчеркнул необходимость соблюдения особой осторожности в тех случаях, когда обвиняемому некоторое время было запрещено общение с адвокатом, либо когда допросы проводятся до получения обвиняемым правовой консультации, в ходе которой ему разъясняется, что ему будет инкриминировано при отказе

от комментариев. Внутренний суд должен учитывать тот факт, что обвиняемому рекомендовал не отвечать на вопросы его адвокат. Могут иметься серьезные причины, побудившие адвоката дать совет обвиняемому не отвечать на вопросы, например, недееспособность обвиняемого под воздействием наркотиков или алкоголя и пр. В целях соблюдения положений ст. 6(1), внутренний суд не должен основывать свой приговор, исключительно или в основном полагаясь на молчание обвиняемого, его отказ отвечать на вопросы или давать показания на суде.

Оценку тому, соответствовал ли вывод, сделанный не в пользу обвиняемого на основании его молчания, праву не отвечать на вопросы в любой ситуации, следует давать с учетом обстоятельств каждого дела в отдельности. Суд учитывает ситуацию, при которой могли быть сделаны заключения, важность, придаваемую им внутренним судом при оценке доказательств, а также степень принуждения, имеющего место в данной ситуации. Особое значение в данном контексте приобретают инструкции, которые судья дает присяжным относительно их возможных выводов.

- В деле **Telfner v Austria (2001 г.)** заявитель был признан виновным по делу о наезде на пешехода и побеге с места аварии. Жертва наезда смогла сообщить полиции номер и марку машины, но не могла опознать водителя. Заявитель не дал показаний на суде, и версия обвинения практически целиком была основана на полученных полицией данных о том, что заявитель был основным пользователем машины. Суд постановил, что в данном случае доказательства обвинения были крайне слабыми. Потребовав у заявителя объяснений, предварительно не разработав убедительную версию обвинения при отсутствии доказательств в пользу противоположного суд фактически перенес бремя доказывания с обвинения на защиту, что стало нарушением ст. 6(2).

В то же время, Суд не обнаружил нарушения ст. 6 в ситуации, когда заявитель, владелец автомобиля, превысивший предельно допустимую скорость, что было зафиксировано радаром, не подвергся судебному преследованию за превышение скорости, а только был оштрафован за неточное указание адреса третьего лица, которое предположительно находилось за рулем автомобиля в тот момент (**Weh v Austria (2004 г.)**). Суд также не обнаружил нарушения ст. 6 в случаях, когда была превышена скорость, и от обвиняемых требовалось идентифицировать водителя машины, находящейся в их собственности, в противном случае им грозило судебное разбирательство (**O'Halloran and Francis v United Kingdom (2007 г.)**).

- В деле **John Murray v United Kingdom (1996 г.)** Суд признал соответствующим ст. 6(1) тот факт, что судьей, рассматривавшим дело, был сделан вывод о виновности обвиняемого, исходя из того, что он не отвечал на вопросы на полицейских допросах и на суде. Доказательства, представленные против него, были серьезными, и во время ареста он был предупрежден о том, что может хранить молчание, но утаивание какого-либо факта, на котором впоследствии будет основана его защита, может быть учтено судом в пользу версии обвинения.
- В вышеупомянутом деле **Salabiaku v France** Суд должен был рассмотреть соответствие ст. 6(2) закона, который в некоторых аспектах правонарушения переносил бремя доказывания на обвиняемого. У заявителя были обнаружены наркотики в парижском аэропорту, однако правонарушение, в котором он был обвинен, заключалось не просто в обладании наркотиками, а в попытке нелегального провоза и импорта, что включает в себя элемент осознанности и намеренности действий. Во французском таможенном кодексе при описании правонарушений предусмотрено общее указание, согласно которому «лицо, обладающее контрабандным товаром, должно быть признано виновным в совершении правонарушения». Суд постановил, что ст. 6 вменяет в обязанность законодательным органам уважать права обвиняемого при формулировке определения правонарушения. Суд пришел к выводу о том, что презумпция, созданная таможенным кодексом и примененная к заявителю, не была неопровержимой, так как суды, разбиравшие дело заявителя, придерживались прецедентного права в том смысле, что после установления обвинением факта владения бремя доказывания перешло к защите, которая

должна была, по возможности, доказать, что обвиняемый стал жертвой форс-мажорных обстоятельств или по какой-либо причине вряд ли осознавал, какими вещами обладает, и в этом случае он мог быть оправдан. Суды исследовали все доказательства, включая отсутствие у заявителя удивления при обнаружении в его чемодане наркотиков, и признали его виновным без ссылки на презумпцию на основе норм статутного права. В данном случае ст. 6(2) нарушена не была.

- В вышеупомянутом деле **Beckles** заявитель был арестован, привлечен к судебной ответственности и признан виновным в совершении ограбления, неправомерном лишении свободы и попытке убийства. Заявитель сказал полиции, что жертву не толкали, а что он прыгнул сам. Затем заявитель не отвечал на вопросы по совету адвоката и был признан виновным частично в силу выводов, сделанных присяжными на основании его молчания. Суд отметил, что заявитель был готов говорить, однако полицейские посоветовали ему подождать допроса в полицейском участке, а адвокат посоветовал ему не отвечать на вопросы в ходе допроса. Суд заинтересовал тот факт, что судья не обратил внимания присяжных на эти факты. Суд также отметил, что защита заявителя не была поколеблена ни разу с момента ареста до суда; заявитель не опирался на новые факты на суде. С точки зрения Суда, эти подробности подтверждали правдоподобие объяснений заявителя и должны были, для соблюдения требования справедливости, быть упомянуты в наставлении присяжным, чтобы помочь им полнее оценить, было ли молчание заявителя обосновано искренними мотивами или, наоборот, вызвано только чувством вины и необходимостью следовать рекомендациям адвоката и не отвечать на вопросы из корыстных побуждений ради собственной выгоды. Суд также отметил, что судья предложил присяжным обдумать, имел ли заявитель «положительные» причины не отвечать на вопросы, не подчеркивая при этом, что это может быть вызвано только чувством вины. Суд пришел к заключению, что присяжным следовало напомнить все существенные обстоятельства дела и дать наставления о том, что если они удовлетворены объяснением, согласно которому молчание заявителя в полицейском участке не может быть разумным образом связано лишь с отсутствием у него ответов либо отсутствием ответов в свою защиту на допросе, то не следует делать отсюда выводов о вине заявителя. Предоставление присяжным свободы по данному вопросу не было ограничено тем способом, который бы соответствовал имеющемуся у заявителя праву не отвечать на вопросы в полицейском участке. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).

Из данных дел можно сделать вывод о том, что ст. 6 предписывает обвинению доказывать, что обвиняемый совершил преступление, при отсутствии доказательств в пользу противного а также о том, что суд может делать выводы о вине подозреваемого на основании непредоставления им объяснений лишь в тех случаях, когда данный вывод основан исключительно на здравом смысле.

Суд также подчеркнул, что в случае с уголовными процессами враждебно настроенная пресса может неблагоприятно сказаться на справедливости судебного разбирательства путем влияния на общественное мнение и, соответственно, на суд, призванный вынести решение о виновности обвиняемого. В то же время, Суд обратил внимание на то, что освещение текущего процесса прессой является проявлением свободы самовыражения, гарантированной ст. 10 Конвенции. При враждебном настрое прессы к судебному процессу решающую роль играют не субъективные и вполне понятные опасения подозреваемого относительно непредвзятости суда первой инстанции, являющейся обязательной, а то, можно ли в данных конкретных обстоятельствах считать данные опасения объективно оправданными. В то же время, на настоящий момент Судом не установлено ни одного случая общего несоблюдения «справедливости», согласно ст. 6(1), вызванного лишь повышенным вниманием к уголовному делу средств массовой информации, даже в тех ситуациях, когда компания, организованная в прессе, сопровождалась заявлениями высокопоставленных государственных чиновников, впоследствии признанными Судом нарушением презумпции невиновности заявителя, согласно 6(2) (см. вышеупомянутое дело **Butkevicius v Lithuania (dec.)**, и решение по нему, 2002 г.). Основное внимание Суда при формировании мнения о том, удалось ли внутреннему суду противостоять неадекватному натиску прессы и остаться беспристрастным,

сосредоточено на том, являлись ли судьи, выносившие вердикт по реальным обстоятельствам дела, профессионалами (обладающими юридическим образованием) или гражданскими присяжными заседателями, поскольку шанс отступить под давлением общественного мнения и составить предвзятое мнение об обвиняемом у последних гораздо выше. 6(1).

В нескольких исключительных случаях Суд также занимался изучением вопроса о том, может ли ст. 6 наложить на государство обязательство не депортировать или не экстрадировать человека в ту страну, где ему «вопиющим образом будет отказано в справедливом суде» по уголовному делу. В одном из недавних дел такого рода, **Mamatkulov and Askarov v Turkey (2005 г.)**, Суд не установил факта нарушения ст. 6 в ситуации, когда после экстрадиции из Турции в Узбекистан по обвинению в терроризме вина заявителей была в конечном итоге доказана в ходе закрытого процесса, без доступа к правовой защите. Не обнаружив ошибки в решении турецких властей об экстрадиции, Суд отметил, что на момент экстрадиции отсутствовали веские доказательства, позволявшие предугадать, что ожидает заявителей в Узбекистане. Аналогичным образом, Суд не обнаружил нарушений в деле об экстрадиции в США человека, обвиняемого в терроризме. Суд учел полученные властями Германии заверения о том, что заявитель не будет содержаться под стражей в таком месте, где может пробыть неопределенный срок без доступа к адвокату и надлежащей правовой процедуры (**Al-Moayad v Germany (dec.) (2007 г.)**).

В общем и целом, при оценке «справедливости» уголовного процесса, согласно ст. 6(1), важным является не соблюдение местными властями официальных правил внутреннего судопроизводства относительно сбора и обработки доказательств, а отсутствие подтверждений того, что использование данных доказательств для признания человека виновным нарушило автономные принципы «справедливости», согласно ст. 6, – состязательный процесс и равноправие сторон – а также отсутствие провоцирования на совершение уголовного правонарушения и излишнее давление в целях отказа от права не отвечать на вопросы.

Вопросы:

1. Запрещено ли провоцирование на совершение уголовного правонарушения внутренним законодательством? Если да, существуют ли во внутренней юридической практике специальные тесты, помогающие установить провоцирование на совершение уголовного правонарушения?
2. До какой степени право не отвечать на вопросы защищено внутренним законодательством?
3. Существует ли во внутреннем законодательстве ограниченное право не отвечать на вопросы? Если да, какие гарантии обеспечивают обвиняемому справедливый суд?

3.3.5 Мотивированное судебное решение

Право на справедливое слушание включает в себя вынесение судом мотивированных решений. Данное право опирается на более общий, включенный в Конвенцию принцип, защищающий индивида от произвола. Данное право не предписывает внутренним властям давать подробный ответ на каждый приводимый сторонами аргумент. В то же время, ответ суда должен быть достаточно подробным для ответа на основной элемент фактического или правового притязания лица.

- В деле **Ruiz Torija v Spain (1994 г.)** в ходе гражданского разбирательства прекращения договора аренды суд первой инстанции принял решение в пользу заявителя. Арендодатель подал апелляцию; апелляционный суд оставил без внимания аргумент заявителя о том, что заявление арендодателя погашено сроком исковой давности, и принял решение в пользу арендодателя. Суд отметил, что вопрос о том, был ли иск погашен сроком давности, относился к совершенно иной категории права, чем основания для прекращения договора аренды, и поэтому требовал отдельного и четкого ответа. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).

- В деле **Hiro Balani v Spain (1994 г.)** у заявительницы был спор с иностранной компанией по поводу торговой марки. Заявительница, среди прочего утверждала, что ее торговые марки «имеют историю» и имеют преимущество перед торговыми марками иностранной компании. Суд первой инстанции принял решение в пользу заявительницы, учитывая лишь первый аргумент о том, что торговая марка заявительницы «имеет историю». Апелляционный суд отменил данное постановление и принял решение в пользу компании, не учитывая аргумент заявительницы о преимуществе. Суд посчитал, что отсутствие ответа от испанского суда делало невозможным выяснение того, игнорировал ли апелляционный суд ходатайство заявительницы или намеревался отклонить его и, если это так, то какими соображениями апелляционный суд руководствовался. Таким образом, в данной связи была нарушена ст. 6(1).
- В вышеупомянутом деле **H. v Belgium** заявитель был исключен из списка коллегии адвокатов. Соответствующие правила давали лицу право просить о повторном принятии по прошествии 10 лет при том условии, что он может доказать распространение на него «исключительных обстоятельств». Заявитель подал прошение о повторном приеме в коллегия адвокатов, но получил отказ. Решение внутреннего суда просто включало в себя замечание о том, что заявитель не смог указать на «исключительные обстоятельства», без подробного разъяснения данного комментария. Суд отметил, что недостаточная четкость правил привела к тому, что заявителю было крайне сложно предоставить доказательства «исключительных обстоятельств», возможно, имеющих в его случае. В национальном прецедентном праве не имелось мотивированных судебных решений на этот счет. Признав нарушение ст. 6, Суд сделал вывод о том, что недостаточная четкость делала предоставление заявителю существенных причин для отказа в повторном приеме в коллегия адвокатов тем более необходимым.
- В деле **Hirvisaari v Finland (2001 г.)** в контексте судебного разбирательства о праве на пенсию по нетрудоспособности заявление заявителя было частично принято со ссылкой на соответствующие положения законодательства, в которых были указаны общие условия предоставления работнику права на пенсию. Во второй части обоснования решения внутреннего суда вкратце упоминалось ухудшение состояния здоровья заявителя, которое, однако, было признано недостаточно серьезным для назначения ему пенсии. Суд отметил, что хотя сама по себе краткость обоснования не обязательно шла в разрез со ст. 6, с учетом обстоятельств данного дела судебное решение не соответствовало требованиям справедливого суда. Принимая во внимание тот факт, что ранее заявителю назначалась пенсия в связи с полной инвалидностью, ссылка на ухудшающееся состояние его здоровья при принятии решения о назначении пенсии лишь по частичной нетрудоспособности, скорее всего, вызвала у заявителя определенное замешательство. При данных условиях обоснование судебного решения нельзя назвать адекватным. Недостаточность обоснования решения не была исправлена и на стадии апелляции, когда данное обоснование просто было одобрено. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1).

В целом ряде недавних решений Суд обнаружил нарушение ст. 6 в силу того, что внутренними судами были оставлены без внимания существенные элементы рассматриваемых ими дел. Так, в деле **Kuznetsov and Others v Russia (2007 г.)** Суд критически отозвался о решении внутреннего суда, который признал тот факт, что органы милиции прошли в зал, где проводилось религиозное собрание Свидетелей Иеговы, после чего собрание не могло быть продолжено, однако не смог дать объяснений признанию того, что между действиями милиции и прекращением собрания отсутствовала причинно-следственная связь. В деле **Tatishvili v Russia (2007 г.)** внутренний суд не дал ответа на аргумент заявительницы о том, что она не является гражданкой Грузии, и ей не требуется виза, а просто подтвердил ее претензии без ссылки на действующие законы. В деле **Boldea v Romania (2007 г.)** Суд признал нарушение ст. 6 в судебном разбирательстве по обвинению заявителя в клевете на коллегу в связи с плагиатом. Внутренний суд назначил заявителю штраф, заявив, что он действовал недобросовестно, не проанализировав представленные в качестве доказательства тексты и не учитывая закон об авторских и вытекающих из них правах.

- Также в контексте гражданского судебного процесса в деле **Garcia Ruiz v Spain (1999 г.)** судья первой инстанции учел при вынесении решения отрицание ответчиком фактов, на которых настаивал заявитель в своей претензии на оплату определенных услуг. Судья посчитал, что показания свидетеля, вызванного заявителем, не были неопровержимыми, и постановил, что заявитель не смог доказать факт оказания услуг, на оплату которых притязал (см. пар. 13 выше). Заявитель подал апелляцию. Апелляционный суд постановил, что принимает утверждения фактов, представленных в постановлении суда первой инстанции, тем самым постановляя, что заявитель не смог обосновать свою претензию. Апелляционный суд также одобрил правовое обоснование оспариваемого решения. Решение по делу было затем поддержано Конституционным Судом со ссылкой на выводы низших инстанций. Суд отметил, что заявитель имел преимущество состязательного процесса. Фактические и правовые причины решения суда первой инстанции об отклонении заявления заявителя были представлены со всеми подробностями. Суд не признал недостатком судебного процесса тот факт, что суды высшей инстанции просто одобрили решение суда первой инстанции без дополнительных обоснований. Ст. 6(1) нарушена не была.

В то время как, согласно установленным нормам, внутренний суд должен указывать причину или ряд причин, которые призваны дать четкие ответы на существенные аргументы сторон, заявитель не имеет права высказывать претензии по поводу несоответствия данного ответа требованиям внутреннего материального либо процессуального права. В ст. 6(1) также не указывается, что данные причины должны всегда быть представлены в письменном виде и к определенному сроку – например, для суда первой инстанции совершенно приемлемо оглашение причин своего решения через некоторое время после принятия, если это не отрицает право заявителя на эффективную реализацию права на подачу апелляции (см. судебное решение по делу **Hadjianastassiou** и цитируемое выше решение по делу **Jodko**, см. также гл. 3.1.1.). Таким образом, если суд дает ответ на основные аргументы сторон, положения ст. 6(1), как правило, считаются соблюденными, даже если судебное решение конкретно не рассматривает вопрос, который заявитель считает существенным. В любом случае, неспособность суда первой инстанции указать веские причины может быть исправлена на стадии апелляции. Наконец, ст. 6(1) не запрещает апелляционному и кассационному судам одобрять решение суда первой инстанции без приведения дополнительных аргументов в поддержку своего решения, при условии что решение суда низшей инстанции само по себе аргументировано.

Вопросы:

1. При каких обстоятельствах внутреннее законодательство допускает исключения из права на публичное слушание?
2. Существуют ли во внутреннем законодательстве нормы, касающиеся права на публичное оглашение судебного решения?

3.4 Судебный процесс в разумные сроки

Право на судебный процесс в разумные сроки распространяется как на гражданские, так и на уголовные судебные процессы.³ Целью данного положения является защита гражданских тяжущихся лиц и лиц, обвиняемых в совершении уголовного правонарушения, от чрезмерных задержек судебного разбирательства, а также указание на важность «отправления правосудия без задержек, которые подвергают риску его эффективность и доверие к нему» (**H. v France (1989 г.)**). Вопрос о том, какой срок считается «разумным», решается в каждом отдельном случае с учетом обстоятельств. Оценивая разумность срока, Суд учитывает три аспекта, а именно: сложность дела, поведение заявителя и поведение органов государственной власти. Суд изучает три данных аспекта

³ Существует дополнительная гарантия для лиц, помещенных под стражу в ожидании решения по уголовному делу, представленная в ст. 5(3); См. INTERIGHTS, Право на свободу и личную неприкосновенность в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 5).

по отдельности и выносит решение о том, имели ли место чрезмерные задержки на отдельных стадиях или в целом.

В связи со сроками, считающимися «разумными», прецедентное право дает лишь самые общие рекомендации, поскольку каждый случай зависит от специфики обстоятельств, а именно упомянутых выше факторов. Срок также зависит от характера судебного разбирательства и количества участвующих в нем инстанций. Некоторые рассматривавшиеся Судом сроки исчислялись множеством лет. Факты нарушения были установлены в случаях, когда, например, процесс об отзыве права на управление медицинской клиникой и права на осуществление медицинской практики длился одиннадцать и семь лет соответственно (см. цитируемое выше дело **König**), когда уголовный процесс длился почти десять лет в одной инстанции (**Milasi v Italy (1987 г.)**) и тринадцать лет с учетом рассмотрения апелляции (**Baggetta v Italy (1987 г.)**), или когда гражданский судебный процесс занял десять лет (**Capuano v Italy (1987 г.)**). В подобных случаях практически очевидно превышение разумных сроков. В деле **Capuano**, например, Суд посчитал излишним детальное рассмотрение апелляционного процесса, занявшего четыре года, признав, что столь длительный временной промежуток, который был чрезмерен сам по себе, следовал за задержкой, допущенной еще на более раннем этапе судебного разбирательства. Более пристальное изучение необходимо при более непродолжительных сроках, когда при определении того, являлась ли, согласно ст.6(1), продолжительность судебного разбирательства чрезмерной, первостепенное значение приобретают критерии, упоминающиеся в следующих ниже главах.

Суд созывается для рассмотрения исков о чрезмерной продолжительности судебного процесса чаще, чем по какому-либо иному делу в рамках Конвенции. В деле **Bottazzi v Italy (1999 г.)** Суд даже отметил, что частота, с которой Италия признается виновной по факту нарушения данного положения, отражает затянувшуюся ситуацию, решение которой не найдено до сих пор и которая заключается в систематическом нарушении прав человека, идущем вразрез с Конвенцией. В деле **Kudla v Poland (2000 г.)** Суд пошел дальше, сформулировав принцип, согласно которому внутренний суд обязан гарантировать введение отдельной судебной процедуры, которая станет эффективным средством правовой защиты при подаче жалобы на затянувшееся разбирательство дела, а невозможность внутреннего законодательства обеспечить подобное средство правовой защиты будет приравниваться к нарушению ст. 13.

В тех случаях, когда страной были введены внутренние судебные процедуры, соответствующие заключению Суда по делу **Kudla**, согласно ст. 13, Суд настоял на том, чтобы возмещение ущерба в связи с нарушением права на справедливый судебный процесс в разумные сроки должно быть аналогично осуществляемому самим Судом возмещению ущерба в подобных случаях. Так, в деле **Cocchiarella v Italy (2006 г.)** и еще девяти итальянских делах заявители предъявили претензию на смехотворную, по их словам, сумму компенсации в связи с чрезмерной продолжительностью судебных разбирательств. Все заявители подали в итальянские суды иск о возмещении ущерба, согласно закону Пинто, в связи с излишней продолжительностью гражданского судебного процесса, сторонами которого они являлись. Во всех случаях итальянские суды признали, что продолжительность судебного разбирательства превзошла все разумные пределы, и присудили выплату компенсаций размером от 1000 до 5000 Евро. Признав факт нарушения ст. 6, Суд отметил, что в данных девяти делах сумма присужденных компенсаций составляла от 8% до 27% от той, которую обычно присуждают в Италии по схожим делам. Суд применил тот же подход и к делу, поступившему из Хорватии, обнаружив факт нарушения в том, что компенсация, выплату которой присудил Конституционный Суд в связи с чрезмерной продолжительностью процесса, была гораздо меньше той, которую присуждает по аналогичным делам Европейский суд (**Tomasic v Croatia (2006 г.)**).

3.4.1 Случаи, требующие особой осмотрительности

Некоторые виды судебных разбирательств требуется проводить с большей скоростью, чем другие. Например, уголовные процессы, с учетом того, чем рискует обвиняемый, требуется проводить с особой быстротой. То же самое распространяется на судебные дела об опеке, когда задержка процесса по времени может повлиять на рассмотрение основного вопроса, где должны максимально соблюдаться интересы ребенка. Суд также принял строгое толкование того, что можно считать разумным сроком в других разновидностях дел, когда по той или иной причине скорость играет ключевую роль.

- В деле **H. v United Kingdom (1987 г.)** речь шла о предложении усыновить ребенка заявительницы. Суд отметил, что дело было довольно сложным в свете того, что в нем участвовало несколько сторон, а именно: заявительница, ее муж и будущие усыновители. Учитывая все существенные факторы, Суд постановил, что дела, связанные с опекой над детьми, требуют особой осмотрительности, поскольку всегда есть риск того, что любая процессуальная проволочка может привести к прекращению дела де-факто и будет обладать определенными признаками необратимости.
- В деле **X. v France (1992 г.)** заявитель был болен гемофилией и скончался за месяц до вынесения Судом решения. Ему было сделано несколько переливаний крови, и с зараженной кровью занесена ВИЧ инфекция. X. подал иск, требуя компенсации у национальных властей. К моменту рассмотрения дела Судом процесс длился уже более двух лет. Суд постановил, что, несмотря на то, что федеральные власти не создавали необоснованных задержек, они должны были действовать с исключительной осмотрительностью, поскольку предполагаемая продолжительность жизни заявителя была значительно сокращена в связи с его заболеванием. Суд отметил, что органами государственной власти не было использовано все их влияние для ускорения судебной процедуры, и признал факт нарушения ст. 6(1).
- В деле **Martins Moreira v Portugal (1988 г.)** заявитель серьезно пострадал в результате автокатастрофы. Он подал в суд на человека, ответственного за дорожную аварию. Суд постановил, что в ходе судебных процессов о компенсации ущерба жертвам автокатастроф следует соблюдать особую осмотрительность. Суд признал факт нарушения ввиду ряда необоснованных задержек по вине властей (см. также гл. 3.4.4. ниже).

3.4.2 Учитываемый период времени

В гражданских судебных процессах период времени, учитываемый для определения длительности процесса, обычно начинается с даты начала судебного разбирательства об определении спора о гражданских правах и обязанностях, каковой, например, является дата подачи гражданского иска заявителем. В то же время, в ряде случаев отсчет времени начинается до издания судом приказа о начале судебного процесса (см. цитируемое выше дело **Golder**).

- В вышеупомянутом деле **König**, касающемся отзыва лицензии на осуществление медицинской практики, заявителю было запрещено законом обращаться в компетентный суд в ожидании результатов предварительного рассмотрения дела в административном органе власти. Суд постановил, что при определении обоснованности сроков рассмотрения дела отсчет времени следует начинать с даты подачи заявителем протеста против отзыва у него лицензии, а не с более поздней даты, когда ему, наконец, разрешили подать иск в суд.

В уголовных судебных процессах отсчет времени начинается с момента «предъявления обвинения». Понятие «предъявление обвинения», с точки зрения ст. 6(1), также не означает момент предъявления официального обвинения на внутреннем уголовном процессе. Отсчет, скорее, начинается

в день ареста, в день, когда данному лицу сообщили, что оно будет преследоваться в уголовном порядке, или в день, когда началось предварительное следствие, по которому данное лицо проходило в качестве подозреваемого. Иными словами, понятие «предъявление обвинения» означает официальное уведомление компетентных органов власти о том, что, согласно утверждениям, человек мог совершить уголовное правонарушение. Суд также определяет понятие «предъявление обвинения» как «иные действия, подразумевающие подобные утверждения и оказывающие значительное воздействие на положение подозреваемого» (**Eckle v Germany (1982 г.)**).

Отсчет времени в гражданском и уголовном процессе идет вплоть до даты окончательного определения рассматривавшегося вопроса. Обычно это день завершения процедуры апелляции либо разбирательства в Конституционном Суде, если на них распространяется действие ст. 6(1), т.е. когда данные процедуры пересмотра могут напрямую повлиять на исход дела (**Buchholz v Germany (1981 г.)**, см. также гл. 2.4. выше).

3.4.3 Сложность дела

«Сложность» дела в первую очередь касается различных фактических обстоятельств, требующих рассмотрения, например: большое количество пунктов обвинения, требующих рассмотрения в ходе уголовного процесса, вкуче с различными предполагаемыми правонарушениями (**Vaivada v Lithuania (dec.) (2005 г.)**). В то же время, дело может быть оценено как сложное в силу юридической сложности судопроизводства, например, в связи с необходимостью применения внутренним судом недавно вышедшего закона (см. цитируемое выше дело **Pretto**). В тех случаях, когда оспариваемый судебный процесс был признан сложным, Суд, как правило, выделяет органам власти больший срок на его завершение.

В вышеупомянутом деле **Ringeisen** Суд постановил, что пять лет и два месяца не были чрезмерным сроком при разбирательстве сложного дела о мошенничестве. В цитируемом выше деле **Pretto** Суд рассматривал срок разбирательства гражданского дела, составлявший порядка трех с половиной лет, из которых около двух лет прошло до того момента, когда в Италии вступило в силу право на подачу индивидуального ходатайства. Суд постановил, что, несмотря на то, что по вине властей имело место несколько беспричинных задержек, они не были достаточно серьезными для признания нарушения ст. 6(1).

В отличие от этого, Судом были признаны факты нарушения ст. 6(1) по целому ряду не признанных сложными дел с аналогичными и более короткими сроками рассмотрения. В деле **Zimmermann and Steiner v Switzerland (1983 г.)** достаточно непродолжительный срок, три с половиной года, был признан чрезмерным для рассмотрения в одной инстанции апелляции по административно-правовому вопросу, так как не было предпринято должных мер для рассмотрения нескольких неразрешенных дел (см. также гл. 3.4.4. ниже). Три года и десять месяцев для рассмотрения гражданского иска в первой инстанции были признаны чрезмерными, поскольку имело место два периода практического бездействия властей, в общей сложности составивших порядка двух лет (**Guincho v Portugal (1984 г.)**). В деле об усыновлении и допуске родителя к общению с ребенком два года и семь месяцев, включая процедуру апелляции, были признаны чрезмерным сроком, поскольку по вине муниципальных властей имела место восьмимесячная задержка с предоставлением доказательств (см. цитируемое выше дело **H. v United Kingdom**).

3.4.4 Поведение сторон

Не все задержки следует приписывать органам государственной власти. В некоторых ситуациях тяжущиеся либо обвиняемые сами становятся виновниками задержек намеренно либо по халатности. Заявители могут стать виновниками задержек намеренно либо в результате того, что стремятся максимально воспользоваться всеми существующими правовыми средствами. В тех случаях, когда

задержки происходят по вине тяжущихся или обвиняемых, при подсчете разумности срока судебного процесса, с точки зрения ст. 6(1), они не учитываются. Таким образом, только те задержки, которые могут быть приписаны государству, имеют значение, с точки зрения ст. 6 (см. цитируемое выше дело **H. v United Kingdom**). Если орган государственной власти является стороной судебного процесса, задержки с его стороны (например) при предоставлении доказательств будут отнесены на счет государства, которое будет нести за них ответственность, согласно ст. 6 (см. цитируемое выше дело **Baraona**). В тех случаях, когда частная сторона стала причиной задержки, государство не несет ответственности напрямую, однако могут возникнуть вопросы о том, были ли приняты судом соответствующие меры по ускорению разбирательства, и не раздвинул ли (например) суд временные рамки до чрезмерных пределов и без серьезных причин, тем самым способствуя превышению разумных сроков разбирательства. Тот факт, что стороны гражданского дела несут ответственность за отправление судебных процедур, не освобождает судебную власть от обязанности обеспечить быстрое рассмотрение иска (см. цитируемое выше дело **Guincho**).

Таким образом, органы государственной власти несут ответственность за задержки, например, приостановку дела, когда в результате отсрочек судебная процедура затягивается без должной необходимости. В тех случаях, когда отсрочки необходимы, они должны назначаться так, чтобы свести задержку к минимуму. Так, согласно ст. 6(1), в принципе, приемлема приостановка судебного разбирательства в ожидании исхода связанных с ним судебных процедур либо прецедентного дела (**Zand v Austria (1978 г.)**). Как правило, допускается временное снятие с обвиняемого некоторых обвинений, если идет судебный процесс в связи с более серьезными обвинениями, либо приостановка дела в ожидании определения в Конституционном Суде конституционности определенного закона.

- Примером различных видов задержек по вине властей может послужить решение по вышеупомянутому делу **Martins Moreira**, когда Суд приписал различные задержки внутренним судам, в том числе трехмесячную задержку между заслушиванием версии заявителя и вынесением предварительного решения и четырехмесячную задержку с удовлетворением запроса заявителя относительно медицинского заключения. В числе других задержек были восемь месяцев между подачей заявителем апелляции и датой передачи дела в канцелярию апелляционного суда. Суд отметил, что внутренние суды были перегружены делами, что являлось частью структурной проблемы. В то же время, Суд также отметил, что для решения данных проблем ничего сделано не было. Другие задержки были вызваны получением медицинских отчетов; для проведения трех медицинских обследований потребовалось два года. Суд постановил, что, поскольку медицинские учреждения являются государственными институтами, и не могли действовать быстрее в силу нехватки ресурсов, ответственность за данную задержку также ложится на органы государственной власти. В любом случае суды несли общую ответственность за обеспечение скорости судопроизводства на всех стадиях. Суд признал, что не было соблюдено право на справедливый судебный процесс в разумные сроки, в нарушение ст. 6(1).
- В вышеупомянутом деле **Zimmermann and Steiner** на рассмотрение апелляции заявителей у апелляционного суда ушло три с половиной года. Суд отметил, что за данный период у апелляционного суда имелись задолженности по рассмотрению дел. Национальные власти посчитали это временной проблемой и приняли ряд мер по ее устранению. Однако, несмотря на то, что апелляционный суд признал существование структурной проблемы и был готов предпринять действия по исправлению ситуации, меры, принятые законодательной властью, а именно, голосование за увеличение количества судей с 28 до 30, и количества регистраторов и секретарей с 24 до 28, были недостаточными для удовлетворения существующих потребностей. Суд отметил, что число дел продолжало увеличиваться, и объем тяжб продолжал расти. Срок в три с половиной года для рассмотрения дела на уровне апелляции был признан Судом чрезмерным. Соответственно, имело место нарушение ст. 6(1).

Суд, таким образом, признал, что национальные суды периодически накапливают задолженности по рассмотрению дел. Суд придерживается мнения, что временная задолженность не относится к сфере ответственности государства при том условии, что принимаются меры по устранению проблемы. К данным мерам может относиться отбор дел по принципу срочности и важности и, в особенности, по принципу цены вопроса для тех лиц, чьи интересы затронуты. В то же время, если сроки задержек увеличиваются, что является свидетельством структурных проблем, в связи с ситуацией необходимо принять более жесткие меры – такого рода задержки будут считаться Судом необоснованными (см. цитируемое выше дело **Zimmermann and Steiner**). Обоснованием этому служит вменяемое странам-участницам Конвенции обязательство выстраивать свои правовые системы в соответствии со ст. 6(1) (Данный вопрос иллюстрирует длительная серия проходивших в Италии судебных процессов. См., например, **Salesi v Italy (1993 г.)**).

В другом деле Суд признал приемлемой ситуацию, когда до объявления решения суда первой инстанции по достаточно сложному делу о мошенничестве прошло в два с половиной года, однако установил факт нарушения ст. 6 на основании того, что судье, рассматривавшему дело, потребовалось тридцать три месяца для вынесения окончательного решения, без которого не могла быть подана апелляция (**B. v Austria (1990 г.)**).

Вопросы:

1. Гарантирует ли внутреннее законодательство эффективные средства правовой защиты в случае затяжного судебного процесса?
2. Принимаются ли внутренними властями эффективные, учитывающие потребности меры для снижения количества накопленных дел, ожидающих рассмотрения в судах?

4 ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ – СТАТЬЯ 6(2)

Положение ст. 6(2) гласит, что «любое лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, должно считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом». Таким образом, данная статья предусматривает презумпцию невиновности подозреваемого в ходе уголовного судебного процесса. Данное положение распространяется только на те случаи, когда человеку «предъявлено обвинение в совершении уголовного правонарушения». Право на презумпцию невиновности регулирует уголовные разбирательства в целом, независимо от исхода судебного преследования, однако не сводится к изучению фактических обстоятельств обвинения (**Minelli v Switzerland (1983 г.)**). Кроме того, принцип презумпции невиновности может распространяться на некоторые виды гражданских дел, например, профессиональные дисциплинарные разбирательства (**Agosi v United Kingdom (1986 г.)**), гражданские дела о возмещении ущерба в связи с вынесением оправдательного приговора (**Lutz v Germany (1987 г.)**), а также приостановку процесса в том случае, когда уголовное дело погашено сроком давности, однако обвиняемый должен возместить расходы (см. цитируемое выше дело **Minelli**). Ст. 6(2) также вступает в силу в случаях, когда судебный процесс о возмещении ущерба является следствием и сопровождающим фактором уголовного разбирательства (**Ringvold v Norway (2003 г.)**).

По мере возникновения вопроса о соблюдении презумпции невиновности в случае переноса бремени доказывания либо вынесения обвинительного приговора на основе того, что подозреваемый отказывается отвечать на вопросы, Суд рассматривает подобные дела согласно общему понятию справедливости судебного процесса, согласно ст. 6(1), как было указано выше (см. гл. 3.3.4). В то же время, дела о конфискации имущества, полученного в ходе уголовных преступлений, были отнесены Судом к сфере действия ст. 6 (2). В ряде случаев Суд рассматривал процедуру конфискации, следовавшую за вынесением обвинительного приговора, как часть процедуры назначения наказания, то есть выходящую за пределы действия ст. 6(2) (**Phillips v United Kingdom (2001 г.)**, и **Van Offeren v Netherlands (dec.)(2005 г.)**). В данных случаях Суд опирался на тот факт, что заявители были признаны виновными, что они по-прежнему проходили как подозреваемые по дополнительному обвинению в преступлении, связанном с наркотиками, и что предположения о том, что имущество было приобретено незаконным путем, имели под собой все основания, а заявители не могли предоставить иных удовлетворительных объяснений. В то же время, в деле **Geerings v Netherlands (2007 г.)** Суд признал факт нарушения ст. 6 (2) на основании конфискации имущества, произошедшего в результате уголовного процесса. Заявители были признаны виновными по факту многочисленных мелких краж, квартирных краж, попыток совершения квартирных краж, налаженного сбыта краденного и участия в криминальной группировке. Впоследствии судебное постановление было отменено на стадии апелляции, а заявитель был оправдан по всем пунктам обвинения, кроме одной мелкой кражи, однако апелляционный суд, все же, выдал ордер на конфискацию, указав на наличие серьезных признаков того, что заявитель совершил данные преступления. Суд пришел к выводу о нарушении презумпции невиновности, так как после оглашения окончательного оправдательного вердикта недопустимо даже простое озвучивание сомнений в невиновности обвиняемого.

При подаче отдельного иска со ссылкой на ст. 6(2) Суд обращает основное внимание не на все судебное дело в целом (как это делается в контексте иска со ссылкой на ст. 6(1) Конвенции) с целью изучения воздействия определенных процессуальных действий на вынесение заявителю приговора, а на конкретное утверждение или утверждения официальных представителей власти в связи с виной заявителя. Дело заключается в определении того, достаточно ли контекста, формулировки или смысла какого-либо утверждения как такового, чтобы приравнять его к преждевременному признанию вины в нарушение ст. 6(2).

- Обязанность соблюдения презумпции невиновности возлагается Конвенцией не только на судей и суд, но и на всех должностных лиц. В деле **Allenet de Ribemont v France (1995 г.)** был

убит член парламента, и заявитель принадлежал к числу арестованных по подозрению в убийстве. Вскоре после его ареста состоялась трансляция пресс-конференции при участии министра внутренних дел и двух старших офицеров полиции. В ходе пресс-конференции было задано несколько вопросов, отвечая на которые данные должностные лица заявили, что все участники убийства арестованы, а заявитель является одним из идейных вдохновителей убийства. Суд постановил, что ст. 6(2) не стоит интерпретировать как запрещающую властям информировать общественность о текущих уголовных процессах. В то же время, она предписывает властям соблюдать при этом тактичность и осторожность в целях гарантии презумпции невиновности. Суд постановил, что заявления некоторых высокопоставленных полицейских чиновников о том, что заявитель является одним из вдохновителей преступления, были сделаны без каких-либо ограничений и оговорок. Это приравнивалось к отчетливому провозглашению вины, что укрепило общественность в убеждении в вине заявителя и предопределило оценку фактов компетентным судом. Это стало нарушением презумпции невиновности, составляющей предмет ст. 6(2). Аналогичным образом Суд признал нарушением ст. 6(2) недвусмысленное провозглашение вины судьей, парламентариями и прокурорами во время интервью прессе о данном уголовном деле (см. цитируемые выше решения по делу **Lavents** и делу **Butkevicius**).

- В деле **Daktaras v Lithuania (2000 г.)** заявитель был помещен под стражу и обвинен в ряде правонарушений. Его адвокат направил прокурору запрос о прекращении уголовного процесса ввиду недостатка улик. Адвокат утверждал, что доказательства, содержащиеся в материалах дела, не могут «доказать» вину его клиента. Прокурор дал ответ в письменной форме, где отклонял прошение и заявлял, что «вина заявителя доказана» на основании доказательств, собранных в ходе досудебного расследования. Суд повторил, что прокурору следует тщательно подбирать слова применительно к лицу, дело которого еще не рассмотрено, а вина в совершении правонарушения не доказана, в особенности при наличии правовой системы, согласно которой прокурор выполняет квазисудебную функцию, вынося постановление по запросу заявителя об отмене обвинений на стадии досудебного расследования, над которым он осуществлял полный процессуальный контроль. В то же время, Суд отметил, что данное заявление не было сделано независимо и в присутствии публики, например, на пресс-конференции, а являлось частью обоснованного решения, принятого на предварительной стадии уголовного процесса. Кроме того, выбор прокурором слов явился откликом утверждения адвоката защиты о том, что улики не могут «доказать вину» его клиента. Суд признал данный выбор слов («вина» и «доказана») «неудачным», однако этого было недостаточно для его приравнивания к нарушению ст. 6(2), поскольку, используя данные слова, обе стороны вели спор о том, имеется ли достаточно улик для передачи уголовного дела заявителя на рассмотрение в суд, а не о том, доказана ли вина заявителя законом. В данном случае Суд подчеркнул, что при определении соответствия определенного утверждения ст. 6(2) следует учитывать его контекст и значение, а не только формулировку.
- В деле **Bohmer v Germany (2002 г.)** заявитель был приговорен к двум годам лишения свободы, приведение приговора в исполнение было приостановлено на испытательный срок. Позже в контексте недавно возбужденных уголовных дел, ожидавших решения в связи с другими приписываемыми заявителю правонарушениями, другой суд отменил приостановку изначального приговора на основании того, что заявитель совершал новые преступления в нарушение своего испытательного срока. Суд постановил, что, отменив приостановку исполнения приговора, суд недвусмысленно заявил, что заявитель был виновен в совершении преступлений, уголовные процессы по которым еще ожидали своего решения. Суд подчеркнул, что презумпция невиновности исключает признание вины в совершении правонарушения, не относящегося к уголовному разбирательству судом, уполномоченным установить факт совершения данного конкретного правонарушения. Имело место нарушение ст. 6(2).

Важно отметить, что даже если на ранней стадии уголовного процесса делаются заявления, нарушающие презумпцию невиновности, эту ошибку могут исправить внутренние органы власти, так что последующее рассмотрение дела будет приемлемым с точки зрения ст. 6.

- Так, в деле **Arrigo and Vella v Malta (dec.) (2005 г.)** премьер-министр сделал недвусмысленные заявления о вине заявителей в ходе пресс-конференции в тот день, когда заявителям было предъявлено обвинение. По требованию заявителей, Конституционный Суд признал нарушение принципа презумпции невиновности. Кроме того, Конституционный Суд издал указ о доведении его решения до сведения суда, созванного для рассмотрения выдвинутого против заявителей обвинения в совершении уголовных правонарушений, ожидавшего решения. Данная мера была нацелена на исправление установленных нарушений и обеспечение добросовестного применения всех гарантий внутреннего уголовного права. С точки зрения Суда, Конституционный Суд Мальты внес ясность в то, что вина или невиновность заявителей должны быть установлены судом первой инстанции строго на основании улик, представленных в ходе рассмотрения дела, и что заявления премьер-министра не должны оказывать влияние на исход уголовных дел. Суд пришел к выводу о том, что заявители утратили статус «жертв» нарушения закона, согласно ст. 34 Конвенции.

В целом ряде случаев судом делались заявления после приостановки уголовного процесса, когда обвиняемые хотели получить возмещение расходов. Пристально изучив формулировку и смысл данных заявлений, Суд пришел к выводу о том, что применявшиеся судьями термины скорее выражали подозрения, а не признание вины (см. цитируемое выше дело **Lutz**). Ст. 6(2) не была нарушена. Решение о приостановке судебного преследования на основании незначительности может должным образом представить заявленное либо подозреваемое положение дел, но не должно включать в себя заключения, указывающие на то, что обвиняемый виновен (хотя и в незначительном преступлении), за исключением случаев, когда вина доказана согласно закону. Кроме того, ст. 6(2) как таковая не предписывает возмещать расходы обвиняемого или иным образом компенсировать его ущерб, если судебное преследование прекращено или завершено оправдательным приговором. Силы подозрений против человека может оказаться на тот момент достаточно, чтобы впоследствии внутренние органы власти отказали в какой-либо компенсации (**Adolf v Austria (1982 г.)**).

Очевидно, что презумпция невиновности перестает действовать после окончательного определения вины подсудимого. В то же время, презумпция невиновности порой нарушается после судебного процесса, в результате которого обвиняемый был оправдан. В деле **Sekanina v Austria (1993 г.)** заявителя судили по обвинению в убийстве жены и затем оправдали, после чего заявитель инициировал процедуру возмещения расходов и выплаты компенсации ущерба в связи с предварительным заключением. Иск о компенсации был отклонен на том основании, что оправдательный приговор не рассеял подозрения в том, что заявитель совершил убийство. Суд отметил различия между делом **Lutz** и другими более ранними делами, когда прекращение судебного дела произошло до вынесения окончательного решения, и делом **Sekanina**, когда процедура была инициирована после вынесения оправдательного вердикта. Заявления национальных судов были признаны несоответствующими презумпции невиновности.

Если при рассмотрении иска о компенсации в связи с предварительным заключением судья гражданского суда выражает сомнения относительно невиновности тяжущегося, это может стать нарушением права на презумпцию невиновности. Суд постановил, что: «презумпция невиновности нарушается, если без предварительного доказательства вины обвиняемого, согласно закону, особенно в случае, если ему не было предоставлено возможности воспользоваться правом на защиту, постановление суда применительно к нему отражает мнение о том, что он виновен. Это может иметь место даже при отсутствии официального приговора; достаточно заключения, свидетельствующего о том, что суд считает обвиняемого виновным (см. цитируемое выше дело **Minelli**). В то же время, при

прекращении уголовного процесса против обвиняемого по причинам процессуального характера, отклонение иска о компенсации может быть обосновано сомнениями в его невиновности.

- Правило презумпции невиновности не распространяется на все гражданские дела, возникшие вследствие либо имеющие связь с первичным уголовным делом. В **O. v Norway (2003 г.)** заявителю было предъявлено обвинение в развратных действиях в отношении своей дочери, после чего он был оправдан. Он предъявил претензию о возмещении ущерба, который, по его утверждению, был нанесен ему в результате уголовного процесса. Суд отметил, что, по закону, инициация судебного разбирательства в связи с выплатой компенсации должна происходить в течение трех месяцев после завершения уголовного процесса в том же суде и, при возможности, при том составе судей, который рассматривал дело. Кроме того, Суд придал особое значение тому факту, что заявленный ущерб был нанесен в результате судебного преследования – т.е. с привлечением ответственности государства, как стороны, выступавшей против частного лица. Исход уголовного процесса имел ключевое значение, поскольку претензия может быть заявлена лишь в связи с оправдательным приговором либо прекращением процесса. В ходе судебного разбирательства в связи с выплатой компенсации заявитель должен был доказать, что с вероятностью более 50% не совершил действий, ставших основанием для предъявления обвинения. Иными словами, претензия о выплате компенсации рассматривается на основании улики уголовного дела, в том же суде и при том же составе судей. Суд сделал вывод о том, что претензия на выплату компенсации не только была подана после уголовного процесса по срокам, но также имела с ним законодательную и практическую связь с точки зрения юрисдикции и предмета рассмотрения. Предметом претензии являлось установление финансовых обязательств государства компенсировать бремя, возложенное им на оправданное лицо инициацией против него судебного разбирательства. По этой причине Суд постановил, что несмотря на то что в данных обстоятельствах заявителю не было «предъявлено обвинение в совершении уголовного правонарушения», предпосылки для получения компенсации были связаны с вопросом уголовной ответственности таким образом, который позволяет отнести данное судебное разбирательство к сфере действия ст. 6(2).
- В противовес этому, в вышеупомянутом деле **Ringvold v Norway** заявителю было предъявлено обвинение в сексуальных домогательствах в адрес ребенка, по которому был вынесен оправдательный приговор. Тот же суд, в связи с тем же приговором отклонил претензию жертвы о выплате компенсации. При подаче апелляции Конституционный Суд обязал заявителя выплатить компенсацию. Заявитель утверждал, что действие ст. 6(2) распространяется на судебное разбирательство в связи с претензией жертвы на выплату компенсации. Суд отметил, что в данном случае претензия о выплате компенсации была основана на принципе деликта, связанном с оскорблением личности. Уголовная ответственность не являлась предпосылкой для обязательства по выплате компенсации. Кроме того, Суд отметил, что вопрос о выплате компенсации был предметом отдельной юридической оценки, основанной на критериях и доказательных стандартах, которые отличаются от уголовной ответственности по ряду важных параметров. Вопрос о компенсации стал основной темой апелляции, поданной в Конституционный Суд при участии только частных сторон разбирательства. Тот факт, что действие, которое могло послужить поводом для подачи гражданского иска о выплате компенсации в рамках деликтного права, также относится к объективным составляющим уголовного правонарушения, не может стать основанием для признания лица якобы несущим ответственность за данные действия, или, в контексте деликтного права, «обвиняемым в совершении уголовного правонарушения». Тот факт, что улики, проходившие по уголовному делу, были использованы при рассмотрении последствий действия в контексте гражданского законодательства, также не служит основанием для подобной характеристики. В противном случае это бы означало, что ст. 6(2) предоставляет оправдательному приговору, вынесенному по уголовному делу, эффект преимущества перед возможностью жертвы претендовать на компенсацию в рамках гражданского деликтного права, что влекло бы произвольное и несоразмерное ограничение ее права на доступ к суду по ст. 6(1) Конвенции. В данном случае ст. 6(2) не была применима.

5 ОСНОВНЫЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА – СТАТЬЯ 6(3)

Гарантии параграфа 3 ст. 6, представляющие собой минимальные права на защиту в ходе уголовного процесса, с давних пор рассматриваются Судом как особый аспект права на справедливый суд, сформулированного в ст. 6(1) (**T. v Austria (2000 г.)**). Таким образом, Суд каждый раз рассматривает факт нарушения одного из прав, согласно ст. 6(3), совместно со ст. 6(1). Это означает, что для доказательства нарушения одного из прав на защиту заявитель обязан продемонстрировать влияние ограничения своей защиты на справедливость уголовного процесса в целом, включая апелляционный и кассационный процессы.

5.1 Извещение о предъявлении обвинения – статья 6(3)(a)

Данное право является центральным при осуществлении защиты ввиду предъявления индивиду обвинения в совершении уголовного преступления. Существует несколько моментов, касающихся частичного совпадения с другими правами, о которых следует упомянуть в самом начале. Так, существует частичное совпадение данного права с правом, описанным в ст. 5(2)⁴. Однако, если последнее разрешает обвиняемому оспаривать правовую основу своего задержания, первое посвящено обеспечению обвиняемого информацией, важной для его защиты. Иными словами, обязательства государства по ст. 6(3)(a) имеют гораздо более четкое выражение и предоставляют обвиняемому право на получение более конкретной и подробной, по сравнению со ст. 5(2), информации о выдвинутом против него обвинении.

Также существует частичное совпадение ст. 6(3)(a) и 6(3)(b); однако информация, которую требуется предоставить обвиняемому в соответствии со ст. 6(3)(a), не идентична информации, которую требуется предоставить в соответствии со ст. 6(3)(b). Последняя рассматривает информацию, необходимую обвиняемому для подготовки и осуществления должной защиты на суде, в то время как первая посвящена ранним стадиям уголовного процесса и первичной подготовке защиты. Частичные совпадения имеют место в тех случаях, когда по ст. 6(3)(a) предоставляется не соответствующая требованиям информация, что затрудняет подготовку защиты на суде.

5.1.1 Необходимая информация

Информация, которую необходимо предоставить обвиняемому, касается «характера и причины» правонарушения. Под характером подразумевается вменяемое ему правонарушение (т.е. правовая характеристика), а слово «причина» обозначает действия, которые он якобы совершил. Подробный отчет о правонарушении имеет принципиальное значение, поскольку именно в момент его вручения обвиняемому он официально извещается о фактической и правовой основе выдвинутых против него обвинений. Вопрос о том, была ли, в каждом отдельном случае, предоставлена обвиняемому достаточная информация, должен всегда изучаться в контексте общего права на справедливый суд, сформулированного в ст. 6(1). Суд постановил, что предоставление полной, детальной информации о предъявляемом подозреваемому обвинении, то есть о правовой характеристике, данной судом делу, является важным условием для обеспечения справедливости судебного процесса (**Pellisier and Sassi v France (1999 г.)**). Суть права на получение информации, согласно ст. 6(3)(a), сводится к тому, что информации должно быть достаточно, чтобы обвиняемый мог приступить к построению защиты. Данное право не предполагает предоставления всех улик против обвиняемого в деталях – информацию такого рода также необходимо предоставлять, однако на более поздней стадии судебного процесса, согласно положениям ст. 6(3)(b) (См. главу 5.2. ниже).

⁴ См. INTERIGHTS, Право на свободу и личную неприкосновенность в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 5).

- В деле **Mattoccia v Italy (2000 г.)** заявитель был помещен под стражу по подозрению в изнасиловании психически нездорового ребенка. На момент ареста у обвинения имелась информация о том, что изнасилование произошло в конце октября либо 10 ноября 1985 г. в туалете третьего этажа школы, которую посещала жертва. Заявителю было отправлено судебное уведомление об обвинении в изнасиловании жертвы, совершенном в Риме в ноябре 1985 г. Никакой иной информации заявителю на данной стадии сообщено не было; ее также не сообщили на допросе в полиции, несмотря на то, что принятая им линия защиты явно не соответствовала ситуации. На судебном процессе время и место предполагаемого преступления совершенно отличались от информации, изначально предоставленной заявителю. Заявителю ни разу не было позволено внести соответствующие изменения в свою защиту. Суд критически расценил расплывчатость сведений, содержащихся в обвинении, в особенности, относительно столь существенных деталей, как время и место – они постоянно противоречили друг другу и изменялись по ходу процесса, а также длительность срока, прошедшего между передачей дела на рассмотрение в суд и самим судебным процессом (более трех с половиной лет), особенно в сопоставлении со скоростью проведения процесса (менее месяца). Суд постановил, что, согласно требованиям справедливости, заявителю следовало предоставить больше возможностей и инструментов для практической и эффективной защиты, например, путем вызова свидетелей для подтверждения алиби. Суд пришел к выводу о том, что право заявителя на получение подробной информации о причинах предъявленного ему обвинения, а также право на достаточное количество времени и соответствующие инструменты для подготовки своей защиты были нарушены.
- В вышеупомянутом деле **Campbell and Fell** один из заявителей в ходе дисциплинарного тюремного разбирательства был обвинен в «мятеже». Были указаны соответствующие место и время, однако никаких больше сведений предоставлено не было. Заявитель предпочел не присутствовать ни на слушании дела, ни на заключительном обращении судьи, ни на первичном слушании дела начальником тюрьмы. Принимая во внимание тот факт, что на данных слушаниях заявителю могла быть предоставлена дополнительная информация, Суд посчитал, что было предоставлено достаточно информации. Таким образом, нарушения ст. 6(3)(а) не было.

В прецедентном праве Суда отсутствуют предписания о предоставлении «характера и причин обвинения» в письменном виде, если достаточно информации было предоставлено в устной форме (**Kamasinski v Austria (1989 г.)**). Очевидно, что предоставление подробной информации в письменной форме предпочтительней, и оно может предотвратить подачу исков в рамках ст. 6(3)(а).

В некоторых случаях органы прокуратуры могут изменить свое решение относительно правовой классификации обвинения, которое они собираются предъявить обвиняемому. При подобных обстоятельствах ст. 6(3)(а) предписывает своевременно и в подробностях сообщать обвиняемому о новых обвинениях и предоставлять ему достаточно времени и возможностей реагировать на них и выстраивать защиту на основании новой информации или утверждений (см. вышеупомянутое дело **Mattoccia**).

- В деле **Sadak and Others v Turkey (No. 1) (2001 г.)**, заявителям было предъявлено обвинение в сепаратизме и антиправительственной деятельности, по которому они были привлечены к суду. В последний день судебного процесса Суд Государственной Безопасности сообщил заявителям о предъявлении им нового обвинения, а именно, принадлежности к подпольной организации. Заявителям было отказано в отсрочке для осмысления новых обвинений и подготовки к защите в связи с ними. Суд отметил, что в процессе рассмотрения дела связь заявителей с запрещенной организацией, Рабочей Партией Курдистана, упоминалась прокурором несколько раз. Однако их опрашивали лишь в целях прояснения составляющих компонентов правонарушения, в котором они изначально обвинялись и в связи с которым были привлечены к суду вплоть до последнего дня слушаний. Суд постановил, что следует искать ответ на вопрос о том, могли ли заявители с большой долей вероятности предугадать, что характеристика их

правонарушения будет заменена с предательства интересов целостности государства на принадлежность к вооруженной организации, имеющей целью разрушение целостности государства. В соответствии с прецедентным правом Турции, два данных правонарушения имеют различия как в объективном, так и в субъективном аспектах. Суд признал обоснованным аргумент о том, что в случае с двумя разными видами правонарушений защита должна была быть разной. Таким образом, заявителям было отказано в праве на подробные сведения о характере новых обвинений, в нарушение ст. 6(1)(a) и (b).

В ряде случаев Суд постановил, что урегулированием вопроса о характере судебных функций – следственном или обвинительном – должно заниматься государство, при этом ст. 6 или любое другое положение Конвенции не препятствуют государству в выборе системы, которую оно считает соответствующей требованиям. В то же время, в следственных системах возникали проблемы с применением ст. 6(3)(a), поскольку суды использовали полномочия в рамках внутреннего законодательства для изменения присвоенной прокуратурой классификации обвинения, тем самым ограничивая право обвиняемого на информацию о «характере» (правовой классификации согласно национальному Уголовному Кодексу) приписываемого им, согласно ст. 6(3)(a), правонарушения, предоставленную до начала разбирательства фактических обстоятельств дела. Суд рассматривал случаи новых классификаций с учетом конкретных обстоятельств дела и той степени, до которой в связи с новой классификацией могла или должна была измениться защита. Суд обнаружил нарушения прав обвиняемых на защиту в целом ряде подобных случаев, когда суды высшей инстанции отказывались пересматривать обвинение в новой классификации «по усмотрению» суда низшей инстанции (см. цитируемое выше решение по делу **Pellissier and Sassi**), когда претензии заявителей против новой классификации были отклонены, поскольку они являлись «новыми фактами» и не допускались на стадии апелляции (см. цитируемое выше дело **T. v Austria**), когда апелляционный суд присваивал правонарушению новую классификацию только на стадии вынесения приговора (**Mattei v France (2006 г.)**), и когда суд первой инстанции изменял классификацию правонарушения в последний день слушаний, когда приглашал обвиняемого для последнего слова (**Miroux v France (2006 г.)**). В противовес этому, Суд не обнаружил нарушения ст. 6(3)(a) и (b) в случае, когда суд первой инстанции предложил сторонам отсрочку, чтобы они смогли подготовиться к защите против нового обвинения перед вынесением приговора, или когда заявители имели все возможности защищаться против новой классификации обвинения на стадии апелляции (**Dallos v Hungary (2001 г.)**; **Sipavicius v Lithuania (2002 г.)**). Суд также не обнаружил нарушения в той ситуации, когда обвинение было изменено в момент закрытия слушаний по апелляции, однако факты, связанные с измененным обвинением, были известны заявителям задолго до этого, и они были уведомлены о возможности признания их вины по факту совершения, а не попытки ограбления (**Backstrom and Andersson v Sweden (dec.) (2006 г.)**).

Обвиняемый, чьи действия стали принципиальной причиной того, что он не получил извещение о предъявляемых ему обвинениях, не может жаловаться на нарушение ст. 6(3)(a) (**Hennings v Germany (1992 г.)**). Расхождения в формулировке положения, ставшего основой для предъявления обвинения, допущенные в результате канцелярской ошибки, не приравниваются к нарушению данного положения (**Gea Catalan v Spain (1995 г.)**).

Вопросы:

1. Начиная с какой стадии уголовного процесса внутреннее законодательство обязывает власти извещать обвиняемого о характере и причинах правонарушения?

5.1.2 Право получать информацию «оперативно»

Прецедентное право насчитывает немного дел в связи с обязательством предоставлять информацию «оперативно». В то же время, любая существенная информация фактического или правового характера должна предоставляться обвиняемому в соответствующие сроки, чтобы дать ему возможность подготовиться к защите в соответствии с правами, гарантированными ст. 6(3)(b) (**Chichlian and Ekindjian v France (1989 г.)**). В вышеупомянутом деле **Mattocchia** Суд подверг критике тот факт, что заявителю не была предоставлена информация о дате, времени и месте якобы совершенного им преступления. Кроме того, Суд отметил, что в результате этого заявитель не смог подготовиться к соответствующей защите на полицейском допросе. Рекомендуются по умолчанию предоставлять обвиняемому основную информацию об обвинении, как минимум, до проведения полицией допроса.

5.1.3 Информация «на понятном языке»

Данное право предусмотрено для того, чтобы обеспечить обвиняемому понимание характера и причин предъявленных ему обвинений даже в том случае, если он не говорит на том языке, который используется при предъявлении обвинения. В то же время, оно не предоставляет права на перевод обвинения на родной для обвиняемого язык в качестве привилегии; целью данного права является «понимание».

- В деле **Brozicek v Italy (1989 г.)**, заявителю, гражданину Германии, было направлено судебное уведомление о «предъявлении обвинения», согласно 6(3)(a). Заявитель направил занимающемуся данным делом прокурору письмо, где сообщал, что с трудом понимает содержание уведомления и требует предоставления нового уведомления на немецком либо на одном из официальных языков ООН. Прокуратура проигнорировала данный запрос и продолжала составлять документацию только по-итальянски. Суд постановил, что в обязанности национальных властей входило принятие мер по удовлетворению запроса заявителя, если только ими не было установлено, что заявитель владеет итальянским в достаточном объеме, чтобы понять характер и причины обвинения. Подтверждений того, что итальянские власти предпринимали попытки это сделать, не было. Соответственно, имело место нарушение ст. 6(3)(a).

Из данного дела следует, что при представлении гражданином другого государства запроса о переводе предъявленного ему письменного обвинения ответственные органы власти должны удовлетворить данный запрос, если только не могут установить, что в действительности обвиняемый владеет языком их страны в достаточном объеме. Кроме того, требование информировать обвиняемого «на понятном ему языке» может повлечь за собой представление письменного перевода обвинительного акта либо иного официального обвинения, дабы не поставить обвиняемого в невыгодное положение. Устного перевода может оказаться достаточно в той ситуации, когда очевидно, что обвиняемый уже был должным образом проинформирован (**Kamasinski v Austria (1989 г.)**).

5.2 Соответствующие требованиям время и возможности для подготовки защиты – статья 6(3)(b)

Понятия «время» и «условия» в большинстве случаев взаимосвязаны. Как было упомянуто выше, имеет место значительное совпадение прав, гарантированных данной статьей, прав, на которых распространяются гарантии ст. 6(3)(c) и ст. 6(3)(a), а также общих принципов справедливости, согласно ст. 6(1). Для того, чтобы определить, были ли соблюдены данные положения, необходимо учесть ситуацию с защитой в целом, не изолируя ситуацию обвиняемого от остальных аспектов (**Krempovskij v Lithuania (dec.) (1999 г.)**).

- В деле **Ocalan v Turkey (2003 г.)**, дело заявителя рассматривалось судом государственной безопасности по обвинению в осуществлении руководящей деятельности в запрещенной партии, РКК (Рабочая Партия Курдистана). Суд изучил ряд претензий в совокупности и отметил, что допрос заявителя во время содержания в полицейском участке проходил без участия его адвокатов, что заявитель не мог говорить с адвокатами без присутствия третьих лиц и получил доступ к материалам дела лишь на самой поздней стадии судебного процесса. Кроме того, суд отметил, что были наложены ограничения на количество и продолжительность визитов адвокатов заявителя, и что доступ к материалам дела предоставлялся адвокатам лишь ближе к концу дня. Суд пришел к заключению, что общий эффект от данных препятствий в совокупности, а также тот факт, что рассмотрением дела занимался суд, который не являлся ни независимым, ни беспристрастным, свидетельствовали о серьезном ограничении права на защиту, в нарушение ст. 6(1) совместно со ст. 6(3) (b) и (c).

5.2.1 Соответствующее требованиям время

Существует очевидная логическая связь между требованиями, предъявляемыми ко «времени» в ст. 6(3)(b), и требованиями ст. 6(3)(a), согласно которым обвиняемый должен «оперативно» уведомляться о предъявленных обвинениях. В ряде случаев необходимо соблюдать хрупкий баланс между обеспечением разумных сроков рассмотрения дела и предоставлением лицу соответствующего времени для подготовки защиты. Цель права на получение в свое распоряжение времени на подготовку к защите заключается в том, чтобы воспрепятствовать поспешному проведению национальными судами судебных процессов, которые лишают обвиняемого возможности должным образом защищаться.

Время, необходимое для защиты, столь широко варьируется, что ценность примеров, приведенных из прецедентного права с привлечением ст. 6(3)(b), ограничена. Вопрос о том, что считать соответствующим требованиям временем, зависит от каждого отдельного случая и целого ряда факторов, включая характер и сложность дела, а также стадию, на которой находится разбирательство.

В простых делах между первоначальным предъявлением обвинения и началом слушаний фактических обстоятельств дела должно пройти совсем немного времени. Так, Суд посчитал пять дней достаточным сроком в случае дисциплинарного судебного разбирательства по делу о мятеже (см. цитируемое выше дело **Campbell and Fell**), а пятнадцать дней – достаточным сроком в случае дисциплинарного разбирательства по обвинению против врача, выдававшего больничные листы без веских на то оснований (см. цитируемое выше дело **Albert and Le Compte v Belgium**).

- В деле **G.B. v France (2001 г.)** против заявителя был возбужден судебный процесс по обвинению в серии сексуальных преступлений. В начале судебного дела обвинение представило новые доказательства, связанные с личностью заявителя. Копии доказательств были предоставлены защите, однако процесс не был приостановлен. Заявитель утверждал, что он и его адвокат не имели достаточно времени для осмысливания доказательств. Суд постановил, что обвинение представило новые доказательства на законных основаниях; о доказательствах было сообщено защите, и они были изучены на основании состязательного процесса. Суд также постановил, что у заявителя было соответствующее требованиям время для осмысления данных доказательств; в данной связи Суд отметил, что новые доказательства были поданы в 10 часов утра 13 марта, в то время как судебный процесс длился три дня, завершившись в 8.45 вечера на третий день. В данной ситуации нарушения ст. 6(3)(b) не было.

Уведомление лиц, подающих апелляцию в связи с решением суда в первой инстанции, о соответствующем ограничении сроков подачи и предоставлении оснований для апелляции входит в обязанности государства. В деле **Vacher v France (1996 г.)**, заявитель был признан виновным в правонарушении, заключавшемся в строительстве без надлежащего разрешения. Он подал

апелляцию в кассационный суд. Кассационный суд сообщил ему впоследствии, что, поскольку он не указал оснований для обжалования в установленные сроки, обжалование отклоняется. Суд особо подчеркнул, что в рамках Конвенции у государства имеются обязательства относительно предоставления каждому обвиняемому в уголовном преступлении возможности воспользоваться гарантиями ст. 6(3). Суд постановил, что перенесение на обвиненных апеллянтов бремени определения того, когда отведенный срок начинается и когда истекает, не соответствует требованиям «осмотрительности», которую страны-участницы должны соблюдать в целях эффективной реализации прав, согласно ст. 6. Суд изучил претензию, согласно ст. 6(1), (3)(b) и (3)(c) в совокупности и, несмотря на это, пришел к выводу о нарушении просто ст. 6.

5.2.2 Возможности

Вопрос о том, какие «возможности» необходимы для подготовки защиты, в большей мере зависит от конкретных обстоятельств, однако некоторые возможности, как, например, право обвиняемого на общение с адвокатом, следует считать основными. Право на переговоры с адвокатом может, однако, подвергаться ограничениям. Случай, когда обвиняемый был помещен в камеру одиночного заключения, а его общение с адвокатом на ограниченное время запрещено, не был признан нарушением ст. 6(3)(b) при том условии, что в другое время обвиняемому предоставлялась соответствующая требованиям возможность общаться с адвокатом (**Bonzi v Switzerland (dec.) (1978 г.)**). В другом деле, когда адвокат защиты должен был скрыть от клиента имена некоторых свидетелей, также не было обнаружено нарушения ст. 6(3)(b) (**Kurup v Denmark (dec.) (1985 г.)**).

В ряде случаев возникал вопрос о том, следует ли, согласно ст. 6(3)(b), считать право на доступ к материалам обвинения возможностью, обязательной для подготовки защиты. К возможностям, имеющимся в распоряжении защиты, должна относиться возможность ознакомления, в целях подготовки защиты, с результатами расследования, проводившегося в ходе судебного процесса. Не имеет особого значения, когда, кем и с чьего разрешения проводилось расследование. Сюда относится право обвиняемого получить в свое распоряжение, в целях вынесения оправдания либо облегчения приговора, информацию обо всех существенных элементах преступления, которая была или могла быть собрана компетентными органами власти (**Jespers v Belgium (1981 г.)**). В то же время, Суд подтвердил, что ограничение, согласно которому доступ к материалам дела имеется только у адвоката защиты, а не у самого обвиняемого, не является нарушением ст. 6(3)(b) (см. цитируемое выше дело **Kamasinski**).

Несмотря на распространенное мнение о том, что к «возможностям» относится, например, изучение всех документов и вещественных доказательств, именно заявитель, который заявляет о нарушении ст. 6(3)(b), должен в каждом отдельно взятом случае продемонстрировать, что в указанных обстоятельствах для соответствующей подготовки защиты ему была необходима данная «возможность» (см. цитируемое выше дело **Bricmont**).

Суд также постановил, что важные для защиты материалы должны предоставляться судье в целях вынесения им/ею постановления об их предоставлении другой стороне, а именно: в тот момент, когда данные материалы смогут оказать наиболее эффективную поддержку правам защиты. Предоставление обвинением материалов на стадии апелляции является недостаточным (см. цитируемое выше дело **Dowsett**).

Право на доступ защиты ко всей информации, имеющейся у обвинения, не является, однако, абсолютным; здесь может иметь место столкновение интересов. Так, интересы национальной безопасности или необходимость защиты от преследования некоторых свидетелей могут сталкиваться с интересами защиты. В случае подобного столкновения интересов в ответственность данного суда входит забота о том, чтобы ограничение права на защиту было строго обусловлено обстоятельствами данного конкретного дела. Обвинение не имеет права на принятие подобного решения; требование

справедливого слушания предполагает, что решение по данному вопросу должен выносить судья. Все сложности, возникшие у защиты вследствие ограничения ее прав, должны быть в достаточной мере уравновешены действиями судебных органов (см. гл. 3.3.1 выше; см. также гл. 5.4 ниже).

Новое доказательство может быть представлено на суде, который может потребовать предоставления защите времени на осмысление. Требуется ли на самом деле дополнительное время, зависит от характера нового доказательства и сопутствующих обстоятельств. В вышеупомянутом деле **G.V. v France** при рассмотрении дела заявителя свидетель-эксперт, помогавший в ходе расследования составить медицинский отчет о состоянии заявителя, при даче устных показаний кардинально изменил свое мнение. После того, как он дал свои показания, заявитель запросил мнение второго эксперта, однако получил отказ. Заявитель жаловался, что данный отказ был нарушением ст. 6(3)(b), учитывая тот факт, что изменение экспертом своего мнения существенно изменило позицию присяжных в неблагоприятную для него сторону. Суд постановил, что сам по себе факт, что эксперт выразил в суде, рассматривавшем дело, мнение, отличное от того, которое было представлено в его письменном отчете, не является нарушением принципа справедливого суда. Кроме того, ст. 6 не предписывает суду назначать другого эксперта по требованию защиты даже в том случае, если мнение эксперта, предложенного защитой, поддерживает версию обвинения. В то же время, Суд отметил, что в данной ситуации мнение эксперта не просто отличалось от выраженного в письменном виде, а представляло собой полное изменение точки зрения в рамках одного слушания, всего через 15 минут после изучения нового доказательства; более того, смена мнения имела очень плохие последствия для заявителя. Суд постановил, что в данных обстоятельствах имело место нарушение ст. 6(1) и (3)(b) в совокупности.

Право на соответствующие требованиям возможности для подготовки защиты также включает в себя право знать причины судебного решения для подготовки апелляции (см. также, в схожем контексте, право на суд (гл. 3.1.) и право на мотивированное судебное решение (гл. 3.3.5)).

- В вышеупомянутом деле **Hadjianastassiou v Greece** дело заявителя рассматривал военный суд. Заявитель подал апелляцию против решения военного суда. Суд зачитал резолютивную часть решения апелляционного суда не указав на ее мотивировочную часть. У заявителя было пять дней на подачу апелляции. Печатную копию решения апелляционного суда он получил около трех недель спустя; в нем не были указаны причины решения. Примерно через месяц, после подачи соответствующего запроса, заявитель получил решение суда с соответствующим обоснованием. На данной стадии ему не было позволено расширить свою апелляцию. В ходе слушания дела в Кассационном суде заявитель подал жалобу с меморандумом о сокращенном сроке для подачи апелляции и том факте, что заинтересованным лицам невозможно получить своевременный доступ к содержанию оспариваемого вердикта. Апелляция заявителя была признана неприемлемой на основании своей расплывчатости, поскольку в ней не указывались конкретные ошибки оспариваемого судебного решения. Отметив, что заявителю было отказано в дополнении оснований для апелляции после того, как он получил копию судебного решения с соответствующим обоснованием, Суд пришел к выводу о том, что, в нарушение ст. 6(3)(b), ему не было предоставлено соответствующих требованиям времени и инструментов для организации защиты.

5.3 Право на свою защиту и на юридическое представительство – статья 6(3)(с)

Право, гарантированное ст. 6(3)(с), является важным компонентом прав на защиту. Оно состоит из трех отдельных элементов, а именно: права защищать себя лично, возможности выбрать адвоката в некоторых обстоятельствах и права на безвозмездное юридическое представительство при недостаточности личных средств и в ситуации, когда этого требуют интересы правосудия.

5.3.1 Право защищать себя лично и возможность выбрать адвоката

Право защищать себя лично не абсолютно, органы власти могут отказать обвиняемому в праве представлять свои интересы лично, поскольку в некоторых ситуациях внутреннее законодательство предписывает юридическое представительство, в особенности, когда речь идет об обвинении в серьезных правонарушениях. Дополнительные ограничения могут применяться к лицам, обвиняемым в совершении уголовного правонарушения, без нарушения при этом ст. 6.

- В деле **Marcello Viola** заявителю не было позволено физически присутствовать в зале судебных заседаний при рассмотрении апелляции против его приговора, поскольку, проходя по другим обвинениям, он был признан виновным и приговорен к трем годам одиночного заключения из соображений безопасности. Не обнаружив нарушения ст. 6 (1) и (3)(с), Суд постановил, что заявитель мог следить за судебным процессом, участвуя в видеоконференции, а с учетом того факта, что он обвинялся в преступлениях, связанных с деятельностью мафии, меры, принятые в целях защиты общественного порядка, предотвращения преступлений, а также защиты права на жизнь, свободу и безопасность свидетелей и жертв преступлений, были обоснованы.

В то же время, большинство случаев, попадающих в поле зрения суда, являются примером противоположной ситуации, когда обвиняемый или подозреваемый должны защищать себя лично, либо когда им отказывают в бесплатном юридическом представительстве в основной части уголовного процесса либо в ходе всего процесса. Принимая решение о предоставлении бесплатной юридической помощи, национальные органы власти должны учитывать материальное положение обвиняемого и интересы правосудия. Сюда относится рассмотрение характера и сложности предъявленного обвинения, суровости потенциального наказания и возможности обвиняемого представлять свои интересы соответствующим образом.

- В судебном постановлении по вышеупомянутому делу **Ezeh and Connors** заявители, отбывавшие приговор в тюрьме, должны были присутствовать на слушании начальником тюрьмы их дела об агрессивном поведении в отношении тюремного персонала. Оба были признаны виновными в нарушении тюремных правил и приговорены к дополнительным дням заключения. Обоим заявителям была предоставлена отсрочка для консультаций с адвокатом, однако юридическое представительство на самом слушании было запрещено, поскольку начальник тюрьмы не посчитал его необходимым. Суд отметил, что национальное прецедентное право, регулирующее слушания, проводящиеся начальством тюрьмы, не признает, как таковое, право на юридическое представительство. На этом основании Суд постановил, что, поскольку на процедуру разбирательства распространялось действие «уголовного» аспекта ст. 6, были нарушены права заявителей, согласно ст. 6(3)(с).

Вопрос о том, требуют ли «интересы правосудия» предоставления безвозмездной юридической помощи, в основном зависит от других связанных с делом факторов, в том числе серьезности и сложности дела и того, что грозит обвиняемому. В вышеупомянутом деле **Engel** Суд признал соответствующим интересам правосудия предоставление обвиняемым, проходящим по военному дисциплинарному разбирательству с очень простой фактической базой, возможности защищать себя лично и обеспечение им юридической помощи лишь при рассмотрении правовых вопросов на стадии апелляции. В вышеупомянутом деле **Monnell and Morris** отказ в предоставлении правовой помощи при подаче апелляции, которая не имела объективных шансов на успех, также был признан соответствующим интересам правосудия. В противовес этому, в деле **Pakelli v Germany (1983 г.)**, когда при рассмотрении апелляции возникли существенные правовые вопросы, Суд посчитал, что интересы правосудия требовали предоставления бесплатной юридической помощи.

Таким образом, требования «интересов правосудия» должны учитываться на всех стадиях рассмотрения дела. Решение об отказе в предоставлении правовой помощи должно, в частности, учитывать то обстоятельство, что на более поздней стадии судебного процесса может выясниться, что

интересы правосудия требовали предоставить правовую помощь. В вышеупомянутом деле **Granger** в предоставлении правовой помощи на стадии апелляции было отказано, поскольку у апелляции предположительно (согласно мнению адвоката) не было обоснованных перспектив на успех. В ходе рассмотрения апелляции выяснилось, что возник достаточно сложный вопрос правового характера. Суд постановил, что в интересах правосудия было предоставить правовую помощь с того самого момента и что отсутствие пересмотра первоначального решения явилось нарушением ст. 6(3)(с).

- В деле **Quaranta v Switzerland (1991 г.)** заявителю было отказано в бесплатной юридической помощи в ходе рассмотрения дела судьей, ведущим следствие, а также на суде на основании того, что этого не требовали интересы правосудия, и что дело не было сложным. Заявитель был признан виновным и приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Суд учел максимальное наказание, назначаемое при предъявлении обвинения в данном преступлении (3 года тюремного заключения), а также личные обстоятельства заявителя: тот факт, что он был иностранцем молодого возраста, явное отсутствие у него средств к существованию и длительную наркотическую зависимость. Суд пришел к заключению, что выступление заявителя перед судьей, ведущим следствие, и судьей, рассматривавшим дело на суде, без юридического представителя, не способствовало представлению им своего дела в нужном свете. Имело место нарушение ст. 6(3)(с). Данное дело также демонстрирует, что права, гарантированные ст. 6(3)(с), имеют силу не только на стадии рассмотрения дела в суде, но и на досудебной стадии и распространяются на всех лиц, обвиняемых в совершении уголовного правонарушения.
- В деле **Berlinski v Poland (2002 г.)**, заявители содержались в камере предварительного заключения один год, прежде чем получили ответ на свой запрос о предоставлении юридической помощи по обвинению в уголовном правонарушении, заключавшемся в оказании сопротивления полиции. Суд признал, что на ранних стадиях расследования могли быть наложены ограничения на право получения правовой помощи. В то же время, согласно ст. 6(3)(с), польские власти не имели права столь длительное время игнорировать запросы заявителей о правовом представительстве, с учетом того, что за этот период был предпринят ряд процессуальных действий, а именно: допросы заявителей и их медицинское освидетельствование. Имело место нарушение ст. 6(3)(с).

Обвиняемый может защищать себя, прибегая к правовой помощи по собственному выбору, лишь в случае наличия у него необходимых средств (см. цитируемое выше судебное решение по делу **Campbell and Fell**). При отсутствии у обвиняемого необходимых средств его могут обязать защищаться самостоятельно, только если «интересы правосудия» не требуют правового представительства. О праве на выбор адвоката речь может идти лишь в том случае, если у обвиняемого имеется достаточно средств для оплаты его услуг. Согласно ст. 6(3)(с), обвиняемый, которому предоставляется правовая помощь, не имеет права выбирать себе представителя или получать консультации по данному вопросу (см. цитируемое выше судебное решение по делу **Kremrovskij**). Право на выбор своего представителя – даже при наличии необходимых средств – в любом случае не является абсолютным; государство имеет право регулировать присутствие в своем суде адвокатов и, при определенных обстоятельствах, запрещать доступ отдельным лицам. Например, для получения доступа в суд государство может потребовать определенной квалификации или разработать правила профессиональной этики, регулирующие работу адвокатов в суде. Ограничение количества адвокатов (не более трех), которые имеют право представлять интересы обвиняемого в суде, признано соответствующим ст. 6(3)(с), равно как и запрещение доступа в суд ряду адвокатов на основании имеющихся подозрений в активном поддержании данными адвокатами криминальных контактов, в наличии которых также обвиняется подозреваемый (**Ensslin and Others v Germany (dec.) (1978 г.)**).

В том случае, когда дело рассматривается при отсутствии обвиняемого, ст. 6(3)(с) требует предоставить его адвокату право представлять своего скрывающегося от правосудия клиента (**Karatas and Sari v France (2002 г.)**).

5.3.2 Ограничения доступа адвоката на досудебной стадии

Несмотря на то что отказ в общении с адвокатом на ранних стадиях расследования не обязательно является нарушением презумпции невиновности, нарушение ст. 6(3)(с) все же может иметь место. Оно может произойти в том случае, когда права обвиняемого на защиту необратимым образом ущемляются. В цитируемом выше деле **John Murray** обвиняемому было отказано в общении с адвокатом в течение первых 48 часов ареста, в ходе которых он отказывался давать показания. Суд постановил, что, несмотря на то что национальные власти могут сопровождать последствиями (например, неблагоприятными выводами) отказ обвиняемого отвечать на вопросы на изначальной стадии полицейского допроса, ст. 6, как правило, предписывает предоставлять обвиняемому разрешение на определенную правовую помощь уже на ранних стадиях расследования; данное право может подвергаться ограничениям лишь на веских основаниях. В каждом отдельном случае следует решать вопрос о том, было ли, в свете судебного разбирательства в целом, обвиняемому отказано в справедливом суде. Суд пришел к выводу о том, что существовавшая ситуация, позволившая сделать неблагоприятные выводы из молчания обвиняемого, имела столь важное значение, что обвиняемому следовало предоставить доступ к общению с адвокатом на изначальных стадиях допросов полицией. В указанном случае обвиняемый был поставлен перед основополагающей дилеммой, касающейся его защиты. Если бы он выбрал молчание, о его личности были бы сделаны неблагоприятные выводы, в соответствии с положениями соответствующего закона. С другой стороны, если бы в ходе допросов обвиняемый выбрал прервать молчание, он рисковал поставить под удар свою защиту, при этом возможность неблагоприятных выводов против него по-прежнему не исключалась. Суд постановил, что при подобных обстоятельствах заявителю следовало предоставить доступ к общению с адвокатом. Отказ в общении с адвокатом в течение первых 48 часов полицейских допросов в ситуации, когда права на защиту были ущемлены необратимым образом, не соответствовал гарантиям ст. 6 о правах обвиняемых. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(1) в совокупности со ст. 6(3)(с)⁵.

В то же время, не следует возлагать ответственность на власти в тех случаях, когда отсутствие юридического представителя на изначальной стадии судебного процесса допущено по вине самого заявителя, даже если это привело к представлению документов, свидетельствующих против заявителя, которые впоследствии были учтены при вынесении обвинительного приговора.

- В деле **Zhelezov v Russia (dec.) (2002 г.)** в день ареста был проведен допрос заявителя, который сделал письменное признание в совершении убийства в отсутствие своего адвоката. Заявитель также подписал документ, в котором говорилось о том, что ему известно о законном праве быть представленным адвокатом уже на данной стадии, но что ему адвокат защиты не нужен. На следующий день заявителю все же назначили официального адвоката, который не появился ни на одном из допросов заявителя. В течение шести дней у заявителя вообще не было адвоката, после чего его семья наняла частного адвоката, и заявитель начал спор о том, что признание было получено у него незаконным образом. Заявитель жаловался, что его обвинительный приговор был отчасти основан на признании, сделанном в отсутствие адвоката, что является нарушением принципов справедливости и прав на защиту. Не обнаружив нарушения ст. 6(3)(с) и ст. 6(1), Суд обратил внимание на следующие обстоятельства: во-первых, не имело значения, несут ли власти ответственность за то, что государственный адвокат не появлялся на допросах в течение первых дней после ареста, поскольку у заявителя явно были собственные средства для найма частного адвоката по своему усмотрению с самого начала; во-вторых, заявитель знал о своем законном праве на правовое представительство с момента ареста, кроме того, он мог выбрать между молчанием и активным участием в допросах, во время которых сделал признание; наконец, свидетельства (протокол медицинского

⁵ См. также гл. 3.3.4 выше: толкование Судом переноса бремени доказывания и выводов, производимых на основании молчания обвиняемого.

осмотра и т.д.) того, что заявителя вынудили или запугивали с целью получения признания, отсутствовали, в особенности учитывая, что он подтвердил свое признание на нескольких начальных допросах.

- Схожим образом, Суд не обнаружил нарушения ст. 6(1) и (3)(с) в деле **Latimer v United Kingdom (dec.) (2005 г.)**, когда национальным судом были учтены оговаривающие себя заявления заявителя, сделанные во время ареста без присутствия адвоката. Во-первых, в данной ситуации заявитель должным образом не потребовал присутствия адвоката сразу после ареста. Кроме того, приемлемость и надежность признаний, сделанных заявителем в ходе тюремных допросов, несколько раз тщательно проверялась путем состязательного процесса, судьей, рассматривавшим дело, и трижды в апелляционном суде, после проведения слушаний дела в суде, в ходе которых заявитель имел правового представителя и мог вызывать свидетелей. Таким образом, несмотря на созданную заключением под стражу атмосферу запугивания, когда и были сделаны данные оговаривающие себя заявления, заявителю не было отказано в справедливом суде и праве быть представленным адвокатом.

В то же время, права на защиту могут быть нарушены при других обстоятельствах, когда, к примеру, сама атмосфера, в которой осуществляется полицейский допрос, является крайне угнетающей, а права обвиняемого ущемляются необратимым образом.

- В деле **Magee v United Kingdom (2000 г.)** заявитель был арестован в Северной Ирландии, согласно закону о борьбе с терроризмом. Ему было отказано в общении с адвокатом в течение более 48 часов, в течение которых он был восемь раз допрошен полицией. Он был, как обычно, предупрежден о неблагоприятных выводах, которые могут быть сделаны, если он не будет отвечать на вопросы. Сначала заявитель не отвечал на вопросы, однако на шестом допросе дал признательные показания, а не седьмом подписал их. На суде заявитель не давал показаний; судья, разбиравший дело в суде, не сделал из этого неблагоприятных выводов, хотя имел соответствующие полномочия. Основной претензией заявителя было то, что он поддавался воздействию атмосферы принуждения и обвинил себя, не воспользовавшись преимуществом правовой консультации. Суд отметил, что заявителя допрашивали длительные периоды времени специально подготовленные группы полицейских, а в промежутках между допросами он пребывал в одиночной камере тюрьмы предварительного содержания, известной строгостью своего режима. Суд постановил, что, ради соблюдения справедливости судебного процесса, заявителю следовало предоставить доступ к общению с адвокатом на начальной стадии расследования, дабы уравновесить угнетающую атмосферу, нацеленную на то, чтобы сломить его волю и заставить сделать признание на допросе. Суд пришел к выводу о том, что запрет на общение с адвокатом в подобной ситуации необратимым образом ущемил права заявителя на защиту, что явилось нарушением ст. 6(3)(с) и 6(1).

5.3.3 Конфиденциальность и эффективность общения с адвокатом

Независимо от того, воспользовался обвиняемый услугами безвозмездной правовой помощи или частного адвоката, одного назначения или разрешения на представление интересов обвиняемого со стороны ответственных органов власти может оказаться недостаточно, поскольку обвиняемый имеет право на «практическую и эффективную», а не «теоретическую и иллюзорную» правовую помощь. Государство не несет ответственности за каждую ошибку адвоката в рамках правовой помощи, а также за действия защиты – это является предметом разбирательства между обвиняемым и его адвокатом, в рамках правовой помощи либо вне них. В то же время, если невозможность либо неспособность адвоката, предоставляющего правовую помощь, эффективным образом представлять интересы обвиняемого очевидна или должным образом представлена вниманию ответственных национальных властей, они обязаны вмешаться. Они могут сделать это, заменив адвоката, принудив его выполнять свои обязанности либо приняв иные меры, в том числе,

приостановив судебный процесс, дабы предоставить адвокату возможность исполнять свои обязанности эффективно (**Artico v Italy (1980 г.)**).

Одним из основных требований является право обвиняемого на общение с адвокатом в приватной обстановке, что вытекает из прав, гарантированных ст. 6(3)(с) (**Brennan v United Kingdom (2001 г.)**). Однако, данное право может быть ограничено, если к этому вынуждают обстоятельства. При ограничении столь важного права национальные власти не могут опираться на не подкрепленные доказательствами утверждения.

- В деле **S. v Switzerland (1991 г.)** заявитель был арестован в связи с серией поджогов, одновременно с ним под подозрение попали 16 человек. Общение заявителя с адвокатом в течение последующих девяти с половиной месяцев практически всегда проходило под надзором полицейского. Государство-ответчик привело на этот счет аргумент о том, что надзор был необходим для предотвращения сговора с другими обвиняемыми. Суд постановил, что право обвиняемого на общение с адвокатом без присутствия третьего лица является частью основополагающих положений справедливого суда в демократическом обществе и следует из ст. 6(3)(с). Если адвокат не может беседовать с клиентом и получать инструкции в обстановке конфиденциальности, без осуществления над ними надзора, его помощь практически утрачивает смысл. В то же время, Суд постановил, что заявление ответчика о возможности сговора заслуживает внимания. В самом деле, имелись основания опасаться, что адвокат заявителя будет сотрудничать с другим обвиняемым, который, в свою очередь, информировал прокуратуру о том, что все адвокаты предлагали сотрудничать при осуществлении их защиты. Однако это не могло оправдать данных ограничений, а в стремлении адвокатов скоординировать стратегию защиты не было ничего необычного. Кроме того, не имелось никаких свидетельств того, что соблюдение адвокатом заявителя профессиональной этики и законность его действий когда-либо подвергались сомнению в ходе судебного процесса. Таким образом, имело место нарушение ст. 6(3)(с).
- В деле **Brennan** заявитель был арестован на основании положений закона о борьбе с терроризмом. Ему было отказано в общении с адвокатом в течение первых 24 часов, затем первая консультация состоялась под наблюдением полицейского. Полицейский предупредил обоих о том, что не следует упоминать имен и передавать какую-либо информацию, которая может помочь подозреваемому. Суд постановил, что если адвокат не может беседовать с клиентом и получать инструкции в обстановке конфиденциальности, без осуществления над ними надзора, его помощь практически утрачивает смысл, а ст. 6(3)(с) не может иметь эффект. В то же время, Суд признал, что при определенных обстоятельствах данное право может быть ограничено; вопрос же о соответствии требованиям справедливости, согласно ст. 6, следует исследовать в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела. В данной ситуации национальные власти не утверждали, что адвокат, возможно, пойдет на сотрудничество в целях передачи информации всем подозреваемым, и оставалось неясным, могло ли присутствие полицейского воспрепятствовать передаче, например, зашифрованного сообщения. Суд сделал заключение о том, что обстоятельства, вынуждающие наложить ограничения, в данном случае отсутствовали, то есть имело место нарушение ст. 6(3)(с).

В связи с вышеупомянутым делом Суд также постановил, что ограничение права на общение с адвокатом в обстановке приватности должно не только быть вызвано вынуждающими обстоятельствами, но и являться пропорциональной реакцией на установленную необходимость. Суд отметил, что, несмотря на то что полицейские присутствовали лишь на одной встрече заявителя с адвокатом, его присутствие могло помешать заявителю открыто говорить с адвокатом, с учетом того факта, что заявитель сделал ряд признаний на первых допросах, и что адвокату было запрещено присутствовать на последующих допросах. Таким образом, имелась вероятность, что заявитель будет давать на данных допросах такие ответы, которые будут иметь необратимые последствия для его защиты на суде, то есть предоставление заявителю возможности беседовать с адвокатом в приватной обстановке имело ключевое значение.

Конвенция, как правило, исключает право на жалобу в связи с действиями частного лица, в том числе адвоката, даже если он официально назначен судом. В то же время, при некоторых обстоятельствах качество правового представительства бывает настолько низким, что это позволяет привлечь ст. 6(3)(с). В силу того, что государство обязано гарантировать эффективность правовой помощи, ответственные власти должны вмешиваться в ситуации, когда неспособность адвокатов эффективно представить интересы обвиняемого очевидна, либо доведена до их сведения каким-либо иным способом.

- В деле **Daud v Portugal (1998 г.)** заявитель, гражданин Аргентины, был арестован в Португалии в марте 1992 г. на основании наличия у него большого количества кокаина. В рамках правовой помощи был незамедлительно назначен адвокат, однако он ни разу не говорил с заявителем до января 1993 г., когда был отстранен по состоянию здоровья. Суд назначил нового адвоката за три дня до рассмотрения дела заявителя. Данный адвокат представлял его на суде, а также подал апелляцию против обвинительного приговора – в день вынесения обвинительного приговора – в Верховный Суд. Верховный Суд отклонил апелляцию. Суд принял во внимание тот факт, что заявитель пытался защищать себя сам в тот период времени, когда первый адвокат не вступал с ним в контакт. В связи со вторым адвокатом Суд отметил, что ее назначение за три дня до слушания дела означало, что у нее не было достаточного времени для изучения материалов и нанесения визита клиенту в тюрьме. Суд постановил, что, в нарушение ст. 6(3)(с), имело место необеспечение эффективного правового представительства.
- В деле **Czekalla v Portugal (2002 г.)** заявитель, гражданин Германии, был арестован за торговлю наркотиками. На ранней стадии судебного процесса заявителю был назначен адвокат в рамках предоставления правовой помощи. По запросу заявителя в ходе слушания дела был назначен новый адвокат. После вынесения заявителю обвинительного приговора его адвокат подала апелляцию в Верховный Суд. Верховный Суд отклонил апелляцию на том основании, что адвокат не включила в возражение против приговора никаких доводов, а просто заявила о нарушении ряда законов. Признав нарушение ст. 6(3)(с), Суд отметил небрежность адвоката при соблюдении формальностей, которая лишила заявителя такого средства правовой защиты, как апелляция, на фоне обвинения в серьезном правонарушении и того факта, что заявитель являлся иностранцем.
- В деле **Sannino v Italy (2006 г.)** Суд признал неспособность внутреннего суда исправить вопиющие недостатки защиты. Назначенный судом адвокат был проинформирован о дате слушаний, однако ни он сам, ни заявитель не были проинформированы о том, что данный адвокат назначен для представления интересов обвиняемого. Адвокат не явился на слушания, и суд постановлял заменять его разными адвокатами на каждом отдельном слушании. В результате этого свидетели из списка заявителя ни разу не вызывались и не опрашивались. Суд также признал, что неспособность заявителя привлечь внимание суда к проблемам, возникшим с его защитой, само по себе не освобождало суд первой инстанции от обязанности гарантировать обвиняемому эффективное правовое представительство. В силу того, что недостатки защиты в данном случае были явными, суд первой инстанции должен был вмешаться, а не приняв меры для обеспечения эффективного правового представительства и защиты обвиняемого, суд нарушил ст. 6(3)(с).

Следует, однако, отметить, что основанием для признания нарушения ст. 6(3)(с) могут служить лишь недостатки правового представительства, которые могут быть вменены в вину государственным органам власти. В деле **Tripodi v Italy (1994 г.)** адвокат заявителя был болен и не смог присутствовать на слушании дела в Кассационном Суде, который отклонил его запрос об отсрочке и принял решение по делу в его отсутствие на основании письменных заявлений. В силу того, что адвокат приложил недостаточно усилий для того, чтобы найти себе замену на день слушания, Суд не признал ситуацию нарушением вышеуказанного положения.

Вопросы:

1. На каких условиях национальное законодательство обеспечивает безвозмездную юридическую защиту лицам, обвиняемым в совершении уголовных правонарушений?
2. Каковы возможные ограничения на общение с адвокатом, предусмотренные национальным законодательством?
3. Каковы возможные ограничения на общение с адвокатом на досудебной стадии?
4. Какие меры, как правило, принимаются в национальной судебной практике для обеспечения обвиняемому эффективной правовой защиты?

5.4 Право на допрос свидетелей – статья 6(3)(d)

Слово «свидетель» имеет в ст. 6(3)(d) автономное значение и не ограничивается лицами, дающими показания в режиме реального времени на суде. Сюда также относятся составители заявлений, зачитываемых в суде или представляемых суду первой инстанции иным способом и принимаемые судом к сведению (*Kostowski v Netherlands (1989 г.)*). Сюда также относятся показания других обвиняемых, когда они в значительной степени служат основанием для обвинительного приговора и, таким образом, являются доказательствами, с точки зрения обвинения (*Luca v Italy (2001 г.)*). Ст. 6 не предписывает свидетелям проявлять независимость и беспристрастность, в отличие от суда. Таким образом, эксперты считаются «свидетелями», с точки зрения ст. 6(3)(d), за исключением тех случаев, когда они назначаются судом, имеют определенные процессуальные привилегии и должны соблюдать определенные условия нейтральности (см. цитируемые выше дела *Bönisch* и *Brandstetter*, гл. 3.3.2.).

Ст. 6(3)(d) гарантирует право на обеспечение явки и допрос свидетелей защиты, а также право на допрос и вызов для допроса свидетелей обвинения. Данное положение следует рассматривать как в контексте системы обвинения – когда стороны, на которые распространяется юрисдикция суда, решают, кого из свидетелей вызвать – так и в контексте системы следствия – когда суд сам принимает решение о том, кого из свидетелей хочет допросить. В случае с первой системой допрос и перекрестный допрос свидетелей осуществляются сторонами или их представителями, хотя судья также может задавать дополнительные вопросы, в то время, как в случае со второй системой допрос свидетелей проводит, как правило, суд. Как было упомянуто выше, обе системы, в принципе, соответствуют требованиям Конвенции, однако для определения того, соответствуют ли судебные процедуры в целом требованиям ст. 6(3)(d) и ст. 6(1) в совокупности, Суду необходимо учитывать местную специфику в данной связи.

5.4.1 Право на вызов свидетелей защиты

Ст. 6(3)(d) не требует обеспечения явки и допроса всех свидетелей, которых защита предполагает вызвать. Основной целью ст. 6(3)(d), как гласит фраза: «обеспечение явки и допроса свидетелей в свою пользу на тех же условиях, что свидетелей обвинения», является полное равноправие сторон, с точки зрения допроса свидетелей. Национальное законодательство может предусматривать условия для допуска свидетелей, в частности, ответственные судебные органы вполне могут отклонить вызов свидетеля, если посчитают, что его показания не будут иметь отношения к делу (см. дело *Vidal v Belgium (1992 г.)*).

- В деле *Vidal v Belgium (1992 г.)* заявитель являлся начальником тюрьмы, которому было предъявлено обвинение в поставке оружия заключенному в целях организации побега. Заключенный был впоследствии пойман, и при аресте в его кармане была найдена содержащая обещания записка, написанная заявителем. Против заявителя и заключенного было возбуждено дело. Суд первой инстанции заслушал четырех свидетелей, вызванных заявителем, которые дали

показания о том, что заявитель не поставлял оружия. Он был оправдан, а заключенный был признан виновным. При рассмотрении апелляции суд признал заявителя виновным, основав свое решение на утверждениях заключенного и записке с обещаниями. Заявитель попросил апелляционный суд вызвать четырех свидетелей; суд отклонил эту просьбу; он на самом деле не вызвал ни одного свидетеля. Суд отметил, что, заменяя постановление суда первой инстанции собственным, апелляционный суд не обладал никакими новыми доказательствами, не считая устных заявлений заявителя и его обвиняемого. Таким образом, апелляционный суд основал свое решение на материалах, приобщенных к делу. Суд также отметил, что апелляционный суд совсем не рассматривал ходатайство заявителя о вызове свидетелей. Суд постановил, что это не соответствовало концепции справедливого суда, согласно ст. 6.

- В деле **Solakov v Former Yugoslav Republic of Macedonia (2001 г.)** заявитель, подозревавшийся в транспортировке наркотиков, жаловался на то, что ему не было предоставлено возможности вызвать двоих свидетелей защиты. Суд отметил, что заявителю была предоставлена возможность запросить вызов данных свидетелей на стадии досудебного расследования и затем в ходе судебного процесса. Заявитель, однако, не запросил их явку ни на одной из указанных стадий, кроме последней, наступившей при рассмотрении дела. Суд также отметил, что адреса лиц, которых заявитель собирался вызвать, были неизвестны, что серьезно затрудняло их появление на суде. Суд пришел к заключению, что права защиты, согласно ст. 6(3)(d), не были ограничены до той степени, чтобы заявителю не был обеспечен справедливый суд в рамках ст. 6(1) и ст. (3) (d).
- В деле **Perna v Italy (2003 г.)** заявитель являлся журналистом, который обвинялся в уголовном правонарушении в виде дискредитации главного государственного обвинителя, которого заявитель обвинил в ненадлежащих политических пристрастиях. Заявитель запросил разрешение на допуск в качестве доказательств двух статей в прессе, а также обязательную явку пострадавшего для дачи показаний. Он повторил свой запрос на стадии апелляции и попросил пригласить двоих свидетелей; среди прочего, он утверждал, что эти свидетели подтвердят ненадлежащие политические взгляды пострадавшего. Суд отметил, что внутренние суды полностью рассмотрели данные вопросы, и не изменил своей оценки того факта, что для принятия решения по фактическим обстоятельствам дела не было необходимости в дополнительных доказательствах. Таким образом, нарушения ст. 6(1) и ст. 6(3)(d) в совокупности не было.

Согласно доктрине «четвертой инстанции», именно национальный суд определяет, следует ли и имеет ли смысл вызывать на слушания по делу конкретного свидетеля, и, при условии соблюдения принципа равноправия сторон, устанавливает факты нарушения лишь при исключительных обстоятельствах (см. цитируемые выше дела **Vidal** и **Bricmont**). Национальный суд может отказаться заслушать свидетеля на том основании, что его заявление не будет относиться к делу, но даже в тех случаях, когда показания имеют отношение к делу, суд выполняет свои обязательства, если принимает все необходимые меры в стремлении обеспечить явку свидетеля в суд (**Thomas v United Kingdom (dec.)(2005 г.)**). Суд, однако, обнаружил нарушение ст. 6 (3)(d) в ситуации, когда национальный суд удовлетворил запрос о вызове свидетелей для допроса, после чего отозвал свое разрешение без указания причин (**Popov v Russia (2006 г.)**).

Таким образом, лицо, заявляющее о нарушении ст. 6(3)(d) в связи с невозможностью вызвать определенного свидетеля, не только должно доказать, что не могло вызвать данного свидетеля, но также что допрос данного свидетеля был абсолютно необходим для выявления истины, и что невозможность допросить данного свидетеля ущемляет права защиты и наносит ущерб судебному процессу в целом (см. цитируемые выше судебные решения по делам **Krempovskij** и **Butkevicius**).

5.4.2 Право на допрос и вызов для допроса свидетелей обвинения

Право на справедливое слушание обычно предполагает представление всех доказательств в присутствии обвиняемого, согласно принципу состязательности процесса. В то же время, это означает, что автор показаний обязан явиться в суд. Подобные заявления могут использоваться на процессе в условиях, когда права защиты были полностью гарантированы на досудебной стадии. Это означает, что обвиняемому должна предоставляться полноценная возможность задать свидетелю вопросы и оспорить его показания и правдивость. Подобная возможность может предоставляться в момент представления автором своего заявления либо на других стадиях (**Unterpertinger v Austria (1986 г.)**).

- В деле **Isgro v Italy (1991 г.)** заявитель был арестован полицией на основании информации, предоставленной D. Заявителю была известна личность D и в ходе расследования он сообщил властям, что знает D. Судья, занимающийся расследованием, устроил очную ставку заявителя с D, хотя адвокат заявителя не присутствовал на ней. Как D, так и заявитель могли изложить свою версию событий в присутствии другого, а также обращаться друг к другу. Впоследствии национальные власти попытались определить местонахождение D для его явки в качестве свидетеля на суде и при рассмотрении апелляции, однако это им не удалось. Записи допросов D и очной ставки были использованы в суде. Заявитель был признан виновным. Он высказал претензию в связи с использованием заявлений D в качестве доказательств. Суд отметил, что судья, проводивший расследование, и заявитель несколько раз задавали D вопросы на досудебной стадии. Это дало возможность заявителю предоставить судье, ведущему расследование, всю информацию, которая могла бы бросить тень на правдивость показаний свидетеля. Тот факт, что на очной ставке не присутствовал адвокат заявителя, не являлось проблемой, поскольку у самого заявителя была возможность задавать вопросы D. На стадии судебного рассмотрения в первой инстанции и при апелляции заявления D явились частью доказательства, но не центральным и не главным основанием для признания вины заявителя. Суд пришел к выводу о том, что невозможность определить местонахождение D для вызова в суд не была достаточным признаком лишения заявителя права на справедливый суд, и что применение досудебных показаний D в поддержку обвинительного приговора заявителю не являлось нарушением ст. 6(1) в совокупности со ст. 6(3)(d).
- В вышеупомянутом деле **Solakov**, где речь шла об обвинении в транспортировке наркотиков между Македонией и США, судья, ведущий расследование, побывал в США для допроса свидетелей обвинения. Первый адвокат заявителя присутствовал на этих допросах и мог задавать свидетелям вопросы. Свидетелей не вызывали в суд, хотя сделанные ими заявления использовались там как доказательства; заявитель жаловался на нарушение таким образом его прав, согласно ст. 6(3)(d). Суд обратил внимание на отсутствие подтверждения того, что заявитель либо второй адвокат заявителя намеревались присутствовать на допросах свидетелей в США, а также того, что им было отказано в подобной возможности. Таким образом, нарушения ст. 6(3)(d) в данной связи не было.

Несмотря на то что ст. 6 специально не выделяет необходимость учитывать интересы свидетелей, их жизнь может подвергаться опасности вследствие дачи показаний на уголовном процессе. Соответственно, их права защищены другими статьями Конвенции (напр., ст. 2 и 3). Страны-участницы Конвенции обязаны организовать уголовный процесс таким образом, чтобы интересы свидетелей, включая жертву, не подвергались неоправданному риску (**Doorson v Netherlands (1996 г.)**). По этой причине странам-участницам Конвенции, возможно, необходимо принимать компенсирующие меры для приведения в соответствие интересов обвиняемых и интересов свидетелей обвинения.

- В деле **Kostovski v Netherlands (1989 г.)** свидетель, пожелавший не раскрывать свое имя, дал показания в полиции. Данный свидетель принял участие в судебном расследовании и дал показания в отсутствие обвиняемого, его адвоката и прокурора. Даже магистрату, ведущему допрос, не было позволено узнать имя свидетеля. Заявителю была отправлена копия протокола показаний свидетеля и предложено представить свои вопросы магистрату, ведущему допрос. Другой магистрат проводил допрос, в ходе которого задавал свидетелю вопросы заявителя; ни заявитель, ни его адвокат не могли присутствовать на допросе. Заявления данного свидетеля, а также заявления второго свидетеля, который не предстал перед магистратами, ведущими допросы, были использованы на суде в качестве доказательств. Обвинительный приговор заявителя был преимущественно основан на свидетельских показаниях анонимных свидетелей. Признав нарушение ст. 6(3)(d), Суд отметил существенные препятствия, с которыми встретила защита при попытке оспорить надежность анонимных свидетельских показаний, а также тот факт, что имена засекреченных свидетелей не были известны даже суду. Обвинительный приговор, основанный только на показаниях двух анонимных свидетелей, лишь один из которых был допрошен судьей первой инстанции, а также неспособность национального суда взвесить и исследовать причины для принятия данных показаний были также признаны нарушением ст. 6(3)(d) (**Krasniki v Czech Republic (2006 г.)**).
- При рассмотрении дела **Doorson v Netherlands** Суд постановил, что помимо предоставления обвиняемому возможности задавать вопросы анонимным свидетелям и опротестовать их правдивость, необходимы другие меры предосторожности. Во-первых, обвинительный приговор не должен целиком или в значительной мере основываться на анонимных заявлениях. Во-вторых, показания, данные анонимными свидетелями, должны рассматриваться судом с особой осторожностью. В данном деле на стадии апелляции адвокат заявителя присутствовал на допросе засекреченных свидетелей судьей, ведущей расследование, и мог задавать им свои вопросы. Затем судья, ведущая расследование, составила подробный отчет для апелляционного суда с указанием причин, по которым она считала показания анонимных свидетелей надежными. Суд постановил, что сложности, возникшие в данном случае у защиты, были должным образом компенсированы действиями судьи, ведущей расследование. Нарушения ст. 6(3)(d) здесь не было.
- В делах **Ludi v Switzerland (1992 г.)** и **Van Mechelen and Others v Netherlands (1997 г.)** Суд обнаружил нарушение ст. 6(3)(d) ввиду того, что обвинительный приговор заявителя был преимущественно основан на анонимных свидетельских показаниях полицейских. Суд заявил, что полицейские обычно не имеют право скрывать свои имена в ходе уголовного процесса. Суд также постановил, что, несмотря на то что в интересах полицейских и их семей им следует предоставлять защиту, существует четкое разграничение между полицейским и рядовым свидетелем. Полиция обязуется подчиняться государству; в число ее обязанностей, как правило, входит дача показаний на открытом судебном заседании. На этом основании Суд сделал вывод о том, что сокрытие имен полицейских в ходе уголовного процесса может иметь место лишь в исключительных обстоятельствах. Например, полицейский, являющийся секретным агентом, может подвергаться определенной опасности и нуждаться в защите, либо ему может быть необходимо сохранять анонимность, чтобы продолжить работу в качестве секретного агента в дальнейшем. В то же время, подобные ограничения прав защиты в ситуации со всеми анонимными свидетелями должны компенсироваться мерами, позволяющими защите задавать вопросы таким свидетелям и оспаривать их показания и надежность.
- В то же время, в деле **Sapunarescu v Germany (2006 г.)** Суд не обнаружил нарушения ст. 6(3)(d), несмотря на то что полицейский осведомитель, выступавший как основной свидетель обвинения, ни разу не был допрошен лично. В данном деле заявителю было предъявлено обвинение в транспортировке наркотиков, и министерство внутренних дел отказалось дать разрешение полицейскому осведомителю представить свидетельские показания, опасаясь

возмездия со стороны наркоторговцев. Он лишь представил письменные ответы на вопросы заявителя, переданные ему его полицейским куратором, который как раз должен был отвечать на вопросы в суде. Признав что нарушения права на справедливый суд не было, Суд посчитал, что, несмотря на то, что осведомитель был основным свидетелем обвинения, обвинительный приговор заявителя был преимущественно основан не на его утверждениях, а на признании заявителя и двух сообвиняемых. В свою очередь, национальный суд с осторожностью отнесся к письменным показаниям осведомителя и задал курирующему полицейскому прямые вопросы, позволяющие оценить надежность данного осведомителя.

В уголовных делах, связанных с преступлениями на сексуальной почве, в особенности когда пострадавшим является ребенок, Суд считает необходимым принятие определенных мер по защите жертвы при том условии, что это будет согласовано с адекватным и эффективным осуществлением прав защиты. Так, в деле **S.N. v Sweden (2002 г.)** Суд не обнаружил нарушения ст. 6(3)(d) при вынесении обвинительного приговора школьному учителю за посягательства сексуального характера на 10-летнего ученика. Основным доказательством преступления служила видеозапись допроса мальчика специально обученным полицейским. Согласно национальному законодательству, в подобных случаях ребенка редко вызывают для дачи показаний на суде по причине возможного нанесения психологической травмы. Суд посчитал, что, с точки зрения ст. 6, было достаточно присутствия адвоката обвиняемого на допросе ребенка либо предоставления любых вопросов, которые защита хотела задать мальчику, полицейскому.

5.5 Безвозмездная помощь переводчика – статья 6(3)(e)

Согласно положениям ст. 6(3)(e), обвиняемый имеет право на «безвозмездную помощь переводчика, если не понимает и не говорит на языке, используемом судом». Если обвиняемый должным образом понимает и говорит на языке суда, у него нет права на помощь переводчика при осуществлении защиты на иностранном языке. Принято считать, что неспособность в принципе понимать и говорить в связи с наличием физического недостатка (глухоты или немоты) также является невозможностью понимать и говорить на языке суда, согласно ст. 6(3)(e), что дает право на «безвозмездную помощь» соответствующего переводчика. Уровень понимания, а также способности говорить, на котором основано право на безвозмездную помощь, должен быть вопросом факта и степени и оказывать влияние на степень оказания необходимой «помощи». В общем, однако, считается, что обвиняемый должен быть в состоянии, сам либо с помощью переводчика, понимать и участвовать в судебном процессе до той степени, которая гарантирует ему справедливость судебного процесса.

Право обвиняемого на бесплатную помощь переводчика является абсолютным. Слово «бесплатный» означает не только бесплатное предоставление обвиняемому услуг переводчика в ходе рассмотрения дела, но и невозможность предъявления органами власти требования о возмещении расходов по завершении уголовного процесса (**Luedicke, Belkacem and Koc v Germany (1978 г.)**). Ст. 6(3)(e), кроме того, распространяется на письменный перевод ряда материалов дела, однако не всей связанной с ним документации. В ходе рассмотрения дела сюда относятся устный и письменный перевод всех документов и заявлений, которые обращены против обвиняемого и которые ему важно понять или представить на языке суда для того, чтобы воспользоваться преимуществом справедливого суда. Это, однако, не означает, что необходимо предоставить перевод всех печатных свидетельских показаний и официальных документов по данному процессу (**Kamasinski v Austria (1989 г.)**). Предполагается, что переводчик должен иметь возможность помочь обвиняемому в получении информации о возбужденном против него деле и осуществлении своей защиты. Суд, рассматривающий дело, несет ответственность за то, чтобы отсутствие переводчика не нанесло ущерб полноценному участию обвиняемого в решении вопросов, имеющих для него ключевое значение.

- В деле **Cuscani v United Kingdom (2002 г.)** у заявителя был итальянский ресторан в Англии. Ему было предъявлено обвинение в ряде нарушений налогового законодательства и вынесен обвинительный приговор. В ходе нескольких предварительных слушаний адвокат заявителя ни разу не упомянул о том, что ему необходим переводчик. В то же время на суде адвокат заявил, что подзащитный с трудом понимает по-английски, и что им было сложно объясняться. Суд первой инстанции сделал перерыв в слушаниях для привлечения переводчика. Однако когда процесс возобновился, переводчик в суде не появился. Адвокат заявителя предложил, чтобы брат заявителя помогал при возникновении необходимости. Заявитель был признан виновным и приговорен к определенному сроку заключения. Суд отметил, что судья, рассматривавший дело, был предупрежден о сложностях обвиняемого. Подтверждение того, что заявителю была необходима помощь переводчика, судья должен был получить, проконсультировавшись с заявителем, в особенности, учитывая тот факт, что адвокат сообщил о своих сложностях в общении с клиентом. Суд также указал на серьезность грозившего заявителю наказания. На основании этого, Суд постановил, что в обязанности судьи входило удостовериться в том, что отсутствие переводчика не нанесло ущерб полноценному участию обвиняемого в решении вопросов, имеющих для него ключевое значение. Суд пришел к заключению, что это не было сделано; в данном случае имело место нарушение ст. 6(3)(e).

Согласно ст. 6(3)(e), обязанности ответственных органов власти не ограничиваются одним лишь назначением переводчика – они могут распространяться на осуществление определенного контроля над последовательной адекватностью перевода, при уведомлении о необходимости подобного контроля (см. цитируемое выше дело **Kamasinski**). Это может включать в себя, например, замену несоответствующего требованиям переводчика.

6 УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ

Постановления

A. v United Kingdom (2002) (Appl. No. 35373/97, 17 December 2002)	27
Adolf v Austria (1982) (Appl. No. 8269/78, 26 March 1982)	67
Aerts v Belgium (1998) (Appl. No. 25357/94, 30 July 1998)	10
Agosi v United Kingdom (1986) (Appl. No. 9118/80, 24 October 1986)	65
Airey v Ireland (1979) (Appl. No. 6289/73, 9 October 1979)	24
Al-Adsani v United Kingdom (2001) (Appl. No. 35763/97, 21 November 2001)	10, 27
Albert and Le Compte v Belgium (1983) (Appl. Nos. 7299/75 and 7496/76, 10 February 1983)	22, 73
Allan Jacobsson v Sweden (No. 2) (1998) (Appl. No. 10842/84, 19 February 1998)	45
Allan v United Kingdom (2002) (Appl. No. 48539/99, 5 November 2002)	54
Allenet de Ribemont v France (1995) (Appl. No. 15175/89, 10 February 1995)	65
Arma v France (2007) (Appl. No. 23241/04, 8 March 2007)	23
Arnolin and Others and 24 Others v France (2007) (Appl. Nos. 20127/03, 31795/03, 35937/03, 2185/04, 4208/04, 12654/04, 15466/04, 15612/04, 27549/04, 27552/04, 27554/04, 27560/04, 27566/04, 27572/04, 27586/04, 27588/04, 27593/04, 27599/04, 27602/04, 27605/04, 27611/04, 27615/04, 27632/04, 34409/04 and 12176/05, 9 January 2007)	44
Artico v Italy (1980) (Appl. No. 6694/74, 13 May 1980)	80
Ashingdane v United Kingdom (1985) (Appl. No. 8225/78, 28 May 1985)	22, 23
Assanidze v Georgia (2004) (Appl. No. 71503/01, 8 April 2004)	29
Aubert and Others and 8 Others v France (2007) (Appl. Nos. 31501/03, 31870/03, 13045/04, 13076/04, 14838/04, 17558/04, 30488/04, 45576/04 and 20389/05, 9 January 2007)	44
Augusto v France (2007) (Appl. No. 71665/01, 11 January 2007)	43
Axen v Germany (1983) (Appl. No. 8273/78, 8 December 1983)	46, 48, 49
B. and P. v United Kingdom (2001) (Appl. Nos. 36337/97 and 35974/97, 24 April 2001)	49, 50
B. v Austria (1990) (Appl. No. 11968/86, 28 March 1990)	64
Baggetta v Italy (1987) (Appl. No. 10256/83, 25 June 1987)	60
Bakan v Turkey (2007) (Appl. No. 50939/99, 12 June 2007)	25
Balmer-Schafroth and Others v Switzerland (1997) (Appl. No. 22110/93, 26 August 1997)	8
Baraona v Portugal (1987) (Appl. No. 10092/82, 8 July 1987)	10, 11, 63
Barbera, Messegue and Jabardo v Spain (1988) (Appl. No. 10590/83, 6 December 1988)	38, 52
Beckles v United Kingdom (2002) (Appl. No. 44652/98, 8 October 2002)	54, 56
Belilos v Switzerland (1988) (Appl. No. 10328/83, 29 April 1988)	30, 32, 33
Belukha v Ukraine (2006) (Appl. No. 33949/02, 9 November 2006)	34
Bentham v Netherlands (1985) (Appl. No. 8848/80, 23 October 1985)	4, 5, 8, 10, 22, 30, 31
Berlinski v Poland (2002) (Appl. Nos. 27715/95 and 30209/96, 20 June 2002)	77
Bernard v France (1998) (Appl. No. 22885/93, 23 April 1988)	2
Bertuzzi v France (2003) (Appl. No. 36378/97, 13 February 2003)	25
Bohmer v Germany (2002) (Appl. No. 37568/97, 3 October 2002)	66
Boldea v Romania (2007) (Appl. No. 19997/02, 15 February 2007)	58
Bönisch v Austria (1985) (Appl. No. 8658/79, 6 May 1985)	42, 82
Borgers v Belgium (1991) (Appl. No. 12005/86, 30 October 1991)	41
Botmeh and Alami v United Kingdom (2007) (Appl. No. 15187/03, 7 June 2007)	39
Bottazzi v Italy (1999) (Appl. No. 34884/97, 28 July 1999)	60
Brandstetter v Austria (1991) (Appl. Nos. 11170/84; 12876/87; 13468/87, 28 August 1991)	38, 82
Brennan v United Kingdom (2001) (Appl. No. 39846/98, 16 October 2001)	80
Bricmont v Belgium (1989) (Appl. No. 10857/84, 7 July 1989)	39, 74, 83
Brozicek v Italy (1989) (Appl. No. 10964/84, 19 December 1989)	72
Brumarescu v Romania (1999) (Appl. No. 28342/95, 28 October 1999)	28
Buchholz v Germany (1981) (Appl. No. 7759/77, 6 May 1981)	62
Buj v Croatia (2006) (Appl. No. 24661/02, 1 June 2006)	11

Bujnita v Moldova (2007) (Appl. No. 36492/02, 16 January 2007)	28
Burdov v Russia (2002) (Appl. No. 59498/00, 7 May 2002).....	28, 29
Butkevicius v Lithuania (2002) (Appl. No. 48297/99, 26 March 2002)	56, 66
Buzescu v Romania (2005) (Appl. No. 61302/00, 24 May 2005)	30
Campbell and Fell v United Kingdom (1984) (Appl. Nos. 7819/77 and 7878/77, 28 June 1984).....	17, 23, 32, 33, 49, 70, 73, 77
Capuano v Italy (1987) (Appl. No. 9381/81, 25 June 1987).....	60
Chahal v United Kingdom (1996) (Appl. No. 22414/93, 15 November 1996).....	18, 39
Chevrol v France (2003) (Appl. No. 49636/99, 13 February 2003).....	4, 22
Chichlian and Ekindjian v France (1989) (Appl. No. 10959/84, 29 November 1989)	72
Ciorap v Moldova (2007) (Appl. No. 12066/02, 19 June 2007).....	26
Cocchiarella v Italy (2006) (Appl. No. 64886/01, 29 March 2006)	60
Colozza v Italy (1985) (Appl. No. 9024/80, 12 February 1985).....	47
Condron v United Kingdom (2000) (Appl. No. 35718/97, 2 May 2000)	54
Cooper v United Kingdom (2003) (Appl. No. 48843/99, 16 December 2003).....	33
Cordova v Italy (2003): Cordova v Italy (No. 1) (2003) (Appl. No. 40877/98, 30 January 2003), Cordova v Italy (No. 2) (2003) (Appl. No. 45649/99, 30 January 2003).....	27
Cuscani v United Kingdom (2002) (Appl. No. 32771/96, 24 September 2002)	87
Czekalla v Portugal (2002) (Appl. No. 38830/97, 10 October 2002)	81
Dallos v Hungary (2001) (Appl. No. 29082/95, 1 March 2001)	71
Daud v Portugal (1998) (Appl. No. 22600/93, 21 April 1998).....	81
De Cubber v Belgium (1984) (Appl. No. 9186/80, 26 October 1984)	34
De Wilde, Ooms and Versyp (“Vagrancy”) v Belgium (1971) (Appl. Nos. 2832/66; 2835/66; 2899/66, 18 June 1971)	30
Delcourt v Belgium (1970) (Appl. No. 2689/65, 17 July 1970).....	20
Demicoli v Malta (1991) (Appl. No. 13057/87, 27 August 1991)	15
Deumeland v Germany (1986) (Appl. No. 9384/81, 29 May 1986)	11, 21
Deweere v Belgium (1980) (Appl. No. 6903/75, 27 February 1980).....	21
Diennet v France (1995) (Appl. No. 18160/91, 26 September 1995)	47, 49
Doorson v Netherlands (1996) (Appl. No. 20524/92, 26 March 1996)	84, 85
Dowsett v United Kingdom (2003) (Appl. No. 39482/98, 24 June 2003).....	40, 74
Dubinskaya v Russia (2006) (Appl. No. 4856/03, 13 July 2006).....	22
Dunayev v Russia (2007) (Appl. No. 70142/01, 24 May 2007).....	22
Eckle v Germany (1982) (Appl. No. 8130/78, 15 July 1982)	20, 62
Edwards and Lewis v United Kingdom (2004) (Appl. Nos. 39647/98 and 40461/98, 27 October 2004)	40, 51
Edwards v United Kingdom (1992) (Appl. No. 13071/87, 16 December 1992).....	39
Ekbatani v Sweden (1988) (Appl. No. 10563/83, 26 May 1988).....	21, 46
Engel and Others v Netherlands (1976) (Appl. Nos. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72, 8 June 1976).....	15, 17, 18, 31, 76
Erkner and Hofauer v Austria (1987) (Appl. No. 9616/81, 23 April 1987).....	11
Esposito v Italy (2007) (Appl. No. 35771/03, 27 November 2007)	27
Ettl and Others v Austria (1987) (Appl. No. 9273/81, 23 April 1987).....	31
Ezeh and Connors v United Kingdom (2003) (Appl. No. 39665/98 and 40086/98, 09 October 2003)	15, 17, 76
Fadeyeva v Russia (2005) (Appl. No. 55723/00, 9 June 2005)	28
Farhi v France (2007) (Appl. No. 17070/05, 16 January 2007).....	34
Fayed v United Kingdom (1994) (Appl. No. 17101/90, 21 September 1994).....	8
Fejde v Sweden (1991) (Appl. No. 12631/87, 29 October 1991)	21
Feldbrugge v Netherlands (1986) (Appl. No. 8562/79, 29 May 1986)	11
Fogarty v United Kingdom (2001) (Appl. No. 37112/97, 21 November 2001).....	27
Foti and Others v Italy (1982) (Appl. Nos. 7604/76, 7719/76, 7781/77, 7913/77, 10 December 1982)	20

Foucher v France (1997) (Appl. No. 22209/93, 18 March 1997)	44
Fredin v Sweden (1991) (Appl. 12033/86, 18 February 1991)	10
Funke v France (1993) (Appl. No. 10828/84, 25 February 1993).....	53
G.B. v France (2001) (Appl. No. 44069/98, 2 October 2001).....	73, 75
Ganci v Italy (2003) (Appl. No. 41576/98, 30 October 2003).....	10, 22
Garcia Ruiz v Spain (1999) (Appl. No. 30544/96, 21 January 1999)	59
Gea Catalan v Spain (1995) (Appl. No. 19160/91, 10 February 1995)	71
Geerings v Netherlands (2007) (Appl. No. 30810/03, 1 March 2007).....	65
Georgiadis v Greece (1997) (Appl. No. 21522/93, 27 February 1996)	5
Georgios Papageorgiou v Greece (2003) (Appl. No. 59506/00, 9 May 2003)	40
Gillow v United Kingdom (1986) (Appl. No. 9063/80, 24 November 1986).....	11, 36
Goc v Turkey (2002) (Appl. No. 36590/97, 11 July 2002)	10, 45, 47
Gocmen v Turkey (2006) (Appl. No. 72000/01, 17 October 2006)	52
Golder v United Kingdom (1975) (Appl. No. 4451/70, 21 February 1975)	22, 23, 61
Granger v United Kingdom (1990) (Appl. No. 11932/86, 28 March 1990).....	24, 77
Guincho v Portugal (1984) (Appl. No. 8990/80, 10 July 1984)	62
Gutfreund v France (2003) (Appl. No. 45681/99, 12 June 2003).....	7
Guzzardi v Italy (1980) (Appl. No. 7367/76, 6 November 1980)	18
H. v Belgium (1987) (Appl. No. 8950/80, 30 November 1987)	4, 10, 30, 31, 41, 58
H. v France (1989) (Appl. No. 10073/82, 24 October 1989)	59
H. v United Kingdom (1987) (Appl. No. 9580/81, 8 July 1987).....	61, 62, 63
Hadjianastassiou v Greece (1992) (Appl. No. 12945/87, 16 December 1992).....	24, 59, 75
Hakansson and Stuesson v Sweden (1990) (Appl. No. 11855/85, 21 February 1990)	11
Harutyunyan v Armenia (2007) (Appl. No. 36549/03, 28 June 2007)	52
Hatton and Others v United Kingdom (2003) (Appl. No. 36022/97, 8 July 2003)	28
Hauschildt v Denmark (1989) (Appl. No. 10486/83, 24 May 1989)	35
Heglas v Czech Republic (2007) (Appl. No. 5935/02, 1 March 2007).....	51
Hennings v Germany (1992) (Appl. No. 12129/86, 16 December 1992)	71
Hiro Balani v Spain (1994) (Appl. No. 18064/91, 9 December 1994)	58
Hirvisaari v Finland (2001) (Appl. No. 49684/99, 27 September 2001)	58
Holm v Sweden (1993) (Appl. No. 14191/88, 25 November 1993).....	37
Incal v Turkey (1998) (Appl. No. 22678/93, 9 June 1998)	33
Isgro v Italy (1991) (Appl. No. 11339/85, 19 February 1991).....	84
J.B. v Switzerland (2001) (Appl. No. 31827/96, 3 May 2001)	53
Jalloh v Germany (2006) (Appl. No. 54810/00, 11 July 2006)	52
Janosevic v Sweden (2002) (Appl. No. 34619/97, 23 July 2002).....	13, 18
Jasinski v Poland (2005) (Appl. No. 30865/96, 20 December 2005)	35
Jasiuniene and Others v Lithuania (2003) (Appl. No. 41510/98, 6 March 2003).....	11, 29
Jespers v Belgium (1981) [Commission Report] (Appl. No. 8403/78, 14 December 1981)	74
John Murray v United Kingdom (1996) (Appl. No. 18731/91, 8 February 1996)	55, 78
Jussila v Finland (2006) (Appl. No. 73053/01, 23 November 2006)	13, 18, 45
Kamasinski v Austria (1989) (Appl. No. 9783/82, 19 December 1989).....	70, 72, 74, 86, 87
Karatas and Sari v France (2002) (Appl. No. 38396/97, 16 May 2002)	77
Khan v United Kingdom (2000) (Appl. No. 35394/97, 12 May 2000).....	54
Kleyn and Others v Netherlands (2003) (Appl. Nos. 39343/98, 39651/98, 43147/98 and 46664/99, 6 May 2003).....	36
Koendjiharie v Netherlands (1990) (Appl. No. 11487/85, 25 October 1990).....	20
Kok v Turkey (2006) (Appl. No. 1855/02, 19 October 2006)	10
König v Germany (1978) (Appl. No 6232/73, 28 June 1978)	10, 60, 61
Kostovski v Netherlands (1989) (Appl. No. 11454/85, 20 November 1989)	85
Kostowski v Netherlands (1989) (Appl. No. 13743/88, 22 February 1994)	82
Krasniki v Czech Republic (2006) (Appl. No. 51277/99, 28 February 2006).....	85

Kremzow v Austria (1993) (Appl. No. 12350/86, 21 September 1993)	46
Kreuz v Poland (2001) (Appl. No. 28249/95, 19 June 2001).....	25
Krombach v France (2001) (Appl. No. 29731/96, 13 February 2001).....	47
Kudla v Poland (2000) (Appl. No. 30210/96, 26 October 2000)	60
Kuznetsov and Others v Russia (2007) (Appl. No. 184/02, 11 January 2007)	58
Kyprianou v Cyprus (2005) (Appl. No. 73797/01, 15 December 2005)	16, 34, 35
Kyrtatos v Greece (2003) (Appl. No. 41666/98, 22 May 2003).....	29
Langborger v Sweden (1989) (Appl. No. 11179/84, 22 June 1989).....	32
Lavents v Latvia (2002) (Appl. No. 58442/00, 28 November 2002).....	31, 34, 66
Le Compte, Van Leuven and De Meyere v Belgium (1981) (Appl. Nos. 6878/75; 7238/75, 23 June 1981).....	5, 21, 36
Liakopoulou v Greece (2006) (Appl. No. 20627/04, 24 May 2006).....	22
Lithgow and Others v United Kingdom (1986) (App. Nos. 9006/80, 9262/81, 9263/81, 9265/81, 9266/81, 9313/81, 9405/81, 8 July 1986)	11, 23, 31, 32
Luca v Italy (2001) (Appl. No. 33354/96, 27 February 2001).....	82
Ludi v Switzerland (1992) (Appl. No. 12433/86, 15 June 1992).....	85
Luedicke, Belkacem and Koc v Germany (1978) (Appl. Nos. 6210/73; 6877/75; 7132/75, 28 November 1978)	86
Lupas and Others v Romania (2006) (Appl. Nos. 1434/02, 35370/02 and 1385/03, 14 December 2006).....	23
Lutz v Germany (1987) (Appl. No. 9912/82, 25 August 1987).....	15, 65, 67
M.S. v Sweden (1997) (Appl. No. 20837, 27 August 1997)	6
Maaouia v France (2000) (Appl. No. 39652/98, 5 October 2000).....	13
Magee v United Kingdom (2000) (Appl. No. 28135/95, 6 June 2000).....	79
Makhfi v France (2004) (Appl. No. 59335/00, 19 October 2004)	43
Mamatkulov and Askarov v Turkey (2005) (Appl. Nos. 46827/99 and 46951/99, 4 February 2005)	57
Markovic and Others v Italy (2006) (Appl. No. 1398/03, 14 December 2006).....	7, 26
Marpa Zeeland B.V. and Metal Welding B.V. v Netherlands (2004) (Appl. No. 46300/99, 9 November 2004)	24
Martinie v France (2006) (Appl. No. 58675/00, 12 April 2006)	45
Martins Moreira v Portugal (1988) (Appl. No. 11371/85, 26 October 1988)	61, 63
Mats Jacobsson v Sweden (1990) (Appl. No. 11309/84, 28 June 1990).....	11
Mattei v France (2006) (Appl. No. 34043/02, 19 December 2006).....	71
Mattoccia v Italy (2000) (Appl. No. 23969/94, 25 July 2000).....	70, 72
McGinley and Egan v United Kingdom (1998) (Appl. Nos. 21825/93 ; 23414/94, 9 June 1998)	43
McMichael v United Kingdom (1995) (Appl. No. 16424/90, 24 February 1995)	39
Mehmet and Suna Yepet v Turkey (2007) (Appl. No. 52658/99, 17 July 2007)	25
Melnyk v Ukraine (2006) (Appl. No. 23436/03, 28 March 2006)	22
Menet v France (2005) (Appl. No. 39553/02, 14 June 2005)	44
Mezmaric v Croatia (2005) (Appl. No. 71615/01, 15 July 2005)	37
Milasi v Italy (1987) (Appl. No. 10527/83, 25 June 1987)	60
Minelli v Switzerland (1983) (Appl. No. 8660/79, 25 March 1983).....	65, 67
Miroux v France (2006) (Appl. No. 73529/01, 26 September 2006).....	71
Monnell and Morris v United Kingdom (1987) (Appl. Nos. 9562/81 and 9818/82, 02 March 1987)	23, 38, 76
Mustafa v France (2003) (Appl. No. 63056/00, 17 June 2003)	5
Neumeister v Austria (1968) (Appl. No. 1936/63, 27 June 1968)	41
O. v Norway (2003) (Appl. No. 29327/95, 11 February 2003)	68
O'Halloran and Francis v United Kingdom (2007) (Appl. Nos. 15809/02 and 25624/02, 29 June 2007)	55
Ocalan v Turkey (2003) (Appl. No. 46221/99, 12 March 2003).....	73

Okyay and Others v Turkey (2005) (Appl. No.36220/97, 12 July 2005).....	29
Olsson v Sweden (1988) (Appl. No. 10465/83, 24 March 1988)	10
Osman v United Kingdom (1998) (Appl. No. 23452/94, 28 October 1998).....	26
Ozturk v Germany (1984) (Appl. No. 8544/79, 21 February 1984).....	18
Pakelli v Germany (1983) (Appl. No. 8398/78, 25 April 1983)	76
Papon v France (2002) (Appl. No. 54210/00, 25 July 2002).....	24
Paul and Audrey Edwards v United Kingdom (2002) (Appl. No. 46477/99, 14 March 2002)	28
Pellegrin v France (1999) (Appl. No. 28541/95, 8 December 1999).....	12
Pellisier and Sassi v France (1999) (Appl. No. 25444/94, 25 March 1999).....	69
Perlala v Greece (2007) (Appl. No. 17721/04, 22 February 2007)	22
Perna v Italy (2003) (Appl. No. 48898/99, 6 May 2003)	83
Perote Pellon v Spain (2002) (Appl. No. 45238/99, 25 July 2002)	35
Petur Thor Sigurdsson v Iceland (2003) (Appl. No. 39731/98, 10 April 2003)	37
Pham Hoang v France (1992) (Appl. No. 13191/87, 25 September 1992)	52
Philis v Greece (1991) (Appl Nos. 12750/87, 13780/88 and 14003/88, 27 August 1991).....	23
Phillips v United Kingdom (2001) (Appl. No. 41087/98, 5 July 2001)	65
Piersack v Belgium (1982) (Appl. No. 8692/79, 1 October 1982)	34
Poitrimol v France (1993) (Appl. No. 14032/88, 23 November 1993).....	47
Popov v Russia (2006) (Appl. No. 26853/04, 13 July 2006)	83
Posokhov v Russia (2003) (Appl. No. 63486/00, 4 March 2003)	31
Powell and Rayner v United Kingdom (1990) (Appl. No. 9310/81, 21 February 1990)	6
Pretto and Others v Italy (1983) (Appl. No. 7984/77, 8 December 1983)	50, 62
Procola v Luxembourg (1995) (Appl. No. 14570/89, 28 September 1995)	11, 36
Pudas v Sweden (1987) (Appl. No. 10426/83, 27 October 1987).....	10
Pullar v United Kingdom (1996) (Appl. No. 22399/93, 10 June 1996).....	37
Quaranta v Switzerland (1991) (Appl. No. 12744/87, 24 May 1991)	77
R. v United Kingdom (1987) (Appl. No. 10496/83, 8 July 1987)	19
Ravnsborg v Sweden (1994) (Appl. No. 14220/88, 23 March 1994)	15
Riepan v Austria (2000) (Appl. No. 35115/97, 14 November 2000)	49
Ringeisen v Austria (1971) (Appl. No. 2614/65, 16 July 1971).....	8, 9, 11, 31, 32, 62
Ringvold v Norway (2003) (Appl. No. 34964/97, 11 February 2003)	65, 68
Roche v United Kingdom (2005) (Appl. No. 32555/96, 19 October 2006).....	7, 26
Rowe and Davis v United Kingdom (2000) (Appl. No. 28901/95, 16 February 2000).....	39
Ruiz Torija v Spain (1994) (Appl. No. 18390/91, 9 December 1994).....	57
Ruiz-Mateos v Spain (1993) (Appl. No. 12952/87, 23 June 1993)	39
Ryabykh v Russia (2003) (Appl. No. 52854/99, 24 July 2003)	28
S. v Switzerland (1991) (Appl. Nos. 12629/87; 13965/88, 28 November 1991).....	80
S.a.r.l. du Parc d'Activites de Blotzheim and SCI Haselaecker v France (2003) (Appl. No. 48897/99, 18 March 2003).....	9, 11
S.C. v United Kingdom (2004) (Appl. No. 60958/00, 15 June 2004).....	48
S.N. v Sweden (2002) (Appl. No. 34209/96, 2 July 2002)	86
Sacilor-Lormines v France (2006) (Appl. No. 65411/01, 9 November 2006)	34
Sadak and Others v Turkey (No 1) (2001) (Appl. Nos. 29900/96, 29901/96, 29902/96 and 29903/96, 17 July 2001).....	70
Salabiaku v France (1988) (Appl. No. 10519/83, 7 October 1988)	52, 55
Salesi v Italy (1993) (Appl. No. 13023/87, 26 February 1993)	12, 64
Salomonsson v Sweden (2002) (Appl. No. 38978/97, 12 November 2002)	45, 47
Salov v Ukraine (2005) (Appl. No. 65518/01, 6 September 2005)	36
Sander v United Kingdom (2000) (Appl. No. 34129/96, 9 May 2000)	37
Sannino v Italy (2006) (Appl. No. 30961/03, 27 April 2006)	81
Sapunarescu v Germany (2006) (Appl. No. 22007/03, 11 September 2006).....	85
Sara Lind Eggertsdottir v Iceland (2007) (Appl. No. 31930/04, 5 July 2007).....	43

Saunders v United Kingdom (1996) (Appl. No. 19187/91, 17 December 1996).....	53
Schenk v Switzerland (1988) (Appl. No. 10862/84, 12 July 1988)	38, 51, 54
Sejdovic v Italy (2006) (Appl. No. 56581/00, 1 March 2006).....	47
Sekanina v Austria (1993) (Appl. No. 13126/87, 25 August 1993)	67
Sialkowska v Poland (2007) (Appl. No. 8932/05, 22 March 2007)	24
Sipavicius v Lithuania (2002) (Appl. No. 49093/99, 21 February 2002).....	71
Skorobogatykh v Russia (2006) (Appl. No. 37966/02, 8 June 2006).....	6
Solakov v Former Yugoslav Republic of Macedonia (2001) (Appl. No. 47023/99, 31 October 2001)	83, 84
Sporrong and Lonroth v Sweden (1982) (Appl. No. 7151/75; 7152/75, 23 September 1982)	6, 11
Sramek v Austria (1984) (Appl. No. 8790/79, 22 October 1984)	30
Stanford v United Kingdom (1994) (Appl. No. 16757/90, 23 February 1994)	48
Stankiewicz v Poland (2006) (Appl. No. 46917/99, 6 April 2006)	43
Stankov v Bulgaria (2007) (Appl. No. 68490/01, 12 July 2007)	26
Staroszczyk v Poland (2007) (Appl. No. 59519/00, 22 March 2007).....	24
Steel and Morris v United Kingdom (2005) (Appl. No. 68416/01, 15 February 2005)	25, 41
Stojakovic v Austria (2006) (Appl. No. 30003/02, 9 November 2006).....	32
Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v Greece (1994) (Appl. No. 13427/87, 09 December 1994).....	11, 43
Stubbings and Others v United Kingdom (1996) (Appl. Nos. 22083/93 and 22095/93, 22 October 1996)	24
Sukut v Turkey (2007) (Appl. No. 59773/00, 11 November 2007).....	13
T. and V. v United Kingdom (1999) (Appl. Nos. 24888/94 and 24724/94, 16 December 1999)	20, 48
T. v Austria (2000) (Appl. No. 27783/95, 14 November 2000)	69, 71
Teixeira de Castro v Portugal (1998) (Appl. No. 25829/94, 9 June 1998)	51
Telfner v Austria (2001) (Appl. No. 33501/96, 20 March 2001)	55
Timofeyev v Russia (2003) (Appl. No. 58263/00, 23 October 2003).....	29
Tinnelly & Sons LTD and Others and McElduff and Others v United Kingdom (1998) (Appl. Nos. 20390/92 and 21322/93, 10 July 1998).....	6, 9, 24
Tocono and Profesorii Prometeisti v Moldova (2007) (Appl. No. 32263/03, 26 June 2007)	34
Tomasic v Croatia (2006) (Appl. No. 21753/02, 19 October 2006).....	60
Tre Traktörer Aktiebolag v Sweden (1989) (Appl. No. 10873/84, 7 July 1989).....	10
Tripodi v Italy (1994) (Appl. No. 13743/88, 22 February 1994)	81
Unterpertinger v Austria (1986) (Appl. No. 9120/80, 24 November 1986).....	84
Uzkureliene and Others v Lithuania (2005) (Appl. No. 62988/00, 7 April 2005)	29
Vacher v France (1996) (Appl. No. 20368/92, 17 December 1996).....	73
Valasinas v Lithuania (2001) (Appl. No. 44558/98, 24 July 2001)	28
Van de Hurk v Netherlands (1994) (Appl. No. 16034/90, 19 April 1994).....	31
Van Marle and Others v Netherlands (1986) (Appl. No. 8543/79; 8674/79; 8675/79; 8686/79, 26 June 1986).....	5, 10
Van Mechelen and Others v Netherlands (1997) (Appl. Nos. 21363/93, 21364/93, 21427/93 and 22056/93, 23 April 1997)	85
Vanyan v Russia (2005) (Appl. No. 53203/99, 15 December 2005)	21, 51
Vasileva v Denmark (2003) (Appl. No. 52792/99, 25 September 2003)	52
Vidal v Belgium (1992) (Appl. No. 12351/86, 22 April 1992)	82, 83
Vilko Eskelinen v Finland (2007) (Appl. No. 63235/00, 19 April 2007).....	12
Warsicka v Poland (2007) (Appl. No. 2065/03, 16 January 2007)	35
Weber v Switzerland (1990) (Appl. No. 11034/84, 22 May 1990)	15, 16
Weh v Austria (2004) (Appl. No. 38544/97, 8 April 2004)	55
Weissman and Others v Romania (2006) (Appl. No. 63945/00, 24 May 2006)	26
Winterwerp v Netherlands (1979) (Appl. No. 6301/73, 24 October 1979).....	11

Wynen and Centre Hospitalier Interrégional Edith-Cavell v Belgium (2002) (Appl. No. 32576/96, 5 November 2002).....	42
X. and Y. v Netherlands (1985) (Appl. No. 8978/80, 26 March 1985)	23
X. v France (1992) (Appl. No. 18020/91, 31 March 1992)	61
X. v Sweden (1959) (Appl. No. 434/58, 30 June 1959).....	47
Yvon v France (2003) (Appl. No. 44962/98, 24 April 2003)	42
Z. and Others v United Kingdom (2001) (Appl. No. 29392/95, 10 May 2001)	26
Zaicevs v Latvia (2007) (Appl. No. 65022/01, 31 July 2007)	17
Zana v Turkey (1997) (Appl. No. 18954/91, 25 November 1997)	47
Zand v Austria (1978) [Commission Report] (Appl. No. 7360/76, 12 October 1978).....	63
Ziliberg v Moldova (2005) (Appl. No. 61821/00, 1 February 2005)	16
Zimmermann and Steiner v Switzerland (1983) (Appl. No. 8737/79, 13 July 1983).....	62
Zlinsat Spol. S.R.O. v Bulgaria (2006) (Appl. No. 57785/00, 15 June 2006).....	32
 Решения	
Agee v United Kingdom (dec.)(1976) (Appl. No. 7729/76, 17 December 1976)	18
Allen v United Kingdom (dec.)(2002) (Appl. No. 76574/01, 10 September 2002).....	52
Al-Moayad v Germany (dec.)(2007) (Appl. No. 35865/03, 20 February 2007)	57
Antoine v United Kingdom (dec.)(2003) (Appl. No. 62960/00, 13 May 2003).....	20
Arrigo and Vella v Malta (dec.)(2005) (Appl. No. 6569/04, 10 May 2005)	67
Backstrom and Andersson v Sweden (dec.)(2006) (Appl. No. 67930/01, 5 September 2006)	71
Bonzi v Switzerland (dec.)(1978) (Appl. No. 7854/77, 12 July 1978).....	74
Butkevicius v Lithuania (dec.)(2000) (Appl. No. 48297/99, 28 November 2000).....	51, 56, 83
Cherepkov v Russia (dec.)(2000) (Appl. No. 51501/99, 25 January 2000).....	13
Clarke v United Kingdom (dec.)(2005) (Appl. No. 23695/02, 25 August 2005).....	32
Daktaras v Lithuania (dec.)(2000) (Appl. No. 42095/98, 11 January 2000).....	41
Dogmoch v Germany (dec.)(2006) (Appl. No. 26315/03, 18 September 2006)	14
Ensslin and Others v Germany (dec.)(1978) (Appl. No. 7572/76, 8 July 1978).....	77
Franz Fischer v Austria (dec.)(2003) (Appl. No. 27569/02, 6 May 2003).....	20
Ganusauskas v Lithuania (dec.)(1999) (Appl. No. 47922/99, 7 September 1999)	20
H. v United Kingdom (dec.)(1985) (Appl. No. 11559/85, 2 December 1985).....	23
Jankauskas v Lithuania (dec.)(2003) (Appl. No. 59304/00, 16 December 2003)	26
Jodko v Lithuania (dec.)(1999) (Appl. No. 39350/98, 7 September 1999)	24
Kaplan v United Kingdom (dec.)(1978) (Appl. No. 7598/76, 14 December 1978)	19
Krempovskij v Lithuania (dec.)(1999) (Appl. No. 37193/97, 20 April 1999)	72, 77, 83
Kunkov and Kunkova v Russia (dec.)(2006) (Appl. 74690/01, 12 October 2006).....	13
Kurup v Denmark (dec.)(1985) (Appl. No. 11219/84, 10 July 1985)	74
Lasmane v Latvia (dec.) (2002) (Appl. No. 43293/98, 6 June 2002)	13
Latimer v United Kingdom (dec.)(2005) (Appl. No. 12141/04, 31 May 2005)	79
Loiseau v France (dec.)(2003) (Appl. No. 46809/99, 18 November 2003)	13
M. v Germany (dec.)(1985) (Appl. No. 10059/82, 5 July 1985)	19
Matyjek v Poland (dec.)(2006) (Appl. No. 38184/03, 30 May 2006).....	18, 43
MPP Golub v Ukraine (dec.)(2005) (Appl. No. 6778/05, 18 October 2005).....	24
Nunes Diaz v Portugal (dec.)(2003) (Appl. No. 69829/01 ; 2672/03, 10 April 2003)	48
Richard-Dubarry v France (dec.)(2003) (Appl. No. 53929/00, 7 November 2003).....	13
S. v Germany (dec.)(1984) (Appl. No. 10365/83, 5 July 1984)	19
Salaman v United Kingdom (dec.)(2000) (Appl. No. 43505/98, 15 June 2000)	37
Saraiva de Carvalho v Portugal (dec.)(1981) (Appl. No. 9208/80, 10 July 1981).....	19
Schreiber and Boetsch v France (dec.)(2003) (Appl. No. 58751/00, 11 November 2003)	13, 27
Shestakov v Russia (dec.)(2002) (Appl. No. 48757/99, 18/06/2002)	30
Sidabras and Dziautas v Lithuania (dec.)(2003) (Appl. Nos. 55480/00 and 59330/00, 1 July 2003).....	19
Stow and Gai v Portugal (dec.)(2005) (Appl. No. 18306/04, 4 October 2005)	35

Szabo v Sweden (dec.)(2006) (Appl. No. 28578/03, 27 June 2006).....	19
Thomas v United Kingdom (dec.)(2005) (Appl. No. 19354/02, 10 May 2005).....	83
Tumilovich v Russia (dec.)(1999) (Appl. No. 47033/99, 22 June 1999)	21
Vaivada v Lithuania (dec.)(2005) (Appl. Nos. 66004/01 and 36996/02, 24 November 2005)	62
Valasinas v Lithuania (dec.)(2000) (Appl. No. 44558/98, 14 March 2000).....	21
Van Offeren v Netherlands (dec.)(2005) (Appl. No. 19581/04, 5 July 2005).....	65
Webb v United Kingdom (dec.)(1997) (Appl. No. 33186/96, 2 July 1997).....	24
X. v Austria (dec.)(1961) (Appl. No. 1127/61, 19 September 1961).....	20
X. v Austria (dec.)(1962) (Appl. No. 1159/61, 12 March 1962).....	20
X. v Austria (dec.)(1977) (Appl. No. 7034/75, 12 October 1977)	20
X. v Belgium (dec.)(1980) (Appl. No. 8876/80, 16 October 1980	19
X. v United Kingdom (dec.)(1979) (Appl. No. 8575/79, 14 December 1979)	20
X. v United Kingdom (dec.)(1980) (Appl. No. 8416/79, 13 May 1980).....	19
Zamir v United Kingdom (dec.)(1982) (Appl. No. 9174/80, 13 July 1982).....	18
Zand v Austria (dec.)(1977) (Appl. No. 7360/76, 16 May 1977).....	31
Zdanoka v Latvia (dec.)(2003)(Appl. No. 58278/00, 6 March 2003)	13
Zhelezov v Russia (dec.)(2002) (Appl. No. 48040/99, 23 April 2002).....	78

